СЕРГЕЙ

АЛЕКСЕЕВ

Сто рассказов
о войне

ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

Сто рассказов о войне

Сергей Петрович Алексеев

Аннотация
Сергей Петрович Алексеев. СТО РАССКАЗОВ О ВОЙНЕ
Глава первая. КОНЕЦ БЛИЦКРИГА
Глава вторая. «ЗНАЙ НАШИХ!»
Глава третья. ЗЛАЯ ФАМИЛИЯ
Глава четвертая. ДВЕНАДЦАТЬ ТОПОЛЕЙ
Глава пятая. НАДЕЖНАЯ ИНТУИЦИЯ
Глава шестая. ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ
Глава седьмая. ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Аннотация

Книга, на которой выросли поколения юных читателей.

Книга, в которой героический подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне поведан не сухим, казенным языком фактов, но многоголосьем реальных людей, переживших славные и страшные годы 1941–1945.

Какими они были, — люди, отстоявшие свободу и независимость, и уничтожившие фашистскую чуму?

Талант известного писателя Сергея Алексеева позволяет нам увидеть их, как живых, и запомнить навсегда.

Сергей Петрович Алексеев
СТО РАССКАЗОВ О ВОЙНЕ

Глава первая
КОНЕЦ БЛИЦКРИГА

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Брестская крепость стоит на границе. Атаковали ее фашисты в первый же день войны.

Не смогли фашисты взять Брестскую крепость штурмом. Обошли ее слева, справа. Осталась она у врагов в тылу.

Наступают фашисты. Бои идут под Минском, под Ригой, под Львовом, под Луцком. А там, в тылу у фашистов, не сдается, сражается Брестская крепость.

Трудно героям. Плохо с боеприпасами, плохо с едой, особенно плохо с водой у защитников крепости.

Кругом вода — река Буг, река Муховец, рукава, протоки. Кругом вода, но в крепости нет воды. Под обстрелом вода. Глоток воды здесь дороже жизни.

— Воды!

— Воды!

— Воды! — несется над крепостью.

Нашелся смельчак, помчался к реке. Помчался и сразу рухнул. Сразили враги солдата. Прошло время, еще один отважный вперед рванулся. И он погиб. Третий сменил второго. Не стало в живых и третьего.

От этого места недалеко лежал пулеметчик. Строчил, строчил пулемет, и вдруг оборвалась очередь. Перегрелся в бою пулемет. И пулемету нужна вода.

Посмотрел пулеметчик — испарилась от жаркого боя вода, опустел пулеметный кожух. Глянул туда, где Буг, где протоки. Посмотрел налево, направо.

— Эх, была не была.

Пополз он к воде. Полз по-пластунски, змейкой к земле прижимался. Все ближе к воде он, ближе. Вот рядом совсем у берега. Схватил пулеметчик каску. Зачерпнул, словно ведром, воду. Снова змейкой назад ползет. Все ближе к своим, ближе. Вот рядом совсем. Подхватили его друзья.

— Водицу принес! Герой!

Смотрят солдаты на каску, на воду. От жажды в глазах мутится. Не знают они, что воду для пулемета принес пулеметчик. Ждут, а вдруг угостит их сейчас солдат — по глотку хотя бы.

Посмотрел на бойцов пулеметчик, на иссохшие

губы, на жар в глазах.

— Подходи, — произнес пулеметчик.

Шагнули бойцы вперед, да вдруг…

— Братцы, ее бы не нам, а раненым, — раздался чей-то голос.

Остановились бойцы.

— Конечно, раненым!

— Верно, тащи в подвал!

Отрядили солдаты бойца в подвал. Принес он воду в подвал, где лежали раненые.

— Братцы, — сказал, — водица…

Повернулись на голос головы. Побежала по лицам радость. Взял боец кружку, осторожно налил на донышко, смотрит, кому бы дать. Видит, солдат в бинтах весь, в крови солдат.

— Получай, — протянул он солдату кружку.

Потянулся было солдат к воде. Взял уже кружку, да вдруг:

— Нет, не мне, — произнес солдат. — Не мне. Детям тащи, родимый.

— Детям! Детям! — послышались голоса.

Понес боец воду детям. А надо сказать, что в Брестской крепости вместе со взрослыми бойцами находились и женщины и дети — жены и дети военнослужащих.

Спустился солдат в подвал, где были дети.

— А ну, подходи, — обратился боец к ребятам. — Подходи, становись, — и, словно фокусник, из-за спины вынимает каску.

Смотрят ребята — в каске вода.

— Вода!

Бросились дети к воде, к солдату.

Взял боец кружку, осторожно налил на донышко. Смотрит, кому бы дать. Видит, рядом малыш с горошину.

— На, — протянул малышу.

Посмотрел малыш на бойца, на воду.

— Папке, — сказал малыш. — Он там, он стреляет.

— Да пей же, пей, — улыбнулся боец.

— Нет, — покачал головой мальчонка. — Папке. — Так и не выпил глотка воды.

И другие за ним отказались.

Вернулся боец к своим. Рассказал про детей, про раненых. Отдал он каску с водой пулеметчику.

Посмотрел пулеметчик на воду, затем на солдат, на бойцов, на друзей. Взял он каску, залил в металлический кожух воду. Ожил, заработал, застрочил пулемет.

Прикрыл пулеметчик бойцов огнем. Снова нашлись смельчаки. К Бугу, смерти навстречу, поползли. Вернулись с водой герои. Напоили

детей и раненых.

Отважно сражались защитники Брестской крепости. Но становилось их все меньше и меньше. Бомбили их с неба. Из пушек стреляли прямой наводкой. Из огнеметов.

Ждут фашисты — вот-вот, и запросят пощады люди. Вот-вот, и появится белый флаг.

Ждали, ждали — не виден флаг. Пощады никто не просит.

Тридцать два дня не умолкали бои за крепость «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» — написал на стене штыком один из последних ее защитников.

Это были слова прощанья. Но это была и клятва. Сдержали солдаты клятву. Не сдались они врагу.

Поклонилась за это страна героям. И ты на минуту замри, читатель. И ты низко поклонись героям.

ЛИЕПАЯ

Шагает война огнем. Пылает земля бедой. На огромном пространстве от Балтийского до Черного моря развернулась грандиозная битва с фашистами.

Наступали фашисты сразу в трех направлениях: на Москву, Ленинград и Киев. Распустили

смертельный веер.

Город Лиепая — порт Латвийской Советской Республики. Сюда, на Лиепаю, был направлен один из фашистских ударов. Верят в легкий успех враги:

— В наших руках Лиепая!

Наступают фашисты с юга. Идут вдоль моря — прямой дорогой. Идут фашисты. Вот селение Руцава. Вот озеро Папес. Вот речка Барта. Все ближе и ближе город.

— В наших руках Лиепая!

Идут. Вдруг страшный огонь преградил дорогу. Остановились фашисты. Вступили фашисты в бой.

Бьются, бьются, никак не пробьются. Не могут прорваться к Лиепае враги с юга.

Изменили фашисты тогда направление. Обходят город теперь с востока. Обошли. Вот и город дымит вдали.

— В наших руках Лиепая!

Только пошли в атаку, как вновь шквалом огня ощетинилась Лиепая. На помощь солдатам пришли моряки. На помощь военным пришли рабочие. Взяли в руки они оружие. Вместе с бойцами в одном ряду.

Остановились фашисты. Вступили фашисты

в бой.

Бьются, бьются, никак не пробьются. Не продвинутся фашисты и здесь, с востока.

Дальше пошли фашисты. Обошли Лиепаю с севера. Окружили город с трех сухопутных его сторон. От моря до моря в тисках Лиепая. Торжествуют фашисты:

— В наших руках Лиепая!

Однако и здесь, на севере, преградили дорогу фашистам отважные защитники Лиепаи. Бьется с врагом Лиепая.

Сутки проходят.

Бьется!

Вторые проходят.

Бьется!

Третьи. Четвертые на исходе.

Не сдается, держится Лиепая!

Лишь когда кончились снаряды, патронов нет — отошли защитники Лиепаи.

Вступили фашисты в город.

— В наших руках Лиепая!

Но не смирились советские люди. Ушли в подполье. Ушли в партизаны. На каждом шагу ожидает фашистов пуля. Целую дивизию держат фашисты в городе.

Борется Лиепая.

Долго поминали враги Лиепаю. Если в чем-то у них неудача — говорили:

— Лиепая!

Не забыли и мы Лиепаю. Если кто-то стойко стоял в бою, если кто-то сверхотважно с врагами дрался, и это отметить бойцы хотели, говорили:

— Лиепая!

Даже в рабство попав к фашистам, оставалась она в боевом строю — наша советская Лиепая.

КАПИТАН ГАСТЕЛЛО

Шел пятый день войны. Летчик капитан Николай Францевич Гастелло со своим экипажем вел самолет на боевое задание. Самолет был большой, двухмоторный. Бомбардировщик.

Вышел самолет к намеченной цели. Отбомбился. Выполнил боевую задачу. Развернулся. Стал уходить домой.

И вдруг сзади разрыв снаряда. Это фашисты открыли огонь по советскому летчику. Произошло самое страшное, снаряд пробил бензиновый бак. Загорелся бомбардировщик. Побежало по крыльям, по фюзеляжу пламя.

Капитан Гастелло попытался сбить огонь. Он резко накренил самолет на крыло. Заставил машину как бы падать набок. Называется такое

положение самолета скольжением. Думал летчик, собьется, утихнет пламя. Однако продолжала гореть машина. Свалил Гастелло бомбардировщик на второе крыло. Не исчезает огонь. Горит самолет, высоту теряет.

В это время под самолетом внизу двигалась фашистская автоколонна: цистерны с горючим в колонне, автомашины. Подняли фашисты головы, следят за советским бомбардировщиком.

Видели фашисты, как попал в самолет снаряд, как вспыхнуло сразу пламя. Как стал бороться летчик с огнем, бросая машину из стороны в сторону.

Торжествуют фашисты.

— Меньше одним коммунистом стало!

Смеются фашисты. И вдруг…

Старался, старался капитан Гастелло сбить с самолета пламя. Бросал с крыла на крыло машину. Ясно — не сбить огонь. Бежит навстречу самолету со страшной быстротой земля. Глянул Гастелло на землю. Увидел внизу фашистов, автоколонну, цистерны с горючим, грузовики.

А это значит: прибудут цистерны к цели — будут заправлены бензином фашистские самолеты, будут заправлены танки и автомашины; ринутся на наши города и села фашистские самолеты,

пойдут в атаку на наших бойцов фашистские танки, помчатся машины, повезут фашистских солдат и военные грузы.

Капитан Гастелло мог оставить горящий самолет и выброситься с парашютом.

Но не воспользовался парашютом капитан Гастелло. Сжал он потверже в руках штурвал. Нацелил бомбардировщик на фашистскую автоколонну.

Стоят фашисты, смотрят на советский самолет. Рады фашисты. Довольны, что их зенитчики наш самолет подбили. И вдруг понимают: прямо на них, на цистерны устремляется самолет.

Бросились фашисты в разные стороны. Да не все убежать успели. Врезался самолет в фашистскую автоколонну. Раздался страшный взрыв. Десятки фашистских машин с горючим взлетели в воздух.

Много славных подвигов совершили советские воины в годы Великой Отечественной войны — и летчики, и танкисты, и пехотинцы, и артиллеристы. Много незабываемых подвигов. Одним из первых в этом ряду бессмертных был подвиг капитана Гастелло.

Погиб капитан Гастелло. А память осталась. Вечная память. Вечная слава.

ДЕРЗОСТЬ

Произошло это на Украине. Недалеко от города Луцка.

В этих местах, под Луцком, под Львовом, под Бродами, Дубно, разгорелись большие танковые бои с фашистами.

Ночь. Колонна фашистских танков меняла свои позиции. Идут одна за одной машины. Наполняют округу моторным гулом.

Командир одного из фашистских танков лейтенант Курт Видер отбросил башенный люк, вылез по пояс из танка, видом ночным любуется.

Летние звезды с неба спокойно смотрят. Справа узкой полоской тянется лес. Слева поле бежит в низинку. Метнулся серебряной лентой ручей. Дорога вильнула, взяла чуть в гору. Ночь. Идут одна за одной машины.

И вдруг. Не верит Видер своим глазам. Впереди перед танком раздался выстрел. Видит Видер: выстрелил танк тот, что шел впереди Видера. Но что такое? По своему же танку ударил танк! Вспыхнул подбитый, окутался пламенем.

Замелькали, понеслись мысли одна за одной у Видера:

— Случайность?!

— Оплошность?!

— Сдурели?!

— Спятили?!

Но в эту секунду и сзади выстрел. Затем третий, четвертый, пятый. Повернулся Видер. По танкам стреляют танки. Идущие сзади по тем, что идут впереди.

Опустился Видер быстрее в люк. Не знает, какую команду давать танкистам. Смотрит налево, смотрит направо, и верно: какую давать команду?

Пока раздумывал, снова раздался выстрел. Раздался рядом, и тут же вздрогнул танк, в котором был Видер. Вздрогнул, лязгнул и свечкой вспыхнул.

Выпрыгнул Видер на землю. Метнулся стрелой в канаву.

Что же случилось?

За день до этого в одном из боев советские солдаты отбили у фашистов пятнадцать танков. Тринадцать из них оказались совсем исправными.

Вот тут и решили наши использовать фашистские танки против самих же фашистов. Сели советские танкисты в неприятельские машины, вышли к дороге и подкараулили одну из фашист-

ских танковых колонн. Когда колонна подошла, незаметно влились в нее танкисты. Потом потихоньку перестроились так, чтобы в спину за каждым фашистским танком шел танк с нашими танкистами.

Идет колонна. Спокойны фашисты. На всех танках кресты черные. Подошли к косогору. И вот тут — расстреляли наши колонну фашистских танков.

Поднялся Видер с земли на ноги. Глянул на танки. Догорают они как угли. Взгляд перевел на небо. Звезды с неба как иглы колют.

Вернулись наши к себе с победой, с трофеями.

— Ну как — порядок?

— Считай, что полный!

Стоят танкисты.

Улыбки светятся. В глазах отвага. На лицах дерзость.

КОЛЮЧЕЕ СЛОВО

По белорусской земле идет война. Подымаются сзади огнем пожарища.

Шагают фашисты. И вот перед ними Березина — белорусских полей красавица.

Бежит Березина. То разольется широкой поймой, то вдруг до протоки сузится, пробьется

сквозь топи, сквозь зыби, прожурчит вдоль бора, вдоль леса, вдоль поля, к избам добротным под ноги бросится, улыбнется мостам, городам и селам.

Вышли фашисты к Березине. Один из отрядов к селу Студянка. Прогромыхали бои у Студянки. Довольны фашисты. Еще новый рубеж захвачен.

У Студянки места холмистые. Горбом здесь и правый и левый берег. Березина здесь течет в низине. Поднялись фашисты на холм. Как на ладони лежит округа. Уходит полями и лесом к небу. Шагают фашисты.

— Песню! — командует офицер.

Запели солдаты песню.

Шагают фашисты, вдруг видят — памятник. На вершине холма, у дороги, стоит обелиск. Надпись внизу на памятнике.

Остановились фашисты, перестали горланить песню. На обелиск, на надпись смотрят. Не понимают они по-русски. Однако интересно, что же здесь написано. Обращаются один к другому:

— О чем там, Курт?

— О чем здесь, Карл?

Стоят Курты, Карлы, Фрицы, Францы, Адольфы, Гансы, на надпись смотрят.

И вот нашелся один, кто читал по-русски.

«Здесь, на этом месте…» — начал читать солдат. И далее о том, что здесь, на Березине, у села Студянка, в 1812 году русская армия под командованием фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова окончательно разгромила полчища французского императора Наполеона I, мечтавшего завоевать нашу страну, и изгнала захватчиков из пределов России.

Да, это было именно в этом месте. Здесь, на Березине, у села Студянка.

Дочитал солдат до конца надпись на памятнике. Посмотрел на своих соседей. Присвистнул Курт. Присвистнул Карл. Усмехнулся Фриц. Улыбнулся Франц. Зашумели другие солдаты:

— Так когда это было!

— Не та сила у Наполеона тогда была!

Дальше пошли солдаты. Снова запели песню.

Только что такое? Песня теперь не песня. Все тише и тише песня.

— Громче, громче! — командует офицер.

Не получается что-то громче. Вот и вовсе замолкла песня.

Идут солдаты, вспоминают про 1812 год, про обелиск, про надпись на памятнике. Хоть и давно это, правда, было, хоть и сила у Наполеона не та была, да только как-то испортилось вдруг у фа-

шистских солдат настроение. Идут, повторяют:

— Березина!

Колючим вдруг оказалось слово.

ИМЕНИЕ

По Украине враги шагают. Рвутся вперед фашисты.

Хороша Украина. Воздух душист, как травы. Земли жирные, как масло. Щедрое солнце светит.

Пообещал Гитлер солдатам, что после войны, после победы, получат на Украине они имения.

Шагает солдат Ганс Муттерфатер, подбирает себе имение.

Приглянулось ему местечко. Речка журчит. Ракиты. Луг рядом с речкой. Аист.

— Хорошо. Благодать! Вот тут я, пожалуй, после войны останусь. Вот тут у речки построю дом.

Прикрыл он глаза. Вырос красавец дом. А рядом с домом конюшня, амбары, сараи, коровник, свинарник.

Расплылся в улыбке солдат Муттерфатер.

— Отлично! Прекрасно! Запомним место.

Дальше идут фашисты. Хороша Украина. Взгорки. Низинки. В низинках лежат пруды. Села на взгорках. Внизу мосточки. Машет крылом ветряк.

Глянул Ганс Муттерфатер:

— Отличное место!

Залюбовался.

Вот тут я, пожалуй, после войны останусь. Вот тут, на взгорке, построю дом. Прикрыл он глаза. Вырос красавец дом. А рядом с домом другие службы: конюшня, амбары, сараи, коровник, свинарник.

Запомнил солдат местечко.

Дальше идут войска.

Вновь остановка.

Степью легли просторы. Нет им конца-края. Поле лежит, как бархат. Грачи по полю словно князья шагают.

Захвачен солдат безграничным простором. Смотрит на степи, на землю — душа играет.

— Вот тут я, вот тут навсегда останусь.

Прикрыл он глаза: колосится пшеницей поле. Рядом идут косцы. Это его колосится поле. Это на поле его косцы. А рядом пасутся коровы. Это его коровы. А рядом клюют индейки. Это его индейки. И свиньи его, и куры. И гуси его, и утки. И овцы его, и козы. А вот и красавец дом.

Твердо решил Муттерфатер. Тут он возьмет имение. Не надо другого места.

— Зер гут! — произнес фашист. — Навечно я

здесь останусь.

Хороша Украина. Щедра Украина. Сбылось то, о чем так мечтал Муттерфатер. Остался навечно здесь Ганс Муттерфатер, когда открыли бой партизаны. И надо же — тут же, прямо в его имении.

Лежит Муттерфатер в своем имении. А рядом мимо дальше идут другие. Выбирают и эти себе имения. Кто на взгорке, а кто под горкой. Кто у леса, а кто у поля. Кто у пруда, а кто у речки.

Смотрят на них партизаны:

— Не толпитесь. Не торопитесь. Велика Украина. Щедра Украина. Места любому хватит.

ДВА ТАНКА

В одном из сражений советский танк КВ (КВ — это марка танка) таранил фашистский. Разбит был фашистский танк. Пострадал, однако, и наш. От удара заглох мотор.

Наклонился водитель-механик Устинов к мотору, пытается запустить. Молчит мотор.

Остановился танк. Однако танкисты бой не прекратили. Открыли по фашистам огонь из пушки и пулеметов.

Стреляют танкисты, прислушиваются, не заработает ли мотор. Возится у мотора Устинов. Молчит мотор.

Долгим был бой, упорным. И вот кончились у нашего танка боеприпасы. Совсем беспомощным теперь оказался танк. Одиноко, молча стоит на поле.

Заинтересовались фашисты одиноко стоящим танком. Подошли. Посмотрели — внешне цела машина. Залезли на танк. Бьют коваными сапогами по крышке люка.

— Эй, рус!

— Выходи, рус!

Прислушались. Нет ответа.

— Эй, рус!

Нет ответа.

«Погибли танкисты», — подумали гитлеровцы. Решили они танк утянуть, как трофей. Подогнали к советскому танку свой танк. Достали трос. Прикрепили. Натянулся трос. Потянула махина махину.

«Плохи дела», — понимают наши танкисты. Наклонились к мотору, к Устинову:

— А ну, посмотри сюда.

— А ну, ковырни вот здесь.

— Куда же ушла искра?!

Пыхтит у мотора Устинов.

— Ах ты, упрямец!

— Ах ты, стальная твоя душа!

И вдруг фыркнул, заработал мотор у танка. Схватился Устинов за рычаги. Быстро включил сцепление. Дал посильнее газ. Задвигались у танка гусеницы. Уперся советский танк.

Видят фашисты, уперся советский танк. Поражаются: был недвижим — и ожил. Включили самую сильную мощность. Не могут сдвинуть с места советский танк. Ревут моторы. Тянут танки друг друга в разные стороны. Вгрызаются в грунт гусеницы. Летит из-под гусениц земля.

— Вася, нажми! — кричат танкисты Устинову. — Вася!

Нажал до предела Устинов. И вот пересилил советский танк. Потянул за собой фашиста. Поменялись фашисты и наши теперь ролями. Не наш, а фашистский танк оказался сейчас в трофеях.

Заметались фашисты, открыли люки. Стали прыгать из танка.

Притащили герои неприятельский танк к своим. Смотрят солдаты:

— Танк!

— Фашистский!

— Совсем целехонький!

Рассказали танкисты о прошедшем бое и о том, что случилось.

— Пересилили, значит, — смеются солдаты.

— Перетянули!

— Наш-то, выходит, в плечах сильнее.

— Сильнее, сильнее, — смеются солдаты. — Дай срок — то ли будет, братцы, фрицам.

Что тут скажешь?

— Перетянем?

— Перетянем!

Будут битвы. Быть победам. Только все это не сразу. Битвы эти впереди.

ПОЛНЫМ-ПОЛНО

Сражение с фашистами шло на берегах Днепра. Вышли фашисты к Днепру. В числе других захватили и село Бучак. Разместились там фашисты. Много их — около тысячи. Установили минометную батарею. Берег высокий. Далеко фашистам с откоса видно. Бьет по нашим фашистская батарея.

Оборону на левом, противоположном берегу Днепра держал полк, которым командовал майор Музагик Хайретдинов. Решил Хайретдинов проучить фашистов и фашистскую батарею. Отдал приказ провести ночную атаку на правый берег.

Стали советские солдаты готовиться к переправе. Раздобыли у жителей лодки. Весла, шесты достали. Погрузились. Оттолкнулись от левого

берега. Ушли в темноту солдаты.

Не ожидали фашисты атаки с левого берега. Село на круче от наших днепровской водой прикрыто. Спокойны фашисты. И вдруг обрушились огненным звездопадом советские бойцы на врагов. Смяли. Сжали. С кручи днепровской сбросили. Уничтожили и фашистских солдат, и фашистскую батарею.

Вернулись бойцы с победой на левый берег.

Утром к селу Бучак подходили новые фашистские силы. Сопровождал фашистов молодой лейтенант. Рассказывает лейтенант солдатам про Днепр, про днепровские кручи, про село Бучак.

— Там наших полным-полно!

Уточняет — мол, минометная батарея стоит на круче, виден с кручи весь левый берег, от русских фашисты днепровской водой, как стеной, прикрыты, а солдаты в Бучаке расположились, как у Христа за пазухой.

Подходят к селу фашисты. Что-то тихо кругом, беззвучно. Пусто кругом, безлюдно.

Удивляется лейтенант:

— Да было же наших полным-полно!

Вступили в село фашисты. Вышли к днепровской круче. Видят, на круче лежат убитые. Посмотрели налево, посмотрели направо — и

верно, полным-полно.

Не только за село Бучак — во многих тогда местах на Днепре завязались упорные бои с фашистами. Сильный удар по фашистам нанесла здесь 21-я советская армия. Переправилась армия через Днепр, обрушилась на фашистов, освободили советские солдаты города Рогачев и Жлобин, направились на Бобруйск.

Всполошились фашисты:

— Рогачев потерян!

— Потерян Жлобин!

— Противник идет к Бобруйску!

Пришлось фашистам срочно отозвать свои войска с других участков. Погнали они под Бобруйск огромные силы. Едва удержали Бобруйск фашисты.

Удар 21-й армии был не единственным. И в других местах на Днепре крепко досталось тогда фашистам.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

Шли бои в Белоруссии южнее города Могилева. Фашистский танковый батальон лесной дорогой продвигался вперед.

Осторожно идут фашисты. Дорога узкая. Вплотную подходит лес. Справа и слева болото.

Свернешь чуть вправо, свернешь чуть влево — уйдешь в трясину, как камень в воду.

Гуськом один за одним продвигаются танки. Замыкает колонну бронемашина. Жутковато идти по такой дороге. С тревогой фашисты на лес косятся.

Не обмануло врагов предчувствие.

Грянул из леса пушечный выстрел. Вздрогнул передний танк, лязгнул броней и вспыхнул.

Остановилась колонна.

— Обходи, объезжай! Рехтс! Линке![1] — командует офицер.

Хотели фашисты объехать застрявший танк. Взял второй танк чуть правее. Только к болоту сунулся — и тут же по грудь в трясину.

Попытался другой свернуть чуть налево. Только с дороги сдвинулся — и тут же в болото ушел по шею.

Перекрылась вперед дорога.

— Цурюк! Цурюк![2] — командует теперь офицер.

Включили танки заднюю скорость. Только собрались назад попятиться. Но в это время снова

---

[1] Примечания: 1
Правее! Левее!

[2] Примечания: 2
Назад!

раздался выстрел. Попал снаряд в бронемашину, ту, которая замыкала колонну. Вспыхнула бронемашина.

Перекрылась назад дорога.

Оказались фашисты как мышь в ловушке. Ни влево, ни вправо. Ни вперед, ни назад. Стоят на лесной дороге танки словно мишени в тире.

Снова раздался выстрел. Третий вышел из строя танк. Снова выстрел. Горит четвертый.

Развернули фашисты танковые башни в ту сторону леса, откуда стреляла пушка, сами огонь открыли.

Но не смолкает пушка, ведет стрельбу.

Пятый вышел из строя танк, шестой.

Рассмотрели фашисты — у русской пушки всего лишь один солдат.

Схватили враги автоматы. Пытаются сквозь болото пробиться к пушке. Пока пробирались, расстрелял отважный артиллерист всю колонну фашистских танков.

Расстрелял, но и сам погиб в неравном бою с фашистами.

Смотрят фашисты на советского воина. Прибыл сюда генерал. Тоже смотрит на убитого, на уничтоженный танковый батальон. Смотрит. Молчит.

— Н-да, — протянул задумчиво. Потом повернулся к своим солдатам: — Вот как надо любить фатерланд — родину!

Сказал, глянул опять на советского артиллериста, молча пошел прочь.

Как же звать, величать героя?

Сохранила имя его история. Старший сержант Николай Сиротинин.

ИСПАРЯЮТСЯ

Фашисты наступали на Ленинград. Упорные бои развернулись у города Луги.

Здесь проходил один из рубежей советской обороны. Надежно держали бойцы боевой рубеж.

Бросались фашисты в атаки, бросались, стучались в ворота Луги, не могли ворваться.

Был у фашистов один лейтенант. Своеобразно любил докладывать. Прибыл лейтенант на доклад к майору.

Майор лейтенанту:

— Ну как обстоят дела?

— Убывают.

— Что убывают?

— Как дни.

— Что, как дни?

— Зимою.

— Что зимою?

— Убывают наши силы, как дни зимою.

Не взяли фашисты Лугу. Отошли. Южнее теперь ударили.

Рвались, рвались фашисты южнее Луги, в оборону советских частей стучались, не могут и здесь прорваться.

Прибыл лейтенант на доклад к майору.

— Ну, как обстоят дела?

— Тают.

— Что тают?

— Как снег.

— Что, как снег?

— Весною.

— Что весною?

— Тают наши силы, как снег весною.

Не прорвались фашисты южнее Луги. Отошли. Перестроились. В новом месте удар наносят. С севера Лугу теперь обходят.

Кидались фашисты в атаки, кидались, стучались огнем, стучались, не могут и здесь продвинуться.

Прибыл лейтенант на доклад к майору.

— Ну как обстоят дела?

— Испаряются.

— Что испаряются?

— Словно роса.
— Что, словно роса?
— В июле.
— Что в июле?
— Испаряются наши силы, словно роса в июле.

Идут бои за каждый город, за каждый поселок, за каждый выступ. Все новые силы бросают в бой фашисты. Убывают, тают, испаряются эти силы.

НЕ ПУСТИЛИ

Балтийское море. Проливы. Заливы. Волны бегут лебединой стаей. Вместе с пехотинцами, летчиками, танкистами, артиллеристами стали на защиту Родины и советские моряки.

Главный удар на море фашисты старались нанести по Краснознаменному Балтийскому флоту. Уничтожить советские корабли на Балтике, захватить морскую крепость Кронштадт, подойти к Ленинграду с моря — таковы намерения у фашистов.

Не допустить к Ленинграду фашистов, перерезать морские пути и дороги, разгромить фашистов в Балтийском море — такова задача у наших воинов.

Началась упорная борьба на море.

Капитан II ранга Грищенко командовал совет-

ской подводной лодкой. В первые же дни войны отличилась лодка. Получила она задание установить на путях у фашистов мины. Установили подводники мины. Точно рассчитали советские моряки. Сразу три фашистских корабля подорвались на этих минах.

— Специалист по минам, — сказали тогда в шутку о капитане Грищенко.

Не ошиблись товарищи.

Вскоре подводная лодка капитана Грищенко вновь была в боевом походе. Снова задание ставить мины.

Нелегкая это работа поставить мины. Кругом бродят-рыщут фашистские корабли. С неба за морем следят фашистские самолеты-разведчики. Из-под воды подняли свои перископы и наблюдают за морем подводные лодки врага.

Но даже если поставил мины, это еще не все. В море находились фашистские тральщики. Это специальные корабли, которые при помощи особого устройства — трала вылавливают мины, расчищают в минных полях проходы.

Прошел тральщик, выловил, обезопасил мины — пропала твоя работа.

Ушел капитан Грищенко в боевой поход. Начал борьбу с фашистскими тральщиками. Умно по-

ступили советские моряки. Пришли подводники в море к фашистским морским путям, достигли тех мест, где поставлены наши мины. Ждут-поджидают, когда появятся фашистские тральщики. Вот появились фашисты. Забросили тралы. Идут, расчищают путь. Трудятся фашисты, а сзади за фашистскими тральщиками идет подводная лодка капитана Грищенко и снова ставит на тех же местах мины.

Закончили фашистские тральщики свою работу, расчистили в минных полях проходы, докладывают:

— Все в порядке, путь для судов открыт.

Идут по проходам фашистские корабли.

И вдруг взрыв!

И еще взрыв!

Взлетают в воздух фашистские корабли.

— Чья работа?

— Работа Грищенко!

И после этого случая не раз отличался находчивый капитан. Капитан Грищенко и его боевые подводники были награждены высокими советскими орденами.

Не прорвались фашисты в годы войны к Кронштадту. Не прорвались и к Ленинграду морем. Не пустили врагов балтийцы.

СМОЛЕНСКИЙ ГРАДОБОЙ

10 июля 1941 года началось грандиозное сражение у Смоленска. С запада, с севера, с юга идет враг. Полыхает огнем Смоленщина. То наступают фашисты, то наши идут в атаку, то давят опять фашисты, то мы отвечаем огнем и сталью.

Бои под Смоленском у села Градобой фашисты назвали ступенью ада. Нелегко здесь пришлось фашистам. На редкость упорным село оказалось. Клином вбилось фашистам в память.

Еще на дальних подходах к селу накрыл минометный огонь фашистов. Прошлись по фашистам градом железным мины. Осколки как гвозди к земле их пришили.

Посмотрели фашисты на место боя. Вот он, для многих рубеж последний. Сосчитали своих убитых. Треть полегла на поле. Каждый третий простился с жизнью.

— Ад! — впервые сказали тогда фашисты.

Потом, рядом уже с селом, почти у самой его околицы, пулеметный огонь окатил фашистов. Хлынули пули железным ливнем. Преградили путь фашистам.

Посмотрели фашисты на место боя. Вот он снова, рубеж смертельный. Сосчитали своих убитых.

Снова треть распрощалась с жизнью. Каждый третий остался в поле.

— Ад! — прокричали опять фашисты. — Это не бой, а ад!

Ворвались в село фашисты. Вот-вот осилят наших. Вот-вот в руках победа. Но тут наши в штыки поднялись, пошли в атаку. Блеснуло на солнце граненой сталью. Взлетели штыки, как пики. Кольнули фашистов железным жалом.

Опрокинули наши в бою фашистов.

Лишь через несколько дней, когда подошли сюда танки, пушки, взяли фашисты село Градобой.

Узнают фашисты: что за село такое?

Отвечают фашистам:

— Село Градобой.

— Как, как?

— Градобой! — говорят фашистам.

— Градо-бой?! — удивленно твердят фашисты.

Два месяца не утихали бои на полях у Смоленска. Несут фашисты в боях потери. Атакуют фашистов наши.

— Прорыв к Смоленску!

— Прорыв на Ельню!

Бьют фашистских захватчиков у города Ярцева. Ломают кости у Духовщины.

Пламенеет, полыхает земля вокруг. Идут, идут,

как дожди, бои. Героически сражается Советская Армия. Изничтожает фашистскую грозную силу. Нет для врагов пощады. Несладко фашистам под смоленским огненным градобоем.

КАК СОТАЯ СТАЛА ПЕРВОЙ

Слава ее началась под Минском. Севернее города Минска сражалась дивизия, которая носила сотый номер.

Отважные, упорные бойцы подобрались в Сотой. Умелые командиры.

Атаковали фашисты под Минском Сотую. Стоит неприступно дивизия. И раз, и два, и три, и четыре бросались в атаку фашисты. Разбиваются все атаки, как волны о мол.

В гневе фашистские генералы:

— Кто там такой упорный?!

Отвечают фашистам:

— Сотая!

Мало того что упорной оказалась дивизия в обороне, удержав под Минском фашистов, сама перешла в наступление. Гнала фашистов и час, и второй, и третий. На четырнадцать километров от Минска врагов отбросила.

В гневе фашистские генералы:

— Кто там такой напористый?!

Отвечают фашистам:

— Сотая!

— Та самая?

— Та.

Затем в боях на реке Березине вновь отличилась Сотая. Стояла опять стеной. Бились фашисты об эту стену и день, и второй, и третий.

И вновь генералы в гневе:

— Кто там такой бетонный?!

Отвечают фашистам:

— Сотая.

— Та самая?

— Та.

Большие потери фашисты несут от Сотой. Особенно танки. Беда им от встреч с дивизией. 150 машин потеряли фашисты, сражаясь с Сотой.

Когда запылала Смоленская битва, здесь снова в героях Сотая. Потом под Ельней наши войска прорвались. И снова была здесь Сотая. Снова фашистов била.

По всему фронту слава идет об отважной дивизии.

И дальше упорно сражалась Сотая. Да и не только она одна. В Советской Армии много людей отважных. Много геройских дивизий, полков и рот.

18 сентября 1941 года было знаменательным днем для Советской Армии. В этот день четырем наиболее отличившимся дивизиям было присвоено наименование гвардейских. Родилась Советская гвардия. В числе этих первых была стрелковая Сотая дивизия.

Много стало потом гвардейских: полков, дивизий и даже армий. Однако первой все же стала Сотая.

Так и называлась теперь она — 1-я гвардейская стрелковая дивизия.

Слава стрелковой Сотой! Слава гвардейской Первой!

КАК «КАТЮША» «КАТЮШЕЙ» СТАЛА

«Катюши» — это реактивные минометные установки, которые в первые дни войны появились в Советской Армии. Снаряды «катюш» обладали огромной разрушительной силой. К тому же, летя по небу, они оставляли угрожающий огненный след.

Впервые «катюши» были применены 14 июля 1941 года в боях под городом Оршей.

Идут фашисты. Орша рядом. Орша наша, считают уже фашисты. Еще шаг, еще два — и схватят город за горло.

Идут фашисты, и вдруг… Словно разорвалось на части небо. Словно встало оно на дыбы. Словно стрелы огня и лавы метнуло небо сюда на землю. Это реактивные снаряды «катюш» открыли огонь по фашистам.

— Тойфель!

— Тойфель!

— Дьявол в небе! — кричат фашисты.

Немного фашистов тогда уцелело. Кто выжил, зайцем метнулся к себе в тылы.

— Дьявол, дьявол в небе! — кричат фашисты. И выбивают зубами пляс.

Следующий, еще более сильный удар по фашистам «катюши» произвели во время Смоленского сражения. Потом «катюши» принимали участие в великой Московской битве, в боях под Сталинградом, затем громили врагов под Орлом и под Курском, под Киевом и под Минском и во многих других местах.

«Катюша» не сразу «катюшей» стала. Вначале солдаты называли ее «Раисой».

— «Раиса» приехала.

— «Раиса» послала гостинцы фрицам.

Затем более уважительно стали звать «Марией Ивановной».

— «Мария Ивановна» к нам пожаловала.

— «Мария Ивановна», братцы, прибыла.

И только потом кто-то сказал «Катюша»! Понравилось солдатам это простое имя. Были в нем душевность и ласковость.

Даже песню сложили солдаты тогда про «катюшу». Вот два куплета из этой песни:

Шли бои на море и на суше,
Над землей гудел снарядов вой.
Выезжала из лесу «катюша»
На рубеж знакомый, огневой.
Выезжала, мины заряжала,
Сокрушала изверга-врага.
Ахнет раз — и роты не бывало.
Ахнет два — и нет уже полка!

Знаменитой «катюше» сейчас установлен памятник. Стоит он там, где «катюша» впервые открыла огонь по фашистам. В городе Орше, на берегу Днепра.

СОЛДАТСКОЕ ИМЯ

11 июля 1941 года фашисты подошли к городу Киеву. Начались тяжелые бои за столицу Советской Украины.

Среди защитников Киева был боец — наводчик противотанковых орудий рядовой Георгий Никитин.

Еще перед боем один пожилой солдат, посмотрев на Никитина, вдруг сказал:

— Отличиться, Никитин, тебе в боях.

Расплылся солдат в улыбке. Приятно такое слышать. Заинтересовался Никитин, обратился к пожилому солдату с вопросом, почему это тот так думает.

— Имя твое такое, — ответил ему солдат.

Смутился Никитин: при чем здесь имя? Имя как имя. Простое русское: Георгий.

Начался бой. На Киев рвались фашистские танки. Стал Никитин к своему орудию. Припал к прицелу. Быстро, ловко солдат орудует.

Выстрел!

Выстрел!

Споткнулся один из фашистских танков. Железом лязгнул. Мотором фыркнул. Замер.

Продолжает стрельбу Никитин.

Выстрел!

Выстрел!

Замер второй фашистский танк. За этим третий, затем четвертый.

Но тут подбили и орудие рядового Никитина.

Подбежал он тогда к соседям. Стал стрелять из соседней пушки.

Выстрел!

Выстрел!

Снаряд снова сразил врага.

Выстрел!

Выстрел!

И снова Никитин стрелял без промаха. Но вдруг и это орудие вышло из строя. Из третьего Никитин начал стрелять орудия. Девять танков подбил в том бою Никитин.

Закончился бой. Подходит к Никитину пожилой солдат — тот самый.

Хлопает по плечу:

— Герой ты. Победоносец! Оправдал ты, выходит, имя.

Смотрит солдат молодой на старого.

— Имя, скажи, при чем?

Рассказал тогда старый, что имя Георгий имеет добавление — Победоносец. Был мифический герой Георгий. В грозном бою победил он страшного дракона. Вот и был назван Победоносцем.

— Отсюда и Георгиевский крест, и Георгиевская медаль, — стал перечислять пожилой солдат награды, которыми отмечались боевые подвиги офицеров и солдат в старой русской армии.

— Понятно, — сказал молодой солдат. — Только в нашей армии не один Георгий в Победоносцах. Это добавление смело можно приставить к Петрам, и к Иванам, и к Федорам.

— Верно, — сказал пожилой солдат. — Не один ты с солдатским именем победоносным.

— Выходит, побьем мы, отец, фашистов?

— Побьем! Непременно побьем! — произнес солдат.

Так потом и случилось. Разбили советские солдаты фашистов, завершили войну победой. Над Берлином, над рейхстагом водрузили наше знамя. Только все это не сразу. Эта доблесть впереди.

Более двух месяцев обороняли герои Киев. Стояли стеной на пути у фашистов.

ПОБЫВАЛИ

Фашисты продолжали двигаться на Ленинград. После упорных, кровопролитных боев 8 сентября 1941 года они вышли к Ладожскому озеру, к реке Неве. Враги оказались у самых границ великого города.

Смотрят фашисты в бинокль. Дома и улицы города видят. Шпиль Петропавловской крепости разглядывают. Адмиралтейскую иглу рассматривают. Мечтают они о том, как прошагают по

ленинградским проспектам — по Невскому, по Литейному, пройдут вдоль Невы, вдоль Мойки, Фонтанки, мимо Летнего сада, Дворцовой площади. Верят фашисты в успех, в победу.

Двинулись фашисты на Ленинград. Бились, бились, бросались свинцовой волной в атаки. Устоял Ленинград в атаках. Не прорвались фашисты.

Не раз штурмовали фашисты город. Но за всю войну ни один из фашистских солдат так и не прошел по Ленинграду. Это известно всем. Это историческая истина.

И вдруг нашелся среди советских бойцов один.

— Нет, побывали, — сказал боец. — Побывали! Как же. Было такое дело.

Да, действительно, был такой случай. Не взяв город «в лоб», фашисты решили обойти Ленинград с востока. План у фашистов такой. Восточнее Ленинграда прорвутся они с левого южного берега, ворвутся в город. Уверены фашисты, что тут, на правом берегу Невы, мало советских войск, что тут и откроется путь к Ленинграду.

Начали фашисты переправу через Неву ночью. Решили к рассвету быть в Ленинграде.

Погрузились фашисты на плоты. Отплыли от берега. Река Нева не длинная. Всего-то в ней

семьдесят четыре километра. Недлинная, но широкая. Широкая и полноводная. Вытекает она из Ладожского озера, течет в сторону Ленинграда и там, где стоит на ее берегах Ленинград, впадает в Балтийское море.

Переправляются фашисты через Неву, достигли уже середины. И вдруг оттуда, с правого берега, обрушился на фашистов ураганный огонь. Это стала стрелять наша артиллерия. Это ударили советские пулеметы. Точно стреляли советские воины. Разгромили они фашистов, не пустили на правый берег. Гибнут фашисты, срываются с плотов в воду. Подхватывает Нева трупы фашистских солдат, несет на волнах, несет на плотах вниз по течению.

И вот свершились мечты фашистов. Оказались они в Ленинграде. Точь-в-точь как хотели, как раз к рассвету. Проплывают фашисты мимо Летнего сада, мимо Фонтанки, Мойки, мимо Дворцовой площади. А вот и шпиль Петропавловской крепости. А вот и Адмиралтейская игла все так же шпагой пронзает небо. Все точно так, как мечтали о том фашисты. Разница лишь в одном. Живыми мечтали вступить в Ленинград фашисты. Живыми. А тут… Несет свои воды река Нева. Плывут в свой последний маршрут фашисты.

900 дней находился Ленинград в фашистской блокаде, 900 дней не утихали бои на подступах к городу. Но так и не смогли фашисты осилить Ленинград и ленинградцев. Не зря известный советский поэт Николай Тихонов, говоря о ленинградцах, тогда воскликнул:

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

БРЕУС

Бреус — это фамилия. Лейтенант Яков Бреус командовал стрелковым батальоном. Фашисты пробивались вперед на юге, штурмовали город Одессу. Здесь на одном из участков фронта и сражался батальон лейтенанта Бреуса.

Фашисты пытались прорваться к Одессе «с ходу», то есть одной атакой, в один прием овладеть городом. Собрали фашисты танки, сосредоточили артиллерию, подтянули пехотные дивизии. Собрали все свои силы в один мощный кулак и обрушились на Одессу.

Уверены фашисты — прорвутся к Одессе танки.

Не прорвались к Одессе танки. Задержали, остановили, а затем и подорвали, уничтожили

их советские солдаты.

Уверены фашисты — прорубит фашистская артиллерия дорогу фашистской пехоте.

Не пробила дорогу фашистская артиллерия. И здесь устояли наши.

Нет сомнения у фашистов — пробьется к Одессе фашистская пехота.

Не пробилась пехота. Захлебнулись полки в атаках. Откатились назад фашисты.

Стойко держались в боях солдаты. Несколько фашистских атак отбил в тот день батальон лейтенанта Бреуса. Вот и еще одна.

Залегли солдаты, ожидают фашистские танки. И вдруг! Что такое? Не рев моторов, не лязг брони услышали наши бойцы, а оттуда, со стороны фашистов, ударила маршем, как залпом, веселая музыка. И в ту же минуту увидели советские солдаты самих фашистов. Шли они на наших бойцов в полный рост, не укрываясь, не пригибаясь. Идут, стреляют из автоматов. А рядом играет, беснуется музыка.

Смотрят солдаты:

— Атака?!

— Психическая! — пошло от солдата к солдату.

— Психическая!

— Психическая!

Открыли наши огонь.

Продолжают идти фашисты.

Усилили наши огонь.

Продолжают идти фашисты. Трубы все так же медью взрывают небо.

Да, это была психическая атака. Страшновато смотреть на такую лихость.

Только не получилось ничего у фашистов и с «психической». Не дрогнули наши бойцы.

— Мы на психическую ответим классической, — сказал командир батальона.

Дружно наши пошли в атаку, смяли, смели фашистов.

— Устроил им Бреус заправский «бреус», — шутили потом солдаты.

Не взяли тогда фашисты Одессу «с ходу». На долгие дни и недели застряли они у города.

ФИРМЕННОЕ БЛЮДО

Игорь Воздвиженский — повар в стрелковой роте. Мастер он поварского дела. Когда-то служил в заводской столовой. Кашеваром теперь на фронте.

Служит он при походной кухне. Конь Пират у него в помощниках.

В каких бы боях ни бывала рота, какой бы ни

выдался тяжкий час, точен всегда Воздвиженский. Вовремя сварены щи и каша.

Соберутся солдаты к походной кухне. Ложки, как ружья, готовы к бою. Котелки наполняют округу звоном.

Отдыхают сейчас солдаты.

Хвалят еду солдаты:

— Отличные щи!

— Преотменная каша!

Рота сражалась на западном направлении. Нелегкие выпали дни для роты. Рвутся и рвутся вперед фашисты.

Рота из боя вступает в бой.

Рота не знает отдыха.

Было дело как раз к обеду. Возится в лесочке у кухни Воздвиженский. Готовы у повара щи и каша.

Тронул солдат Пирата. На передке, на кухне, сидит Воздвиженский. Едет обед к героям.

Выехал из лесу Воздвиженский. Краем леса свернул к оврагу. Тут у оврага сражалась рота. Прибыл к оврагу. Нет на месте стрелковой роты. Взял левее, затем правее. Нет. Не видно нигде солдат. Часто такое тогда бывало. Меняли место в бою войска. Так, видно, случилось и в этот раз.

И верно. Слышит солдат за соседней рощей

грохот ружейного боя. Вот где дерется с врагами рота.

К роще направил солдат Пирата. Вот она рядом, роща. И вдруг навстречу бегут фашисты.

— Рус! — кричат. — Рус!

— Рус, капут!

Бежит фашистов до полувзвода.

— Кюхе! Кюхе![3] — кричат фашисты.

— Зупе! Зупе![4] — голосят фашисты.

Бросились фашисты к походной кухне:

— Вот так трофей к обеду!

— Попробуем русской каши!

Растерялся Воздвиженский — не тех ожидал увидеть. Но ненадолго. Схватил автомат Воздвиженский:

— А ну, подходи! А ну, подходи!

Полоснул по врагам солдат.

Схватил гранату, швырнул гранату. Затем вторую. И следом — третью.

Отбил атаку врагов Воздвиженский. Посмотрел на фашистских солдат, на побитый вражеский полувзвод. Вытер вспотевший лоб. Пирата по крупу любовно хлопнул. Тронулся дальше в путь.

---

[3] Примечания: 3
Кухня.

[4] Примечания: 4
Суп.

Разыскал он родную роту. Доложил командиру. Объяснил опоздание.

Посмотрел командир на бойца лукаво:

— Выходит, обедом врагов кормил.

Не понял Воздвиженский:

— Да нет же…

Улыбается командир.

— Кормил, кормил! — и уточняет: — Нашей русской, солдатской, свинцовой кашей.

Идут, идут, не утихают кругом бои. На севере, на юге, на западе бьются наши бойцы с врагами. Бьются, разят фашистов. Угощают свинцовой кашей.

КОНЕЦ БЛИЦКРИГА

Начиная войну против Советского Союза, фашисты хвастливо заявили, что они быстро расправятся с нашей армией. Фашисты назначили точные сроки взятия советских городов. В первый же месяц войны они рассчитывали взять и Одессу, и Киев, и Ленинград, и Москву. Блицкригом, то есть молниеносной стремительной войной, назвали фашисты свое нападение на нашу Родину.

— Мы быстро дойдем до Москвы!

— До Ленинграда!

— До Киева!

— Мы быстро дойдем до Архангельска! До Вологды! До Саратова!

Прошел месяц.

Не взята еще Москва.

Не взят Ленинград.

Не захвачен Киев.

И конечно, совсем далеко Саратов, Архангельск, Вологда.

Прошел второй месяц.

Не взята еще Москва.

Не взят Ленинград.

Не захвачен Киев.

И конечно, совсем-совсем далеко Саратов, Архангельск, Вологда.

Третий месяц идет к концу.

Все так же — где-то там, за холмами, за полями, еще Москва.

Все так же — в мечтах остается пока Ленинград!

Все так же — не сломлен Киев.

Пришел сентябрь. В окно застучалась осень. Все тише, все тише грозный фашистский шаг. Все реже вспоминают они о хваленом своем блицкриге.

Смеются советские солдаты:

— Похоронили мы блиц фашистский.

— Кол из осины над блицем вбили.

Провалились фашистские планы. Устояли в смертельной схватке с врагом советские люди. Война не кончилась. Война набирала силу.

Глава вторая
«ЗНАЙ НАШИХ!»

ХОЛМ ЖАРКОВСКИЙ

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» — назвали фашисты план своего наступления. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Схватить советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолетов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

На одном из главных участков фронта фашистские танки двигались к населенному пункту Холм Жирковский.

Подошли к поселку фашисты. Смотрят. Что он танкам — какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

— Форвертс! Вперед! — прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: — Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада. Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идет на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

— Бросай, бросай! — кричит сосед по окопу.

Не бросает Унечин. Выждал еще минуту. Вот и рядом фашистский танк. Поднялся Унечин, швырнул гранату. Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси.

Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Слева и справа идет сражение. Не пропускают герои танки.

Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждет.

Новый танк громыхнул металлом. И этот идет на Унечина.

Выждал Унечин минуту, вторую, третью… Бросил гранату. А следом бутылку с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.

Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом ее поставил.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.

Десять минут прошло… Тридцать минут прошло. Час продолжается бой, два — не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застряли они в Жирковском.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришел приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции.

Вместе со всеми идет Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты — все поле в подбитых танках: земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

— Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

— Не Жирковский, считай, Жарковский, — кто-то другой поправил. Посмотрели солдаты опять на поле:

— Конечно же, Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

СИЛА

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орел. С севера движутся к Калинину. Идут на Вязьму, Калугу, Юхнов.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь, на Угре под Юхновом, обороняли солдаты мост.

Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь пра-

вый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окопах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники подкрепления.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулеметный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И все же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

И вдруг смотрит солдат — отходят назад фашисты.

Доволен солдат Гаркуша. Видимо, помощь, подмога прибыла.

Только «ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты минометный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку.

Вместе со всеми в бою Гаркуша. Грозен в бою молодой солдат.

— А ну, подходи. А ну, подходи! — это фашистам

кричит Гаркуша.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша — отходят фашисты. Значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударила по нашему берегу фашистская артиллерия. Всковырнули снаряды землю. Вспахали металлом берег. Снова фашисты в атаку идут на мост.

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша — отходят фашисты. Значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша, посмотрел назад. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Все те же кругом бойцы — друзья по геройской роте.

— Где же сила? — смотрит солдат на соседа. — Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чем, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Так вот они сила какая!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропустили вперед фашистов.

МЦЕНСК

Гейнц Гудериан генерал заслуженный. В особом почете среди фашистов. Ценят его в Берлине.

«Кто самый примерный у нас генерал?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто самый у нас решительный?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто знает одни победы?»

«Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан!»

Льются к Гудериану рекой награды. Привык генерал к победам, к успехам, к почестям. «Быстроногий Гейнц» — называют его в Германии.

Завтракает Гудериан, сидит за столом, рассуждает:

— Сегодня мы будем в Мценске. Завтра мы будем в Плавске. В Плавске, в Плавске… — стал напевать генерал.

— Завтра мы будем в Плавске, послезавтра мы будем в Туле. В Туле, в Туле…

Задумался, что-то в уме прикинул:

— Послезавтра мы будем в Туле. Еще день, еще два…

И вот уже видит Москву Гудериан.

— Москва, Москва… — стал напевать генерал.

Вдруг вбегает к нему адъютант:

— Танки! Танки, мой генерал!

Не понимает Гейнц Гудериан, почему так встревожен адъютант и какие танки.

— Русские танки! — кричит адъютант.

Под городом Мценском дорогу фашистам преградили советские танки.

Мало танков советских было. Однако удар оказался сильным. Применяли танкисты засады, заслоны, атаковали фашистов в борт — там, где на танках броня слабее. 133 танка потеряли фашисты в боях под Мценском.

Не напевает уже генерал Гудериан. Не поется ему. Нет желания. Не та мелодия.

ВЯЗЬМА

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Торжествуют фашисты. Сам Гитлер, фашистский фюрер, звонит на фронт:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — рапортуют фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — докладывают фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

Бросил фюрер с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

Вот смелый один нашелся.

— Нет, — за всех отвечает смелый.

Разъярен, ругается Гитлер. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих еще сказал…

Слушает Гитлер:

— Ну, ну так что же сказал наш Фридрих?

— Фридрих Великий сказал, — повторил генерал, — русских нужно дважды застрелить. А потом еще и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь, на полях, на холмах под Вязьмой, сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

ГЕНЕРАЛ ЖУКОВ

Командующим Западным фронтом — фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города... — и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивленно на Жукова смотрят.

— Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут, — находят на карте город Медынь, — на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы. — И перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии…

— Так-так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы эти вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивленно на Жукова посмотрели.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте.

Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Все именно так. У меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб — поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в Великой Московской битве.

МОСКОВСКОЕ НЕБО

Было это еще до начала Московской битвы.

Решал Гитлер в Берлине: как поступить с Москвой? Думал, думал…

Придумал такое Гитлер. Решил Москву зато-

пить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и все живое.

«Сразу погибнет все: люди, дома и Московский Кремль!»

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море!

«Будут помнить меня потомки!»

Потом подумал: «Э-э, пока набежит вода…»

— Ждать?!

Нет, не согласен он долго ждать.

— Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

— Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землей!

Выбросил руку вперед, как шпагу:

— Уничтожить! Сровнять с землей!

— Так точно, сровнять с землей, — замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налет на Москву.

Сразу 200 самолетов послали в этот налет фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в своих креслах пилоты. Все бли-

же Москва, все ближе. Потянулись фашистские летчики к бомбовым рычагам.

Но что такое?! Скрестились в небе своими лучами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам краснозвездные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроился строй врагов. Лишь немногие самолеты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придется, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Крепко наказан непрошеный гость.

22 самолета сбито.

— Н-да… — протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолеты не все сразу, а небольшими группами.

Вновь 200 самолетов летят на Москву. Летят небольшими группами — по три-четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали краснозвездные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолеты. Новый придумали план гитлеровские генералы. Надо самолеты послать в три яруса, решили они.

Одна группа самолетов пусть летит невысоко от земли. Вторая — чуть выше. А третья — и на большой высоте, и чуть с опозданием. Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, рассуждают генералы, а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдет третья группа, и летчики сбросят бомбы точно на цели.

И вот снова в небе фашистские самолеты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Идет группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, — третья. Самым последним летит самолет особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолеты Москву, привезет снимки генералам…

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолет. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолетов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчет фашистов.

Мечтал фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось?

Биты фашисты. Москва же стоит и цветет, как

прежде. Хорошеет от года к году.

ТУЛЬСКИЕ ПРЯНИКИ

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость…

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны. Тула — город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренек, находчивый, веселый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Подошел Ваня к готовым минам. Наклейки на мины — шлеп, шлеп. Читают рабочие,

на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Улыбаются рабочие:

— Вот так фашистам «сладость».

— Фрицам хорош «гостинец».

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят саперы на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах — «тульский пряник».

Улыбаются солдаты:

— Ай да «сюрприз» фашистам!

— Ай да «гостинец» фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждем новую партию „тульских пряников“».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

А все, что из Тулы приходило теперь на фронт — снаряды и патроны, минометы и мины, — стали называть солдаты тульскими пряниками.

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да все напрасно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, хороши «тульские пряники»!

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

1941 год. 7 Ноября. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Но как всегда, в этот дорогой для всех граждан Советского Союза день в Москве, на Красной площади, состоялся военный парад в честь великого праздника.

Замер солдат Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители партии и члены правительства на ленинском Мавзолее. Все точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня — от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лег на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Застыли на минуту стрелки часов на кремлевской башне.

Отбили куранты время.

Все стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад

поздравляет войска с годовщиной Великого Октября. Опять все стихло. Еще минута. И вот вначале тихо, а затем все громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжелые времена. Что первую годовщину Великого Октября мы встречали окруженными со всех сторон. Что против нас тогда воевало 14 капиталистических государств и мы потеряли три четвертых своей территории. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

— На вас, — долетают слова до Митрохина, — смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

— Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, — летят сквозь мороз слова. — Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьезнее, строже.

— Война, которую вы ведете, есть война осво-

бодительная, война справедливая, — говорил Сталин. — Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

И сразу же после речи Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шли артиллерия и кавалерийские части, прогремели металлом танки.

Все это здесь, на Красной площади, в такой тревожный час, казалось чудом. И вот войска, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, снова направлялись на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шел рядовой Митрохин. И с ним шагала песня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

ПОДВИГ У ДУБОСЕКОВА

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили свое наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришелся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Клочков.

Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

— Двадцать штук.

Усмехнулся Клочков:

— Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул броней и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

— Поперхнулся, видать, разбойник, — произнес сержант Петренко.

— Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят — снова идет лавина. Сосчитали — тридцать фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе все танки, ближе.

— Друзья, — произнес Клочков, — велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

Вступили солдаты в битву. Все меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов, Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Все меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук

Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

«ЗНАЙ НАШИХ!»

Явилась она, как птица. Словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок, на кручу. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Много их — сотни, а то и тысяча.

Смотрят бойцы на фашистов. Кто-то сказал:

— Э-эх, картечью бы.

— Верно — картечью, — подтверждает второй.

— Да, картечью бы в самый раз, — соглашается кто-то третий.

— Эх, пушку бы сюда, — произнес один.

Второй добавляет:

— И к ней снаряды.

— А смелые ребята найдутся, — включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Протерли глаза солдаты — считай, мерещится. Нет! Все настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже увидели там фашистов. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

— Ну, знай наших! — прокричал офицер. — Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

— Знай наших! Знай наших!

Много фашистов осталось в низине. А те, кто живые, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулеметным огнем солдаты. Довершили отважное дело.

Смотрят наши бойцы: а где же упряжка? Скрылась она из виду. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы?

Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» — вот и все, что на память об отважных бойцах осталось.

ОРЛОВИЧ-ВОРОНОВИЧ

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперед фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Насмерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кульчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими.

Как-то после тяжелого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О летчиках речь, о танкистах — вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке, слушает солдат Воронович. Только не танкист Воронович, не летчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат.

И вдруг сообщение: порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и послали солдата Вороновича.

Шагает, идет Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре танка. Всмотрелся солдат. Кре-

сты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Не по себе солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилег Воронович на землю. Зорче еще всмотрелся. Видит — у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат — привал устроили.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Еще громче забилось сердце, в висках молотком застучало.

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату, за ней другую…

Поражались потом солдаты.

— Один — и взял в плен четыре фашистских танка. Орел! Орел! — смеялись солдаты. — Не Воронович ты вовсе. Нет! Имя твое — Орлович.

ОТДЕЛЬНЫЙ ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН

Продолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжелые бои идут у поселка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает у наших сил. Вот-вот отойдут советские солдаты.

Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи. Все резервы давно в бою.

Все тяжелее дела под Крюковом. Снова звонят командиры начальникам.

— Хорошо, — говорят начальники. — Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие. Словно в мае лазурь небесная.

Подошел танкист к командиру полка, руку к шлему поднес, представился:

— Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Рад командир полка, просто счастлив. Обнял офицера:

— Спасибо, браток, спасибо. — И сразу конкретно к делу: — Сколько в батальоне танков?

— Одна машина, — отвечает танкист. И небесная лазурь в глазах светит.

— Сколько-сколько? — не верит своим ушам командир полка.

— Одна машина, — повторяет танкист. — Одна осталась… Танк Т-37.

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые… Вся радость с лица у командира полка вмиг слетела. Танк Т-37 самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемет — вот и все вооружение. Броня толщиной с мизинец.

— Какова будет боевая задача? — спрашивает танкист.

— Направляйтесь в распоряжение первого батальона, — сказал командир полка.

Этот батальон больше всего и атаковали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу ринулся в бой. То в одном месте поддержит броней пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже на новом месте. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идет к солдату — прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперед фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой еще четыре. Теперь уже не только первому батальону — всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист — молодой, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят

лазурью.

Подошел к танкисту командир полка, крепко обнял героя:

— Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон.

ПУШКА

Был один из самых тяжелых моментов Московской битвы.

Бои шли севернее Москвы, на Рогачевском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними советскими армиями, устремились в прорыв, к Москве. Пали селения Белый Раст, Озерецкое, Мышецкое, рабочий поселок Красная Поляна. Враги подошли к станции Лобня, к Савеловской железной дороге.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну дальнобойную пушку. Стали ее устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают.

Не могут скрыть торжества солдаты:

— Мы первыми по Москве ударим!

— Награда от фюрера будет!

Суетится артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда — рыцарский крест на шею, известность по всей Германии. А в это время навстречу прорвавшимся врагам двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возятся фашисты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а сюда, к Красной Поляне ближе.

Переглянулись в страхе:

— Ближе!

— Ближе!

Вот и несется уже «ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули. Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили ее солдаты. Любопытно на пушку глянуть.

— Вот бы сейчас — по Гитлеру!

— Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришел приказ пушку отправить в тыл. И все же задержались чуть-чуть солдаты.

Развернули гигантскую пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Дрогнула пушка стократным

басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понес.

Проходят советские роты мимо фашистской пушки:

— Ну, если такую фашисты бросили, значит, примета добрая.

Выдыхается, знать, фашист.

Все больше у наших упорства, силы. Все слабее напор врагов.

Понимают бойцы — быть повороту, быть переменам. Сердцем солдатским чувствуют.

«НАПИШУ ИЗ МОСКВЫ»

Не удается фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

— Брать ее штурмом, брать ее в лоб! — отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Обер-лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал чернила, бумагу. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин.

«Дорогой дядюшка! Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа

наша! Зовет начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку взять Москву фашисты начали с самого кратчайшего, Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперед.

Торжествуют фашистские генералы. Посылают депешу быстрей в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров… десять… пятнадцать… Деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров… десять… пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не пробились фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров… десять… пятнадцать. У деревень Бурцево и Юшково — стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались

фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отползли, отошли фашисты. Успокаивают сами себя фашистские генералы:

— Ничего, ничего — отдохнем, поднажмем, осилим!

А в это время с востока подходили к Москве свежие силы, войска получали новые танки и новые пушки. Советская Армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска перешли в грандиозное наступление. Советская Армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

ПЕРЕЛОМИЛОСЬ

Переломилось. Свершилось. Сдвинулось. Наступает Советская Армия. Рванулись войска вперед. Громят фашистов армии генералов Говорова, Рокоссовского, Лелюшенко, Кузнецова, Голикова,

танкисты Катукова, Гетмана, Ротмистрова, конники Доватора и Белова, герои-панфиловцы и много других частей.

Много отважных солдат из разных сел, городов, областей, республик сражались под Москвой. Прибыло в войска пополнение — сибиряки и уральцы.

В канун наступления командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков направился к войскам. Приехал сначала к уральцам. Рослый уральцы народ, красивый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

— Как настроение?

— Боевое, товарищ командующий!

— Готовы идти в наступление?

— Готовы, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи. До встречи на поле боя!

Простился Жуков с уральцами, поехал в дивизии к сибирякам. Ядреный сибирский народ, смекалистый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

— Готовы идти в наступление?

— Хоть сию минуту, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на

поле боя!

Поехал Жуков в полки к москвичам.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Закаленный народ москвичи. В боях и в защите стойкий.

Смотрит Жуков на москвичей:

— Ну как, товарищи, готовы идти в наступление?

— Заждались, товарищ командующий!

Объехал Жуков другие дивизии. Встречался с казахами и белорусами, с латышами и украинцами. Побывал у рязанцев, у каширцев, у туляков. Всюду один ответ. Скорее ударить по лютому зверю. Скорее разить врага.

Возвратился Жуков назад, на командный пункт, доложил он в Ставку Верховного Главнокомандования о готовности.

Получил приказ к наступлению.

ДОМ

Советские войска стремительно продвигались вперед. На одном из участков фронта действовала танковая бригада генерал-майора Катукова. Догоняли врага танкисты.

И вдруг остановка. Взорванный мост впереди

перед танками. Случилось это на пути к Волоколамску в селе Новопетровском. Приглушили танкисты моторы. На глазах уходят от них фашисты. Выстрелил кто-то по фашистской колонне из пушки, лишь снаряды пустил по ветру.

— Бродом, — кто-то предложил, — бродом, товарищ генерал, через речку.

Посмотрел генерал Катуков — петляет река Маглуша. Круты берега у Маглуши. Не подняться на кручи танкам.

Задумался генерал.

Вдруг появилась у танков женщина. С нею мальчик.

— Лучше там, у нашего дома, товарищ командир, — обратилась она к Катукову. — Там речка уже. Подъем положе.

Двинулись танки вперед за женщиной. Вот дом в лощине. Подъем от речки. Место здесь вправду лучше. И все же… Без моста не пройти тут танкам.

— Нужен мост, — говорят танкисты. — Бревна нужны.

— Есть бревна, — ответила женщина.

Осмотрелись танкисты вокруг — где же бревна?

— Да вот они, вот, — говорит женщина и пока-

зывает на свой дом.

— Так ведь дом ваш! — вырвалось у танкистов.

Посмотрела женщина на дом, на воинов.

— Да что дом — деревяшки-полешки. То ли народ теряет… О доме ль сейчас печалиться, — сказала женщина. — Правда, Петя? — обратилась к мальчику. Затем снова к солдатам: — Разбирайте его, родимые.

Не решаются трогать танкисты дом. Стужа стоит на дворе. Зима набирает силу. Как же без дома в такую пору?

Поняла женщина:

— Да мы в землянке уж как-нибудь. — И снова к мальчику: — Правда, Петя?

— Правда, маманя, — ответил Петя.

И все же мнутся, стоят танкисты.

Взяла тогда женщина топор, подошла к краю дома. Первой сама по венцу ударила.

— Ну что ж, спасибо, — сказал генерал Катуков.

Разобрали танкисты дом. Навели переправу. Бросились вслед фашистам. Проходят танки по свежему мосту. Машут руками им мальчик и женщина.

— Как вас звать-величать? — кричат танкисты. — Словом добрым кого нам вспоминать?

— Кузнецовы мы с Петенькой, — отвечает танкистам женщина.

— А по имени, имени-отчеству?

— Александра Григорьевна, Петр Иванович.

— Низкий поклон вам, Александра Григорьевна. Богатырем становись, Петр Иванович.

Догнали танки тогда неприятельскую колонну. Искрошили они фашистов. Дальше пошли на запад.

Отгремела война. Отплясала смертями и бедами. Утихли ее сполохи. Но не стерла память людские подвиги. Не забыт и подвиг у речки Маглуши. Поезжай-ка в село Новопетровское. В той же лощине, на том же месте новый красуется дом. Надпись на доме: «Александре Григорьевне и Петру Ивановичу Кузнецовым за подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны».

Петляет река Маглуша. Стоит над Маглушей дом. С верандой, с крылечком, в резных узорах. Окнами смотрит на добрый мир.

«ФРАНЦУЖЕНКА»

«Француженка» — так солдаты назвали пушку.

Когда сержанту Барабину впервые ее вручили, глянул солдат и ахнул. Пушка выпуска 1897 года. Выходит, из нее деды еще стреляли.

— Да-а-а… — протянул солдат.

— Зато француженка, — говорят Барабину.

Пушка действительно была французской. Во Франции ее изготовили. Еще в первую мировую войну попала она в Россию. Оказалась пушка на батарее, в которой служил Барабин в самые тяжелые часы Московской битвы. Много требовалось тогда вооружения. И вот случайно где-то на артиллерийских складах было обнаружено несколько старых пушек. Были здесь пушки русские, были английские, была и французская. Отправили их на фронт. Французская и досталась сержанту Барабину.

Артиллерийская батарея, как правило, состоит из четырех пушек. Из четырех состояла и батарея Барабина. Три пушки современные, новые, только что пришедшие с заводов. Четвертая барабинская — французская.

Все раздражало солдата в пушке. И вид старинный, и бьет ближе других, и много возни, пока перезарядишь.

— Утиль, — бурчал артиллерист. — Доисторический век.

Солдаты смеются:

— Зато француженка.

Побурчал-побурчал Барабин, а затем и привык

к «француженке». А когда подбил первый фашистский танк, даже расцеловал пушку.

Сержант Барабин был прекрасным артиллеристом. Прекрасным оружием стала в его руках и «француженка».

Сражалась пушка на Минском шоссе в армии, которой командовал генерал Леонид Александрович Говоров. Сдерживала вместе с другими натиск фашистов. И вот теперь вместе со всеми пошла вперед.

Проезжал как-то генерал Говоров мимо артиллерийской позиции. Увидел необычную пушку. Спросил у офицера, что за пушка.

— «Француженка», — ответили генералу.

Объяснили офицеры генералу, откуда пушка и как к ним попала.

— Да, нелегкие были дни, — сказал генерал Говоров.

А когда узнал, что «француженка» танк подбила, даже похлопал ее по стволу.

— Спасибо, — сказал, — «француженка».

Недолго после этого пробыла пушка в войсках. Поступили с Урала новые пушки. Много тогда оружия под Москву приходило. Нет уже больше нужды во «француженке». Прислали новую пушку и для сержанта Барабина.

Уперся было Барабин. Привык, не отдает он свою «француженку». Однако приказ есть приказ. Пришлось артиллеристу расстаться с пушкой.

— Ну что ж, прощай, родимая.

Покатила на склады опять «француженка». Случилось так, что генерал Говоров через несколько дней вновь встретил Барабина. Признал он сержанта. Спросил.

— Ну, как «француженка»?

Показал Барабин на новую пушку. Была она дальнобойной, скорострельной, самой последней, самой совершенной конструкции.

— Да, наступает другое время, другая сила, — сказал Говоров.

ДОВАТОР

В боях под Москвой вместе с другими войсками принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские…

Лих, искрометен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом. Смотрят станичники на генерала:

— Наших кровей — казацких!

Спорят бойцы, откуда он родом:

— С Дона.

— С Кубани!

— Терский он, терский.

— Уральский казак, с Урала.

— Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору:

— Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

— Не там, товарищи, ищете. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотине, на севере Белоруссии, недалеко от города Полоцка — вот где родился комкор Доватор.

Еще в августе — сентябре конная группа Доватора ходила по фашистским тылам. Громила склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли среди фашистских солдат слухи — 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. А на самом деле в конной группе Доватора было только 3000 человек.

Когда советские войска под Москвой перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каж-

дым кустом им казак мерещится…

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора — 10 тысяч немецких марок.

Как гроза, как весенний гром идет по фашистским тылам Доватор.

Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышав свист.

— Доватор! — кричат. — Доватор!

Услышат удар копыт.

— Доватор! Доватор!

Повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они за Доватора. Как сон, миф для врагов Доватор.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идет.

ТУЛУПИН

Стрелковая рота вступила в село. Правда, не первой. Освободили село другие. Еще утром бежали отсюда фашисты.

Идут солдаты вдоль главной улицы. Сохранилось село. Быстро бежали фашисты. Ни сжечь, ни разрушить ничего не успели.

Подошли солдаты к крайнему дому. Дом-пятистенок. Калитка. Ворота. На воротах написано что-то. Заинтересовались солдаты. Читают:

«Прощай, Москва, уходим в Берлин. Ефрейтор Беккерс».

— Вот это здорово, — рассмеялись солдаты. — Значит, прощай, Москва, прощай, надежды.

— Хоть и фашист, а верную надпись сделал.

Присмотрелись солдаты, а внизу и еще слова. Кто-то приписку сделал. Читают бойцы приписку: «Ничего, догоним. Рядовой Тулупин».

Понравилось бойцам солдатское добавление. Интересно им узнать о судьбе Тулупина. Может, Тулупин фашиста уже догнал?

Идут вперед солдаты. Кого ни встретят — пехотинцев, танкистов, артиллеристов — сразу с вопросом:

— Нет ли у вас Тулупина?

Фамилия не очень частая. Скорее редкая. Не попадается им Тулупин. Зашли солдаты за Можайск, за Медынь, дальше фашистов гонят. Нет и нет, не встречается им Тулупин. И вдруг в одном месте…

— Есть, — говорят, — Тулупин.

Кинулись солдаты к бойцу:

— Тулупин?

— Тулупин.

— Писал на воротах?

— На каких воротах? — поразился боец.

Объясняют солдаты.

— Нет, не писал, — отвечает Тулупин.

Огорчились солдаты.

— Не тот Тулупин.

Много километров прошагали вперед солдаты. Продолжают искать Тулупина.

И вдруг:

— Есть Тулупин!

— Тулупин?

— Тулупин.

— Тот самый?

— Сдается, тот.

Повстречались солдаты с Тулупиным и сразу ему про Беккерса.

— Беккерс… Беккерс? — стал вспоминать солдат. — Ах, Беккерс! Догнали его.

Оживились солдаты:

— Давно?

— С месяц уже, считай.

Довольны солдаты — попался Беккерс. Обращаются опять к Тулупину:

— Здорово ты на воротах…

— Что на воротах?

— Здорово ты написал.

— Что написал? — не понял боец. — На каких на воротах?! — стоит, на солдат удивленно смотрит.

Вот так дела. Ясно солдатам — снова не тот Тулупин.

Заговорили опять о Беккерсе.

— Помню Беккерса, помню, — повторяет Тулупин. — Как же, полковник Беккерс. Нашей ротой был схвачен в плен.

— Полковник? — смутились солдаты. (На воротах писал ефрейтор.)

— Полковник, — сказал Тулупин.

Ясно теперь солдатам, что и Беккерс совсем не тот.

Простились солдаты. Дальше пошли походом.

Сожалеют солдаты:

— Эх, Беккерс не тот и не тот Тулупин.

Тут же со всеми шагает старшина Задорожный. Посмотрел на друзей Задорожный:

— Тот — не тот! Да в этом ль разве дело? Время смотри какое. Не беккерсы ныне теснят Тулупиных. Фашистов Тулупины нынче бьют.

Наступает Советская Армия. На нашей улице нынче праздник. Множится счет побед.

ТРОЕ

Осташевский район — глубинный, дальний в Московской области. Деревня Бутаково в Осташевском районе — дальняя. Отступали фашисты

через Бутаково. Тянулись с утра и до самого вечера. Не успели пройти все засветло. Один из фашистских отрядов остался в деревне на ночь. Избы здесь спалены. В землянках укрылись жители.

Однако на окраине деревни сохранился большой сарай. В нем и разместились фашисты на ночь. Ветер не дует. Снег не сыплет. Только холод страшный стоит в сарае.

Покрутились фашисты вокруг сарая: не видно ли рядом дров? В лес же идти опасно. Разыскали щепок, собрали малость. Зажгли. Вспыхнул огонь и замер. Лишь запах дыма, тепла оставил. Дразнит фашистов запах.

Прижались солдаты покрепче друг к другу. Стали дремать фашисты. Вдруг слышат скрип на снегу за сараем. Автоматы немедля в руки. Ясно врагам: «Партизаны!» Однако видят — идут ребята. Школьники. Трое. Сапоги на одном огромные. Другой в треухе добротном заячьем. Третий солдатским ремнем затянут.

Подошли мальчишки, остановились. Смотрят на них фашисты. Не опускают автоматы.

— Партизаны?! — взвизгнул один из фашистов.

Отделился от мальчишек тот, что в треухе. Был он ростом чуть-чуть повыше. Шагнул к сараю.

Рассмотрели фашисты за спиной у подростка что-то.

— Цурюк! Назад! — закричали фашисты.

Остановился мальчишка. Ношу на землю сбросил. Смотрят фашисты — лежит вязанка дров.

— Берите, — сказал мальчишка.

Вырвалось тут у солдат удивление:

— О-о-о! Гут! Карашо!

Опустили они автоматы. Дал подросток сигнал товарищам. Отошли на минуту двое. Отошли и тут же вернулись. И у этих в руках дрова.

Вспыхнул огонь в сарае. Потянуло теплом от дров. Греют руки фашисты и спины. Чуть ли не лезут в костер с ногами.

Понравились им ребята. И тот, что в треухе заячьем, и тот, в сапогах огромных, и тот, что солдатским ремнем затянут.

Пылает костер. Дрова, как сахар в горячем стакане, тают. Показал на дрова тот, что в треухе, обратился к фашистам:

— Нох? Еще?

— Нох! Нох! — закричали в ответ фашисты.

Ушли ребята. Где-то ходили. Вернулись снова. Снова дрова в руках. Сложили ребята дрова в сторонку. А тот, что в треухе, принес связку хвороста. Скинул он хворост — и прямо в костер всю связку.

Еще сильнее взметнулось пламя.

Побежало тепло ручьями. Довольны фашисты:

— О-о-о! Гут! Карашо!

Смотрят, а где же мальчишки? Сдуло их словно ветром.

Посмотрели солдаты на тьму, в ворота. И в ту же секунду раздался страшенный взрыв. Разнес он сарай, а с ним и фашистов. В связке хвороста были заложены две противотанковые мины.

Много отважных подвигов совершили под Москвой партизаны. Чем могли, помогали взрослым подростки и дети. Особенно тут, в Осташевском районе. Юным советским патриотам ныне памятник здесь стоит. В Осташеве. На площади. В самом центре.

АКТИВНЫЙ ОТДЫХ

Наступала стрелковая рота. Шагала, шагала она на запад. Устали бойцы от боев, от военного грома. Дали солдатам отдых.

Спит подо льдом, под снегами Гжать. Тишь сковала сейчас округу. Явились солдаты в село под вечер. Разместились в уцелевших избах. Уснули, как в детстве, блаженным сном.

Только уснули: тревога! Тревога!

Поднялись в момент солдаты. Полушубки на

плечи, винтовки в руки.

Снова в строю солдаты.

Оказалось, из наших тылов к своим долиной Гжати прорывалась какая-то часть фашистская. Вступили солдаты в бой, разбили они фашистов.

Вернулись солдаты к покою, к избам.

Утром проснулись, на улицу вышли. В деревне лишь треть домов. Лизнула деревню война огнем. Уходя, спалили две трети домов фашисты. Трубы торчат и печи.

В землянках, в ямах, чуть ли не в норах живут погорельцы. Смотрят солдаты на трубы, на печи, на ямы, норы. Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, поможем!

Закипела кругом работа. Топоры, как дятлы, носами в бревна. Пилы бульдогом вцепились в сосны.

Из пепла, из снега поднялись избы. Трубы, как стражи, венчают крыши.

Завершили солдаты в селе работу. Осмотрели теперь округу. Вышли к замерзшей Гжати. Сваи торчат из Гжати. Был здесь недавно мост.

Посмотрели солдаты на лед, на сваи:

— А ну-ка, братва, наладим!

Закипела опять работа. День не прошел, как снова доски легли над Гжатью, перила схвати-

лись за оба берега.

Закончили мост солдаты. Снова идут округой. Смотрят — на взгорке школа. Вернее, то, что осталось теперь от школы.

— Как же в селе без школы!

— А ну-ка, братва, докажем!

Закипела и здесь работа. Лихи солдаты в труде, в работе. Много умельцев в стрелковой роте. Снова школа на прежнем месте. Снова наряден взгорок.

Довольны бойцы. Идут в деревню. Пришли в деревню. Гремит команда:

— Стройся! Стройся! Закончен отдых!

Повзводно стала в шеренгу рота.

— Смирно! Налево! Песню!

Шагнула стрелковая рота. Взвилась над ротой песня. Зашагали солдаты в свою дивизию.

Явились они в дивизию. Генералу доклад о роте:

— Прибыла с отдыха рота.

— Как отдыхалось?

— Полный во всем порядок.

— А точнее?

Узнал генерал про бой с фашистами, про мост, про дома, про школу.

— Благодарю. Ну что ж, активный, выходит,

отдых...

Глава третья
ЗЛАЯ ФАМИЛИЯ

«НИ ШАГУ НАЗАД!»

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге.

Шло сражение на подступах к Сталинграду. 16 солдат-гвардейцев вступили в неравный бой.

— Ни шагу назад! — поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой — жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

— Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

— Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии — Кочетков, Докучаев, Гущин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни минометов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки все ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнем затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел еще раз на Гущина, Бурдова — на соседей своих по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

— За Родину! — крикнул герой. Бросился вперед навстречу врагу. Прижал покрепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опаленные боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гущин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гущин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

— Нас не возьмешь! — прокричали солдаты.

Рванулись вперед герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов:

— Свобода дороже жизни!

Вот они четверо — на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

— Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Еще взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит как ветер. Годы текут как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утесы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии — Кочетков, Докучаев, Гущин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

Их было 33. Как в сказке. 33 богатыря. 33 отважных советских солдата. Западнее Сталинграда

защищали бойцы важную высоту. Не смогли здесь фашисты вперед прорваться. Обошли высоту фашисты. Попали бойцы в окружение.

Не дрогнули смельчаки, 27 танков подбили в бою герои. Уничтожили 150 фашистов.

Кончились боеприпасы. Прорвались солдаты сквозь окружение. Вернулись к своим войскам. Все оказались целы, все невредимы. Лишь один рядовой Жезлов неопасно осколком ранен.

Обступили солдаты героев. Интересно узнать подробности. Вот стоит Семен Калита. Отличился в бою Калита. Первым уничтожил фашистский танк.

— А ну, расскажи, расскажи про геройство, — просят его солдаты.

Засмущался Семен Калита:

— Да я… Да что я… Вот Иван Тимофеев. Вот это да. Вот это герой.

И это верно — рядовой Иван Тимофеев уничтожил два неприятельских танка.

Повернулись солдаты к Ивану Тимофееву:

— А ну, расскажи, расскажи про геройство.

Засмущался Иван Тимофеев:

— Да я… Да что я… Вот Владимир Пасхальный — вот кто герой. Вот кто лучше других сражался.

И верно. Младший сержант Владимир Пасхаль-

ный три фашистских танка вывел из строя. Вот кто герой, конечно.

Засмущался Владимир Пасхальный:

— Да я… Да что я… Вот товарищ младший политрук Евтифеев — вот кто из героев герой настоящий.

И верно. Младший политрук Евтифеев подбил четыре фашистских танка. Восхищаются солдаты:

— Вот так стрелок!

— Провел, выходит, среди фашистов политбеседу!

Окружили солдаты политрука:

— Товарищ Евтифеев, расскажи, как было.

Усмехнулся Евтифеев, рассказывать начал.

Рассказал о героях: о младшем сержанте Михаиле Мингалеве, о солдате Николае Власкине, о старшине Дмитрии Пуказове и о других бойцах. Только солдатам все мало:

— А что ж про себя ни слова?

Засмущался Евтифеев.

— Да я… — глянул вокруг, увидел Семена Калиту, того, кто первым подбил неприятельский танк: — Вот пусть вам Семен Калита про себя расскажет. Он всему положил начало…

Сталинград. Штаб Сталинградского фронта. Ко-

мандующий фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко.

Доложили о подвиге 33 отважных генералу Еременко:

— Товарищ командующий, подбили двадцать семь танков. Живыми назад вернулись.

— Двадцать семь?

— Так точно, двадцать семь.

— Герои, — сказал Еременко, — герои. — Помолчал, добавил: — А то, что смерть победили, что жизнь сберегли, — дважды они герои. Богатыри!

33 советских богатыря — так и окрестили солдаты героев прославленной высоты. А вскоре и награды пришли к героям. Ордена и медали засверкали у них на груди.

РАНЕН В БОЮ СОЛДАТ

Лежал он без стона, без крика, без плача. Ранен в бою солдат. Кровь сквозь рубаху на пол сочится.

Окраина Сталинграда. Полуразрушенный дом. Третий этаж. Лежит на полу солдат.

Сражался солдат в составе родного стрелкового взвода. Обороняли вот этот дом. Вдруг прибыл приказ занять бойцам по соседству другие позиции. Двинулись воины к новому месту. Солдат прикрывал переход. Покинули дом боевые дру-

зья. Сделал солдат еще один выстрел. Хотел устремиться за всеми следом. В эту минуту его и ранило. Вскрикнул. Согнулся. Упал солдат.

Лежит на полу солдат. Из раны на пол кровь сочится.

Не утихает за окнами бой. Сражаются там боевые товарищи.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает.

Вот Вася Сидоркин. Родом они из одного заводского поселка. Вместе на фронте с первого дня войны. Отходили по огневым дорогам тогда солдаты. В бою под Минском был ранен. Вынес с поля боя его, унес от смерти тогда Сидоркин.

Вот ефрейтор Семен Капусто. Под Вязьмой вместе они сражались. Попали бойцы в окружение. Неделю снегами брели по ночам к своим. Одним на двоих сухарем питались.

Вот Такен Токобаев. Это с Такеном они вдвоем привели «языка» под Можайском. Породнила судьба солдат. Вместе вручили героям тогда медали.

Вот Самойлов, Ильин, Головин. Вместе громили фашистов они под Москвой. Испытали радость победы вместе.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоми-

нает. До слез обидно лежать солдату. В смертной схватке с врагами сошлись товарищи. Как же помочь друзьям?

Приподнялся солдат. Но тут же от боли вскрикнул. Опять опустился на пол. Прошла минута. Вновь приподнялся. Боль пересилил. Встал. Сделал шаг, сделал два к окну. Взял винтовку. Высунул дуло в проем окна. Выбрал цель. Нажал на курок. Щелкнул курок, и только. Прикрывая своих, растратил воин патроны.

Опустился боец на пол. Покидают солдата силы.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. Все громче и громче слышна стрельба. Нелегко там сейчас товарищам. Чем же отвлечь фашистов?

Глянул боец на раны. На рубаху. И вдруг его мысль осенила. Собрал он последние силы. Оторвал от рубахи край. Провел им по ранам. Цветет кумачом полотнище. Покрылось солдатской кровью.

Подобрался солдат к винтовке. К штыку, прикрепил материю. Высунул штык в окно. Рубином зажглось полотнище. Затрепетало оно по ветру. Заиграло, забилось в небе.

Не ошибся солдат. Увидев красное знамя, вновь

повернули сюда фашисты. Забили опять снаряды. Зацокали снова пули.

Не утих, продолжается бой у дома. Развивается красное знамя. Рубином фашистов бьет. Где-то за домом гремит «ура!». Это в атаку идут товарищи. Но не видел, не слышал того солдат. Закончил свой путь боевой. До конца исполнил свой долг солдатский.

БУЛЬ-БУЛЬ

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом.

Сидит фашист в своем укрытии, выкрикивает:

— Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

— Рус, завтра буль-буль. — И уточняет: — Буль-буль у Вольга.

Обозлил сержанта Носкова этот фашист.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

— Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай

хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

— Буль-буль!

Один из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

— Не трожь! — строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивленно. Пожал плечами. Отвел винтовку.

Целый день не унимался ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга». К вечеру наконец умолк.

«Заснул», — поняли в наших окопах. Стали и наши солдаты дремать. Вдруг видят, вылезает сержант Носков из окопа. А следом за ним лучший его дружок рядовой Турянчик. Выбрались приятели, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Недоумевают солдаты. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят в сторону гитлеровских окопов, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

— Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

— Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты — верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый — «буль-буль». Только не ползет он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у фашиста.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше с ним в штаб.

Однако дорогой спустились к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

— Буль-буль, буль-буль! — кричит озорно Турянчик.

— Буль-буль, — пускает фашист пузыри. Трясется как лист осиновый.

— Не бойся, не бойся, — сказал Носков. — Русский не бьет лежачего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

— Буль-буль, — прощаясь, сказал Турянчик.

ЗЛАЯ ФАМИЛИЯ

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, — первый вопрос:

— Фамилия?

— Трусов.

— Как-как?

— Трусов.

— Д-да… — протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

— Как фамилия?

— Рядовой Трусов.

— Как-как?

— Рядовой Трусов.

— Д-да… — протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

— Видать, твой предок в героях не был.

— В обоз при такой фамилии?

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идет раздача прибывших писем. Называют фамилии:

— Козлов! Сизов! Смирнов!

Все нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнут:

— Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей 149-й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

— Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, — сказал командир отделения.

Не хочется Трусову быть хуже других. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемет. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемет.

— Молодец! — похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты еще несколько шагов. Снова бьет пулемет. Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулеметчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

— Герой! — сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вел огонь рядовой Трусов.

— О-о! — вырвалось у командира отделения. — Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награжден медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит — глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

— За что награжден, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцам: не в фамилии честь солдатская — дела человека красят.

ДАНКО

Данко, всем известно, герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в темном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце. Вспыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям.

Сталинград — необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Сталинградский тракторный. Гордились сталинградцы

своими заводами, славой своей рабочей. Сюда, в заводской район, и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломила силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних ночных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен комсомолец матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Матрос как матрос. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клеши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь, в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулеметы. У матросов одни гранаты. И те на исходе.

Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулеметов, брони и пушек. Но вот наступил момент — нет у Паникахи больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаху. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись

человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занес бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаху. Мгновение — и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце…

Остальное случилось в одну секунду.

— Нет, не пройти фашистам! — прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занес бутылку. Ударил по решетке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брызнул огонь фонтаном.

Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты. Многое стерла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живет, не старея, память о подвиге Паникахи.

Сталинградский Данко — назвали его товарищи. Таким он вошел в историю.

ТРАКТОРНЫЙ, ТАНКОВЫЙ

На всю страну прославился Сталинградский тракторный завод. С энтузиазмом его строили советские люди. Для мира, для мирной жизни.

И вот война. Штурмуют фашисты Сталинград. Рвутся к Сталинградскому тракторному. Бьют по заводу из пушек. Бомбят его с воздуха. Однако стоит, держится Тракторный. И не только держится, но и трудится. Там, где цеха разрушены, работа идет под открытым небом. Стоят у станков слесари, токари, механики. А рядом винтовки. Если возникнет нужда, к бою готовы рабочие.

Гудит, шумит, не умолкает Сталинградский тракторный. Кипит работа и днем и ночью. Только, конечно, не тракторы выпускает сейчас завод. Стал он заводом танковым. Привозят сюда подбитые, искалеченные, обгоревшие в бою танки. Возвращают им жизнь рабочие.

Прибуксировали как-то на завод и этот танк. Смотрят рабочие на бортовой номер — 214. Восстановили его рабочие. Отремонтировали. Ушел он снова навстречу огню, фашистам. Ринулся в бой с врагами.

Прошло несколько дней. Новые танки прибыли на завод. Глянули рабочие — среди них тот самый, 214-й.

— А, старый знакомый. Здравствуй! — приветствуют танк танковые мастера.

Восстановили рабочие танк. Загудел он опять мотором. Расправил плечи. Поклонился рабочим. Ушел за заводские ворота, отважно ринулся снова в бой.

Все жарче, жарче кругом сражение. Справа и слева, среди рвов и оврагов, среди ближних холмов и курганов и дальше, за ними, куда лишь хватает глаз, грохочет пламя огромной битвы, схватка идет с фашистами.

Снова проходит несколько дней. И снова рабочие на заводском дворе видят знакомый танк. На башне трещина. Накренился на правую сторону — перебита у танка гусеница. Признали его рабочие.

— Что же ты, старина?

— Да так уж случилось, — ответил танк.

Подлечили рабочие воина. Швы на броню наложили. Надели новую гусеницу, чтобы не было хромоты.

Кивнул благодарно, прощаясь, танк. И снова туда, где вскипает битва. Бьется отважно танк.

Бросается в самую гущу схваток. Смело идет на фашистские пушки. Давит, утюжит фашистских солдат. Прикрывает своих броней, словно рыцарь щитом и латами.

Снова проходит день. Все сильнее, сильнее битва. В ранах опять и в шрамах пересекает заводские ворота танк. Пригнулся он весь, ссутулился. Башню склонил, как голову. Казалось, перед рабочими извиняется.

— Не грусти, старина, — говорят мастера. — Бой есть бой. Всякое в жизни бывает.

— Мне бы опять к боевым товарищам.

— Подлечим, браток, подлечим.

Вновь воскресили рабочие руки танк. Полная сил и задора, уходит машина в бой. Прогрохотал он металлом. Смотрят рабочие танку вслед:

— Нашивки б ему за ранения. Орден ему за подвиги.

И танк о рабочих думает: «Памятник им в века за их золотые руки».

ЗНАМЕНИТЫЙ ДОМ

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Минометным огнем, слов-

но дождем, поливали фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался.

Здесь русский рядом стоял с казахом. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили.

Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг.

О просторах родной России, о далекой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шири казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. В общем союзе советских республик расцветает родная Татария. О милой Казани, о Казанке-реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Памире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запевает таджик Турдыев. Могуч, и широк, и приволен Днепр. Об Украине родной, о ее колосистых полях и нивах украинца Глущенко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоминает грузин Мосиашвили. Родные арыки и белого хлопка поля представляет узбек Тургунов.

Здесь, на Волге, решается все: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты.

Оборону знаменитого сталинградского дома

возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют «Домом Павлова». Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты.

Идет с фашистами бой-сражение.

— Огонька им, ребята. Побольше! Побольше! — командует сержант Яков Павлов. — Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей это дом.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ОБОРОНА

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков — боевой, решительный генерал.

Наступая в заводском районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот-вот ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

— Товарищ командующий, противник рядом, — доложили Чуйкову.

— Вот и прекрасно, — сказал Чуйков. — Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада — открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолеты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

— Опасно, товарищ командующий, — рядом огонь!

— Вот и отлично, — сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. — Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что, даже когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело попадаются осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

— Товарищ генерал, да где это видано — осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

— Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтовой витамин на злость.

— «Витамин»! — пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты — боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона — это атака. Атакует все время Чуйков противника. Не дает фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждет указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления — как, по науке, лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так-так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провел стрелку.

— Вот здесь, — сказал, — завтра вместе с соседом справа начнете атаку. Цель — уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

— Так это, выходит, целое наступление, това-

рищ командующий. А не оборона.

— Нет, оборона, — сказал Чуйков. — Сталинградская оборона.

Чуйков — атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

ГЕННАДИЙ СТАЛИНГРАДОВИЧ

В сражающемся Сталинграде, в самый разгар боев, среди дыма, металла, огня и развалин солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

— Как тебя звать?

— Гена.

— Сколько ж тебе годов?

— Пять, — важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышленым был мальчик. Прошел всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог назвать всех по имени-отчеству.

Знает кроха, что командующий армией генерал-лейтенант Чуйков — Василий Иванович. Начальник штаба армии генерал-майор Крылов — Николай Иванович. Член Военного совета армии дивизионный комиссар Гуров — Кузьма Акимович. Командующий артиллерией генерал Пожарский — Николай Митрофанович. Начальник бронетанковых войск армии Вайнруб — Матвей Григорьевич.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

— Здравствуйте, Павел Васильевич!..

— Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..

— Здравия желаю, Семен Никодимович!..

— Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые — все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

— Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

— Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы:

— Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

— На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

— Доброй дороги тебе, Сталинградович!

— Сил набирайся!

— Мужай!

— Расти!

— Честь с юных лет береги, Сталинградович!

Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты бусинку и снова к ратным своим делам. Словно бы не было мальчика, словно бы сон привиделся.

Вырос Геннадий Сталинградович. Жив и здоров. Школу закончил, затем институт. Живет он в счастливое наше время.

За него, за счастье других ребят в тот памятный год, в той страшной войне за нашу страну, за Советскую власть стояли насмерть отцы и деды.

МАЙОР УСТИНОВ

Не утихают бои в Сталинграде. Сентябрь проходит, а город сражается. Октябрь на улице, а город сражается.

Летят из Берлина грозные предписания: «Взять

Сталинград! Взять Сталинград! Сутки — и чтобы взять!»

14 октября 1942 года фашисты начали новое наступление. Снова сила крушила силу. Упорство сошлось с упорством. И снова от страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. Стонала земля от боли. От ожогов кричало небо.

Неравны по-прежнему силы. Пал Сталинградский тракторный. Фашисты прорвались к заводу «Красный Октябрь». Бои развернулись на территории завода «Баррикады».

Десять дней не утихает ужасный бой. Идет он в цехах, корпусах, отделах — за каждую пядь заводской земли. Москитной тучей висят над заводскими трубами фашистские самолеты. Пушки бьют очумело прямой наводкой.

Вместе с другими завод «Баррикады» защищал и 895-й стрелковый полк. Здесь же, на территории завода, находился и командный пункт командира полка майора Устинова.

Прорвались фашисты к командному пункту. Все ближе и ближе бой. Вот совсем рядом раздаются голоса и крики фашистских солдат. Все меньше и меньше кругом защитников. И вот наступил последний момент — майор Устинов один остался.

Заполнили фашисты заводской двор. Все больше их, больше и больше. Левее командного пункта, правее, перед ним, а вот уже и за ним. Черно кругом от фашистских мундиров.

«Эх, рвануть бы „катюшами“», — подумал майор Устинов. Подумал и тут же бросился к рации. Торопится наладить связь с артиллеристами. Наладил.

— Дорогие, — кричит Устинов, — дайте залп реактивными! По скоплению неприятеля. Верная цель.

И тут же сообщает координаты, то есть то место, куда стрелять. А место это как раз и есть то самое, где находится командный пункт полка и на котором майор Устинов сейчас стоит.

— Стреляйте! — кричит Устинов. — Стреляйте!

Заметили фашисты советского майора. Бросились к нему:

— Рус, сдавайся! Рус, капут!

— Стреляйте!

Рванули «катюши». Огнем осветили небо. Словно плуги по пашне, по рядам фашистов прошли снаряды. Молодцы, точны артиллеристы. Без отклонения в цель попали. Взрыли «катюши» землю, кирпич и камни. Уничтожили все живое.

А как же майор Устинов?

Цел, невредим. Стоит улыбается. Словно бы он заколдованный. Словно бы он завороженный.

Недаром безумству храбрых гимны народ слагает. Недаром в песне одной поется: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

РЕДУТ ТАРАКУЛЯ

Таракуль — это фамилия. Сержант Юрко Таракуль по национальности молдаванин. «Редут» — старинное слово, означает оно — укрепление.

Пулеметчики Юрко Таракуль и Михаил Начинкин занимали оборону в одном из старинных купеческих особняков.

Особняк стоял на уличном перекрестке. Позиция для обороны была удобной. Как на передовой пост, сюда и пришли пулеметчики.

Начинкин в прошлом рабочий-металлист, токарь по профессии. Таракуль жил в селе, выращивал виноград.

Смеется Юрко Таракуль. Называет Начинкина и себя: «Рабоче-крестьянское подразделение».

Заняли бойцы позиции на первом этаже. Каждый выбрал себе по комнате. Разобрали печь, заложили кирпичами окна, лишь небольшие просветы — амбразуры — для пулеметных стволов оставили.

Дождались пулеметчики, когда появились на перекрестке улиц фашисты, открыли огонь по врагам.

Ответили фашисты огнем на огонь. Пошли в атаку на дом автоматчики. Да только крепкими были стены у купеческого особняка, меткими были бойцы-пулеметчики. Не получается ничего у фашистов.

Сидят Таракуль и Начинкин в своих персональных комнатах. Проверяют: здоровы ли, целы. Подают голоса друг другу, словно в лесу аукаются.

Не осилили дом автоматчики. Прибыл минометный расчет к перекрестку. Взвились со свистом мины. Градом железным бойцов осыпали.

Живы бойцы, невредимы.

— Ау-у!

— Ау-у! — несется из комнаты в комнату.

Подкатили к перекрестку враги орудия. Сразу три пушки. Открыли из пушек огонь по дому. Пробили снаряды стены, посыпалась штукатурка.

— Ау-у! — кричит Таракуль. — Ау-у!

Не ответил ему Начинкин.

Бросился Таракуль в соседнюю комнату. Видит — ранен Начинкин. Лежит, истекает кровью.

Перевязал Таракуль Начинкину рану. Смотрит, куда бы укрыть солдата. Соображает — в подвал. Спустился в подвал с Начинкиным. Потом вернулся. Перенес пулеметы.

Оборудовал Таракуль в подвале две бойницы. Установил пулеметы. И снова по фашистам ведет огонь. То из одного пулемета боец стреляет, то быстрее бежит к другому, открывает огонь из этого.

— От меня! От Начинкина!.. От меня! От Начинкина! — выкрикивает Таракуль.

Не могут фашисты никак за перекресток продвинуться. Пришлось вызывать самолеты. Спикировали они на дом, сбросили бомбы. Не устояли стены. Рухнули. Завалили подвал обломками.

Подвал завалили, а бойницы остались целы. Сохранились и оба пулемета.

Думали фашисты, все, покончено с домом. Двинулись на перекресток. Только вышли — огонь из развалин. Перебегает Таракуль от пулемета к пулемету:

— От меня! От Начинкина!.. От меня! От Начинкина!

Три дня сражался отважный воин. На третьи сутки в одной из атак к развалинам купеческого

особняка прорвались наши солдаты. Слышат Таракуль и Начинкин наши, русские голоса. Закричали и сами.

Подбежали солдаты к подвалу.

— Братцы, тут наши, никак, сидят!

Но как же войти в подвал? Все забито, зарыто, засыпано. Только бойницы одни торчат.

Явились саперы. С трудом отрыли они пулеметчиков.

Вышел из подвала Таракуль. Вынесли на носилках Начинкина.

Посмотрел саперный начальник на остатки купеческого особняка, на стены-скалы, на камни-глыбы, сказал:

— Редут!

— Редут! — поддержали его другие.

— Редут Таракуля, — сказал Начинкин.

БЕРЛИНСКАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ

Много прославленных снайперов было на Сталинградском фронте: Виктор Медведев, Гильфан Авзалов, Анатолий Чехов... Самый известный — Василий Зайцев. Почти триста убитых фашистов на счету у знаменитого снайпера.

Решили фашисты уничтожить меткого стрелка. Назначили большую награду тому, кто убьет со-

ветского снайпера. Только осмотрителен, опытен Зайцев. Никак не удается определить фашистам, откуда, с какого места солдат стреляет. Меняет боец позиции. Сегодня сидит в окопе. Завтра за каменной кладкой подвала укроется. Из окон разбитого дома стреляет он на третий день. Забравшись под брюхо сгоревшего танка, бьет по врагу на четвертый.

Не помогает обещанная награда. Нет среди фашистов под Сталинградом стрелка, который был бы равен Василию Зайцеву.

Увеличили фашисты награду. Рыщут повсюду охотники. Только нет никому удачи. Нет среди немцев под Сталинградом стрелка, который смог бы осилить Зайцева.

Досадно фашистам. Вспомнили гитлеровские командиры, что в Берлине есть знаменитый немецкий стрелок майор Конингс — руководитель школы фашистских снайперов. Вызвали срочно Конингса в Сталинград. На специальном самолете прибыл берлинский снайпер.

Узнал Конингс фамилию русского умельца.

— Зайцев? Хо-хо! — рассмеялся.

Сыскался среди немецких солдат находчивый:

— Господин майор, есть среди них и Медведев!

А Виктор Медведев и вправду после Василия

Зайцева был самым метким стрелком на фронте.

Понял шутку берлинский гость:

— О-о!

Конингс рослый, плечистый. На шее — Железный крест.

«Вот кто покончит с Зайцевым, — думают немецкие солдаты. — А заодно и с Медведевым, Авзаловым, Чеховым…»

Сошлись майор Конингс и Василий Зайцев в снайперской схватке.

Осторожен, сама осторожность Конингс. Зайцев еще осторожнее.

Глазаст Конингс. Зайцев еще глазастее.

Терпелив Конингс. Зайцев еще терпеливее.

Четыре дня сидели стрелки друг перед другом. Ждали, кто первым выдаст себя, кто первым допустит промах.

Идет Конингс на разные хитрости. Все пытается сделать так, чтобы советский снайпер хоть бы на секунду из-за укрытия высунулся. И Зайцев о том же думает: как бы заставить майора Конингса на секунду оставить свое укрытие.

Хитер Конингс. Зайцев еще хитрее. Подозвал он к себе солдата Николая Куликова, наставляет: сиди, мол, со мною рядом. Возьми палку, надень каску на палку, чуть высунь ее из окопа. Если

грянет выстрел, вскинь руки, вскрикни и падай. Ясно?

— Ясно! — солдат ответил.

Высунул Куликов из окопа каску, и сразу по каске — пуля. Вскинул, как договорились, Куликов руки, вскрикнул и повалился на дно окопа.

Рад Конингс своей удаче. Уверен, что поразил Зайцева. Любопытно ему посмотреть: высунул голову из-за укрытия. И тут же пуля Василия Зайцева сразила майора Конингса.

Лежит неподвижно на сталинградской земле берлинская знаменитость. На шее Железный крест надгробным крестом торчит.

ОСТРОВ ЛЮДНИКОВА

Прорвались фашисты к Волге в районе завода «Баррикады», отрезали от других 138-ю стрелковую дивизию. Командовал дивизией полковник Людников. Занимала дивизия очень небольшую территорию у волжского берега.

С севера, с запада, с юга — фашисты, с четвертой, восточной стороны — Волга. Островом Людникова назвали солдаты эту часть сталинградской земли.

Всюду было трудно защитникам Сталинграда. А здесь, на острове Людникова, и того труднее.

Стояла середина ноября. Ни зима, ни осень. Волга еще не замерзла, но уже шел по ней лед — шуга. И на лодках в такое время года не переправишься, и по льду не перейдешь. Трудно было сюда доставлять продовольствие и боеприпасы. Бойцы получали по 25 граммов сухарей и по 5 граммов сахара в день. Но держались.

Здесь же, на острове Людникова, оказалось много раненых. Собралось их около четырехсот человек. И их переправить нельзя на левый берег. Укрыли раненых в землянках, которые были вырыты в отвесных волжских кручах. Назвали землянки госпиталем.

И вот как-то к полковнику Людникову прибегают врачи:

— Товарищ полковник, бунтуют раненые.

— Как бунтуют?!

— Не слушаются, не подчиняются, — уточняют медики.

— Чему не подчиняются?

— Лечебному режиму, — сказали врачи.

Оказывается, не хотят раненые оставаться в госпитале. Знают они, что их товарищи по дивизии там, наверху, на кручах, ведут тяжелые бои с фашистами, просят, чтобы и им разрешили принять участие в этих боях.

— Не подчиняются, — повторяют врачи. — Не выполняют раненые наших распоряжений, товарищ полковник.

Пошел Людников вместе с врачами к раненым. Вошел в одну из землянок. Узнали солдаты полковника Людникова.

— Товарищ полковник, несправедливо.

— Что несправедливо?

— А то, что мы здесь лежим, — отвечают солдаты, — а там, наверху, каждый из наших товарищей один против пяти фашистов сражается.

— Так ведь вы раненые. Так ведь здесь госпиталь. Так ведь медицинский порядок такой, — пытается объяснить солдатам полковник Людников.

Объясняет, но видит, что солдаты не воспринимают его слова. Понимает Людников — не переубедить ему бойцов. Отошел, посоветовался с врачами. Разрешили врачи, чтобы легкораненые вернулись в строй.

— Только легкораненые, — повторили они.

— Только легкораненые, — повторил и полковник Людников.

Вот тут-то началось самое главное. Каждый стал утверждать, что он легкораненый.

Стали легкораненые отходить к выходу из зем-

лянки. Смотрит Людников — пожилой солдат вместе с другими двинулся. Плечо у солдата туго перебинтовано. Кровь сквозь бинты проступила. Ясно: ранение тяжелое.

— Куда же вы, папаша? — обращается к нему Людников.

— В строй, товарищ полковник, — отвечает солдат.

— Да как же вы с таким-то плечом — и в строй?!

— А мне тяжести не грузить. Я минометчик, — отвечает солдат.

Видит Людников — за этим пожилым молодой тянется. Костыль под мышкой, нога волочится.

— А куда же вы, товарищ боец, с костылем? — говорит ему Людников.

— Так я пулеметчик, — отвечает боец. — Для меня нога не самое главное.

Вернул полковник бойцов назад, и молодого и старого. Многих задержал Людников.

Утром те, кто был отпущен из госпиталя, составили пополнение и вместе с другими бойцами вступили в бой с фашистами. И вот зоркий глаз Людникова заметил, что бойцов, пришедших из госпиталя, оказалось намного больше того числа, которым вчера разрешили вернуться в строй.

Заметил командир дивизии и тех двух — пожилого с тяжелым ранением в плечо и молодого бойца-пулеметчика.

Подошел Людников к солдатам. Готов разозлиться, повысил голос:

— А вы почему здесь, товарищи бойцы?!

Ухватился пожилой за последнее слово — бойцы.

— Оттого и здесь, что бойцы, — ответил.

— Так ведь трудно с такими ранениями быть в бою.

— А ему что — легко? — опять не сдается пожилой. — А он что — не раненый? Да он нас посильнее раненный. Однако стоит и держится.

— Кто — он? — не понял Людников.

— Сталинград, — сказали бойцы, молодой и старый.

Сорок пять дней, до самой нашей сталинградской победы, удерживали советские воины остров Людникова. Так и не отдали его фашистам.

ТИТАЕВ

Ноябрь. Завьюжило. Выпал снег.

Незавидная жизнь у связистов. Снег, непогода, грязь, бомбят самолеты с неба, снаряды вздымают землю, пули разносят смерть — будь к любому

готов, связист. Повредило проводку бомбой, оборвало снарядом провод, фашистский разведчик разрушил связь — собирайся, солдат, в дорогу.

В ноябре вновь завязались бои за Мамаев курган. В самый разгар сражения прервалась телефонная связь с командным пунктом дивизии. С командного пункта как раз артиллеристам давали команды к стрельбе по целям. Оборвались теперь команды. Прекратился огонь артиллерии.

На исправление повреждения вышел связист Титаев.

Ползет Титаев вдоль провода, ищет, где произошел обрыв. Висят над Титаевым низкие облака. Метет поземка. Слева неприятельские окопы. Бьют минометы. Строчат пулеметы. Грохочет бой.

Ползет Титаев, впился глазами в провод, ищет конец обрыва. Свистят над солдатом пули. Сбивает с пути поземка.

— Ан не собьешь!.. — крикнул солдат метели. — Ан не возьмешь!.. — крикнул Титаев пулям.

Ползет солдат. А там, на кургане, грохочет бой. И нужен как воздух огонь артиллерии. Понимает это Титаев. Торопится. Метрах в тридцати впереди показалась воронка от взрыва. Вот где оно,

повреждение. Десять метров осталось. Пять. Дополз до воронки солдат. Вот он у самого края. Вот лежит провод, рассеченный стальным осколком. Подхватил Титаев один конец. Тянет быстрей второй…

Молчал, молчал телефон на командном пункте и вдруг заработал. Облегченно вздохнул командир.

— Молодцы, — похвалил связистов.

— Так это ж Титаев, — ответил кто-то. — Первой статьи солдат.

Знают Титаева. Любят в дивизии. Ждут в связной роте, когда же вернется назад Титаев. Не возвращается что-то боец. На поиски связиста отправились два солдата. Ползут они тем же следом. Висят над ними низкие облака. Ветер метет поземку. Слева неприятельские окопы. Все так же бьют пулеметы. Стучат автоматы. Грохочет бой. Заработала советская артиллерия. Перекрывает шум боя, радует слух солдатский. Ползут солдаты. Видят — воронка. На краю воронки признали Титаева. Прижался к земле боец.

— Титаев!

— Титаев!

Молчит Титаев.

Подползли солдаты поближе. Глянули — мертв,

недвижим Титаев.

На войне солдаты ко многим вещам привыкли. Не удивишь их в сражении подвигом. Но тут…

Оказалось, что в тот момент, когда Титаев, обнаружив обрыв провода, пытался соединить его концы, настигла солдата смертельная пуля. Нет у солдата сил устранить повреждение. Но, прощаясь с жизнью, теряя сознание, в последнюю эту секунду успел солдат поднести провода ко рту. Зажал, как в тиски, зубами.

— Огонь! Огонь! — несется команда по проводу.

И тут же ответ:

— Есть огонь. Как связь, как связь?

— Отлично работает связь.

И снова:

— Огонь! Огонь!

Громили наши войска противника. А там, у края воронки, лежал солдат. Нет, не лежал — стоял на посту солдат.

Стоял на посту солдат.

КРЕПОСТЬ

Не могут фашисты взять Сталинград. Стали утверждать, что Сталинград неприступная крепость: мол, окружают город непроходимые рвы,

мол, поднялись вокруг Сталинграда валы и насыпи. Что ни шаг — то мощные оборонительные сооружения и укрепления, разные инженерные хитрости и ловушки.

Не называют фашисты городские кварталы кварталами, пишут — укрепрайоны. Не называют дома домами, пишут — форты и бастионы.

— Сталинград — это крепость, — твердят фашисты.

Пишут об этом немецкие солдаты и офицеры в письмах к себе домой. Читают в Германии письма.

— Сталинград — это крепость, крепость, — трубят в Германии.

Генералы строчат донесения. В каждой строчке одно и то же:

«Сталинград — это крепость. Неприступная крепость. Сплошные укрепрайоны. Неодолимые бастионы».

Фашистские газеты помещают статьи. И в этих статьях все о том же:

«Наши солдаты штурмуют крепость».

«Сталинград — сильнейшая крепость России».

«Крепость, крепость!» — кричат газеты. Даже фронтовые листовки об этом пишут.

А Сталинград крепостью никогда и не был. Нет

никаких особых в нем укреплений. Город как город. Дома, заводы.

Одна из фашистских листовок попала к советским солдатам. Посмеялись солдаты: «Ага, не от легкой жизни фашисты такое пишут». Потом понесли, показали листовку члену Военного совета 62-й армии дивизионному комиссару Кузьме Акимовичу Гурову; мол, посмотри, товарищ комиссар, какие небылицы фашисты пишут.

Прочитал комиссар листовку.

— Все тут верно, — сказал солдатам. — Правду фашисты пишут. А как же, конечно, крепость.

Смутились солдаты. Может, оно и так. Начальству всегда виднее.

— Крепость, — повторил Гуров. — Конечно, крепость.

Переглянулись солдаты. Не будешь с начальством спорить!

Улыбнулся Гуров.

— Ваши сердца и мужество ваше — вот она, неприступная крепость, вот они, неодолимые рубежи и укрепрайоны, стены и бастионы.

Улыбнулись теперь и солдаты. Понятно сказал комиссар. Приятно такое слушать.

Прав Кузьма Акимович Гуров. О мужество советских солдат — вот о какие стены сломали в

Сталинграде фашисты шею.

19 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Давно уже Ставка Верховного Главнокомандования готовила грандиозный и дерзкий план разгрома фашистов у стен Сталинграда. Генералы Жуков, Василевский, Воронов, другие советские военачальники провели десятки бессонных ночей, разрабатывая детали будущей битвы. Вот как выглядел ее план. Решительным наступлением с севера и с юга окружить фашистов в районе Сталинграда, зажать их в огромное кольцо и уничтожить.

Немало пришлось потрудиться советским людям для того, чтобы Советская Армия смогла выполнить этот план.

Нужно было намного увеличить выпуск советских танков. Советские люди добились этого.

Нужно было создать новые совершенные и быстроходные самолеты. Советские люди решили и эту задачу.

Нужны были тысячи новых пушек, миллионы винтовок и автоматов, миллиарды снарядов и патронов. Все это выпустили советские заводы.

Нужны были тысячи высокообразованных командиров. Советская Армия получила таких

командиров.

Петр Еремин и Василий Дудочкин — два неразлучных друга. Два лейтенанта. Два комсомольца. Оба танкисты. Окончили вместе училище. Сдружились еще в училище. У обоих одна мечта — вместе, рядом хотят сражаться. Рвутся оба в героический Сталинград.

Да только мечты мечтами. На деле порой другое. Разошлись их солдатские службы. Еремин попал на Юго-Западный фронт. Дудочкин, как назло, от Сталинграда к югу. Стоит их механизированный корпус почти у самых калмыцких степей, между озерами Цаца и Барманцак.

Обидно друзьям до слез. Не исполнилось их желание.

Тихо на Юго-Западном фронте. Еще тише здесь — на Сталинградском, между озерами Цаца и Барманцак.

Битва кипит на Волге. Рвутся танкисты в бой. Пишет Еремин рапорт начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Дудочкина: мол, разлучили, мол, вместе желают биться. Просит направить их в сражающийся Сталинград.

И Дудочкин рапорт строчит начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Еремина, и тоже, конечно, про Сталинград. Что-то не отзываются,

молчат командиры.

Настойчивым был лейтенант Еремин. Добрался до важного генерала. Генералу — про друга, про встречу с другом, про сражающийся Сталинград. Улыбнулся генерал. Посмотрел на Еремина:

— Похвально. И о друге — похвально. — Затем наклонился и тихо: — Надеюсь, исполнится ваше желание.

И лейтенант Дудочкин парень упорный. Добрался до важного генерала. Посмотрел генерал на Дудочкина:

— Ну что ж, надеюсь, исполнится ваша просьба.

Доволен Еремин. Доволен Дудочкин. Хоть сейчас готовы к отбытию. Только что-то отправки нет. Хотели снова бежать к начальству. Да тут… 1942 год. Раннее утро. 19 ноября.

— По танкам! — прошла команда.

Бросился Еремин к танку. Здесь узнает приказ. Начинается грандиозное наступление. Цель — окружить под Сталинградом фашистов. Пошел с севера в наступление их Юго-Западный фронт.

А через день и лейтенанту Дудочкину сообщают приказ. Пошел в наступление с юга их Сталинградский фронт.

Оглушительный грохот потряс Приволжские

степи. Это начала стрелять советская артиллерия. Заработали минометы. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И, наконец, с криком «ура!» неудержимо рванулась вперед всепобеждающая советская пехота.

Наступление началось.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПИСАТЬ О ГЕРОЯХ...

Быстро наступают советские части. Передовой отряд 26-го танкового корпуса смелым налетом захватил мост через Дон, а вскоре нашими танкистами был взят и город Калач. Приехали на Дон в район боев корреспонденты армейских газет. Стали интересоваться подробностями, выяснять имена героев.

Первый вопрос:

— Кто взял мост?

— Передовой танковый отряд, — отвечают корреспондентам.

— Кто командир?

— Подполковник Филиппов.

И тут же объясняют корреспондентам, как был взят мост. Совершил подполковник Филиппов со своими танками стремительный налет на мост. Не ожидали фашисты советских воинов. Вначале даже подумали, что это свои. А когда разобрались

— поздно. На мосту советские танки.

Записали корреспонденты сообщение о танковом рейде в свои фронтовые блокноты. Поехали дальше, в город Калач. Повстречалась им танковая колонна. Обратились корреспонденты к танкистам:

— Кто взял Калач?

— Передовой танковый отряд.

Записывают корреспонденты.

— Знаем, — говорят, — вашего командира. Подполковник…

— Так точно, подполковник. Подполковник Филиппенко, — уточняют танкисты.

— Как Филиппенко? Филиппов! — крикнули журналисты.

— По танкам! — прошла тут команда.

Скрылись под бронированными крышками люков танкисты. Остались корреспонденты со своими блокнотами. Смотрят на записанную фамилию командира передового отряда, гадают, какая же из фамилий подполковника правильная — Филиппов или Филиппенко.

Решили перепроверить. Оказался рядом с ними один из солдат.

— Как фамилия командира передового танкового отряда? — спрашивают корреспонденты.

— Подполковник Филиппов, — отвечает солдат.

«Значит, все же Филиппов», — решают корреспонденты. И все же вторично решили проверить.

— Как фамилия вашего командира? — спросили у пробегавшего мимо лейтенанта-танкиста.

— Подполковник Филиппенко, — отвечает лейтенант.

— Он командует передовым танковым отрядом?

— Так точно, он.

Совсем в недоумении корреспонденты. Вовсе теперь запутались. «Филиппов? Филиппенко? Как же в статьях писать?»

Торопились они в редакции своих газет. Вернулись, сидят гадают, на какой же из фамилий остановиться.

Сидят гадают. А гадать-то и нечего.

Оказалось, что среди наступающих танкистов были и подполковник Филиппов, и подполковник Филиппенко. Оба они командовали передовыми отрядами. Оба получили и звания Героев Советского Союза. Первый — за взятие моста на Дону, второй — за город Калач.

Много под Сталинградом героев. Много по-

хожих фамилий. Иванов, Иваненко, Иванян, Иванидзе, Иващенко; радистки: Литвина, Литвиненко, Литвинова; танкисты: Григорян, Григоренко, Грищенко; пехотинцы: Петров, Петрашвили, Петросян, Петронавичус. Много героев, много фамилий.

Хочешь писать о героях? Не ошибешься — бери любого, фамилию выбирай любую.

23 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Четыре дня советские танкисты, пехотинцы, артиллеристы, конники, ступая навстречу друг другу, громили фашистов.

Продолжали двигаться вперед и танковые соединения, в которых служили молодые лейтенанты Петр Еремин и Василий Дудочкин.

Танки проходили через отвесные овраги и глубокие рвы, прорывали проволочные заграждения, подминали вражеские пушки и пулеметы и снова с боями шли вперед и вперед.

Мчится в танке лейтенант Еремин. Жалеет лишь об одном: «Эх бы сюда Василия!»

А в это время с юга навстречу лейтенанту Еремину лейтенант Дудочкин летит на танке. Об одном лишь жалеет Дудочкин, что так и не успел он с лейтенантом Ереминым встретиться: «Вот

бы сюда Петра».

Стремительно движутся танки. И вот 23 ноября 1942 года рядом с Доном, за Калачом, встретились части двух разных фронтов. Видит Еремин — танки летят навстречу.

— Наши! Наши!

Встретились танки двух разных фронтов — Юго-Западного и Сталинградского, замкнули кольцо окружения.

Отбросил Еремин крышку танкового люка. Вылез наружу. Спрыгнул на снег. Смотрит — бросились люди навстречу друг другу. Обнимают один другого. Шлемы бросают вверх.

Не отставать же Петру Еремину. Обнял одного, обнял другого. Бросился к третьему. Расцеловал. По плечу похлопал. Глянул — да это же Дудочкин. Василий Дудочкин.

— Вася! — закричал Еремин.

— Петя! — вскрикнул Дудочкин.

Повстречались друзья, как в сказке. Обнялись до боли в плечах. Повстречались, обнялись. Смотрят, а рядом — два генерала, их генералы, те самые. Обнимаются генералы. Друг друга до боли в костях сжимают.

— Леня! — кричит один.

— Саня! — в восторге кричит другой.

Увидели генералы Еремина и Дудочкина.

— Ну как?

— Встретились! Встретились! — закричали Еремин и Дудочкин.

Улыбаются генералы:

— Ну что ж, добрая встреча, добрая. Побольше таких бы встреч.

Наступление Юго-Западного и Сталинградского фронтов завершилось полным успехом. Огромная 330-тысячная фашистская армия оказалась как волк в капкане.

РУКИ КВЕРХУ, ФЕЛЬДМАРШАЛ ПАУЛЮС!

Окружила Советская Армия фашистов. В мощных боях разбила. Те, кто остался цел, устремились теперь в Сталинград, в ту часть города, которая пока еще в руках у фашистов. Ищут фашисты среди камней городских спасение.

Расползлись фашистские солдаты по подвалам разрушенных домов, по траншеям. Залезают в любую щель.

В одном из глубоких укрытий, под зданием бывшего универмага, сидит и командующий окруженной фашистской армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс!

Здесь, в подвале, штаб окруженной армии или,

вернее, того, что осталось от армии. Понимают солдаты безвыходность своего положения. Одни еще бьются. Другие махнули на все рукой.

— Держитесь! Держитесь! — приказ солдатам.

Однако все меньше и меньше тех, кто готов держаться.

И вот к центру Сталинграда прорвались советские танки. Подошли танкисты к подвалу, в котором скрывался фельдмаршал Паулюс. Спустились в подвал герои:

— Руки кверху!

Сдался фельдмаршал в плен.

Добивают солдаты фашистов. Из подвалов, подземелий, щелей, траншей выкуривают.

Выходят фашисты. Руки, как пики, вверх. Головы — в плечи.

2 февраля 1943 года фашистские войска, окруженные под Сталинградом, окончательно сложили оружие. 330-тысячная гитлеровская армия, сражавшаяся под Сталинградом, перестала существовать. Советскими войсками было разбито или полностью уничтожено 22 фашистские дивизии. Пленено 91 тысяча фашистских солдат, в том числе 2500 офицеров. Помимо фельдмаршала, советские войска взяли в плен 23 гитлеровских генерала.

Прошло два дня, и 4 февраля на центральной площади Сталинграда состоялся огромный митинг. Застыли в строю солдаты. Слушают слова о фашистской капитуляции. Несутся слова над площадью:

— Двадцать две дивизии!

— Двадцать три генерала!

— Девяносто одна тысяча фашистских солдат и офицеров!

— Фельдмаршал Паулюс!

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой. Не померкнет слава ее в веках.

Сталинград!

Крепость на Волге.

Город-легенда.

Город-герой.

Здесь люди стояли как скалы. Здесь жизнь победила смерть.

Глава четвертая
ДВЕНАДЦАТЬ ТОПОЛЕЙ

КУЩЕВСКАЯ

Летом 1942 года, прорываясь к Сталинграду, фашисты одновременно начали наступление на Кавказ.

Шла в то лето к врагам удача. Отважно сражались советские воины. И все же сила была у фашистов. Прорвали фашисты советский фронт. Отходили от Ростова на юг к Кавказским горам солдаты.

Понимают солдаты — все на войне бывает.

Верят солдаты в нашу победу. И все же фашисты пока сильнее. И все же фашисты идут вперед.

Здесь, южнее Ростова, на огромных степных просторах хотят они окружить советские армии. Бросили фашисты вперед ударные танковые группы. Назвали их «кулаками».

Один из фашистских ударов проходил через станицу Кущевскую. Тут в числе других сражалась 13-я кавалерийская дивизия. Состояла она преимущественно из казаков. Чудеса совершила

в боях дивизия.

Ударили фашисты, взяли Кущевскую. Тут же доклад генералу:

— Хайль Гитлер! Взята Кущевская.

Только генерал порадовался, только сказал «зер гут!», как новый спешит посыльный:

— Хайль Гитлер! Оставили наши Кущевскую.

— Что такое?! — в недоумении генерал. — Взяли. Оставили. Что? Почему! «Вас ист лез?» — что случилось?

Действительно, оставлена была фашистами Кущевская. Казаки-герои ее отбили.

Дал генерал приказ:

— Немедля вновь овладеть Кущевской.

Снова в атаку пошли фашисты. Вновь к генералу спешит посыльный:

— Хайль Гитлер! Взята Кущевская!

Только руку отнес от фуражки, только сделал свой шаг «кругом», как новый спешит посыльный:

— Хайль Гитлер! Оставлена нами Кущевская.

— Что?!! — заревел генерал.

— Там казаки, — говорят генералу.

Поморщился генерал. Нелегкое дело — дело иметь с казаками.

— Взять, — приказал, — Кущевскую!

Вновь закипели бои за Кущевскую. Час проходит, идут бои. Два проходит, идут бои. Ночь наступила, идут бои.

Отбили фашисты опять Кущевскую. Снова посыльный спешит к генералу.

— Спит генерал, — говорят адъютанты.

— Сообщение важное, — докладывает посыльный. — Нами взята Кущевская.

Решают адъютанты — будить, не будить генерала.

Пока решали, новый посыльный прибыл.

— Хайль Гитлер! Оставлена нами Кущевская.

Не удалось фашистам южнее Ростова окружить советские войска.

Устояли наши в трудных боях. На фашистский «кулак» кулаком ответили.

ХОМУТЫ

Идут по кубанской земле фашисты. Слева и справа лежат поля. Идут фашисты. Взят Ставрополь, взят Краснодар. Все ближе и ближе к Кавказским горам военная лава движется.

Идут фашисты, и тут же следом — порядки новые.

Прибежал недоросток мальчишка Лукашка:

— Хомуты! Хомуты!

Притопала бабка Арина:

— Хомуты! Хомуты!

Инвалид дед Федул прискакал на одной ноге:

— Хомуты! Хомуты!

Хомуты? Ну и что? Подумаешь! Однако все дело в том — хомуты особые.

Вся станица тогда собралась.

Клянется Лукашка — подсмотрел, мол, в шорне: хомуты не конские. Меньше намного они лошадиных. Показал руками. Вот такие всего хомуты.

Клянется бабка Арина: небывалые хомуты. Конечно, не конские, не лошадиные. Вроде — козлиные. Вот какие пошли хомуты.

Поклялся и дед Федул, что такое своими глазами впервые видел.

— Не просунет в них шею свою коняга, — уверяет старик Федул.

Гадают станичники:

— Может, шорник размеры спутал.

— Может, фашисты каких-то особых коней пригонят?

— Может, этот шельмец Лукашка, а заодно и бабка Арина, и дед Федул просто пошутить решили?

Чего тут гадать-раздумывать.

— Давай сюда шорника, шорника!

Объяснил шорник: все верно — необычные шьются на шорне сейчас хомуты. Особые. Такой приказ он получил от фашистского коменданта.

— Циркуляр, — произнес загадочно.

Да, был такой фашистский циркуляр или, точнее, циркулярное письмо.

Раскрывало циркулярное письмо секрет новых хомутов. На людей они были рассчитаны.

Нужен фашистам кубанский хлеб. Вот заранее и готовились они к новой весенней пахоте. Важно заставить советских людей вовремя хлеб засеять. Важно заставить собрать вовремя будущий урожай. Однако все трактора и лошади уже были забраны фашистами для нужд своей армии. Вот и решили фашисты впрячь советских людей в бороны, в плуги, в телеги, в сани. На них, как на лошадях, и пахать, и возить, и сеять. Вот для чего хомуты нужны.

Однако не понадобились хомуты. Не дождались в кубанских степях новой весны фашисты. Почти со всего Кавказа еще до первой весны бежали.

Не получилось у них с хомутами. Не подставили советские люди шею. На борьбу, как один, поднялись.

ЗАТОНУЛА

Фашисты наступали на город Грозный. Упорные бои развернулись у реки Терек возле Моздока, у Прохладного, у Гвардейского, у Эльхотова, Майского, у города Малгобека.

— Взять Грозный! Взять Грозный! — поступают приказы Гитлера.

Грозный это не просто город. Здесь, под Грозным, богатейшие залежи нефти. Нефть и нужна фашистам.

Брошены сюда, на Терек, для удара на Грозный отборные фашистские силы. Даже дивизия «Викинг» — одна из лучших фашистских дивизий — прибыла. Жили когда-то давным-давно викинги — отважные воины и мореплаватели. Навечно вошли в историю. Вот заявляют и фашистские викинги:

— Мы тоже хотим известности.

— Навечно! На все времена и годы!

Представляют фашисты: возьмут они Грозный, возьмут затем город Махачкалу, достигнут Каспийского моря. А там шаг — и Баку, а там шаг — и пиши в историю.

Пытаются фашисты пробиться к Грозному. Обрушились на поселок Прохладный. Однако в

жарких боях отбиты.

— Остудил их Прохладный, — смеются солдаты.

Наступали фашисты на хутор Гвардейский. Разбиты они под Гвардейским.

Довольны солдаты:

— Привет гвардейский!

Новый бросок совершают фашисты — наносят удар на селение Эльхотово. Тут рядом Эльхотовские ворота. Так называется узкий проход между двумя горными хребтами, открывающий дорогу на город Грозный.

Не прорвались фашисты на Грозный через Эльхотовские ворота. Торжествуют солдаты:

— Закрыты ворота.

Бросились фашисты к Майскому, ломились у стен Малгобека, пытались пробиться в других местах.

Перекрыли солдаты надежно все подходы фашистам к Грозному, в жарких боях разбили. «Долиной смерти» назвали эти места фашисты.

Не досталась под Грозным кавказская нефть врагам. Оправдал свое имя Грозный.

Ну а как же дивизия «Викинг», чем завершилась ее история?

Не дошла она до Баку, до Каспийского моря.

Здесь, у Терека, затонула.

ОХОТА НА МАМОНТОВ

Новороссийск. Город-воин. Город-герой. Город на Черном море, морской и военный порт, самый крупный на всем Кавказе.

В августе 1942 года фашисты начали наступление на Новороссийск.

Много разных укреплений и заграждений было в те дни возведено нашими войсками вокруг города. Предложили саперные офицеры применить и танковые ловушки — глубокие ямы. Были вырыты танковые ямы и на подходах к городу, и даже в самом Новороссийске.

Одну из таких ям-ловушек соорудили на месте старого погреба, расширили его, углубили. Сверху положили доски, землей присыпали. Для отвода глаз, для маскировки даже дерном слегка обложили, даже гальки морской чуть бросили. Глянешь со стороны — никакой опасности.

Приходили бойцы, смотрели:

— Как в доисторические времена — охота на мамонтов.

Не зря трудились саперы. Сослужили добрую службу ямы. Вот и та — на месте старого погреба. Как раз именно здесь проходила одна из танко-

вых атак врага. Первый же фашистский танк и угодил в яму. Шел он к ловушке, словно магнит в ловушке. Шел, стрелял из башенного орудия, строчил из пулемета. И вдруг рухнул. Исчез. Пропал.

— Есть!

— Готово! — раздались крики.

Подходят солдаты к танковой яме:

Так и есть. Как мамонт!

Упорными, долгими были бои за Новороссийск. И все же к середине сентября большая часть города оказалась в руках у фашистов.

— Шварце мер! Черное море! — торжествовали враги.

Действительно, вышли фашисты к Черному морю. Надеялись отсюда берегом моря прорваться дальше на юг Кавказа.

Не получилось. Преградили наши путь врагам.

Надеялись фашисты стать хозяевами Черного моря.

Тоже не получилось. Блокировали наши Новороссийск. Держали под обстрелом морские подходы к городу. За все время, пока фашисты владели захваченной частью Новороссийска, а было это целых 360 дней, ни один военный, ни один транспортный фашистский корабль так и

не смог войти или выйти из Цемесской бухты. На берегах этой бухты и расположен Новороссийск.

Остановили советские воины фашистов под Новороссийском. Застрял в Новороссийске, как в ловушке, фашистский мамонт.

«КРАСИВЫЙ В КАВАЛЕРИИ, СИЛЬНЫЙ В АРТИЛЛЕРИИ»

Сержант Нико Долидзе был командиром орудия. Смел он в боях. Неутомим в сержантских своих делах. Любое дело в руках у Долидзе играет, спорится.

Пристала к Нико Долидзе забавная поговорка: «Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии».

Вот и сейчас. Тащат солдаты вброд через горную речку пушку. Нелегкий труд. Упирается в пушку плечом Долидзе, толкает и тут же другим командует:

— Раз, два, взяли! Раз, два, взяли! Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз, два, взяли! Раз, два, взяли!

Отходили солдаты.

Разное было в пути-дороге. Вначале, когда шли по Кубанским степям, артиллеристы на орудийных передках, на лафетах ехали. Потом, когда

начались отроги Кавказских гор, — пешком, рядом с лошадьми стали идти солдаты. Все круче пошли подъемы. Все труднее лошадиным упряжкам тащить орудия. Помогают солдаты теперь лошадям. Сами впряглись в орудия. То лошадям, то себе командуют:

— Эй, саврасые, эй, буланые! Дружней, вороные, каурые!

— Эй, белобрысые, эй, чернявые! Налегай, синеокие, кареокие, голубоглазые!

Дальше и вовсе дороги кончились. Распрягли лошадей солдаты. Сами тащат теперь орудия. Слышится голос Нико Долидзе:

— Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз, два, взяли! Раз, два, взяли!

Кончились тропы. Кручи пошли, уступы. Посовещались артиллеристы, на руках понесли орудия. Разобрали на части пушки. Колеса отдельно, стволы отдельно, лафеты отдельно, снаряды отдельно. Взвалили на плечи стальную ношу. Упрямо идут вперед.

Вот и вовсе солдат обступили утесы, скалы. Как же пушки — сюда, на скалы?

Неутомимы солдаты:

— Тащи веревки! — кричит Долидзе.

Привязали солдаты веревки к орудийным ство-

лам, к лафетам.

Слышится голос Нико Долидзе:

— Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз, два, взяли! Раз, два, взяли!

Ухватились за веревки артиллеристы. Ползут на утесы, на скалы стволы, лафеты.

Установили солдаты орудия там — высоко в горах. Огнем артиллерийским фашистов встретили.

Хвалили командиры Нико Долидзе. Хвалили других солдат:

— Богатыри! Герои!

Смущались солдаты, смущался Нико Долидзе.

— Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии.

Стоят они сильные и красивые.

КРЕСТ НА ПЕРЕВАЛЕ

Бои с фашистами шли в Суарском ущелье. Пытались фашисты через Суарское ущелье прорваться к Военно-Грузинской дороге. Эта дорога через горы, через Крестовый перевал ведет к Тбилиси.

Сражались здесь части, составленные из моряков-черноморцев и курсантов военно-морских училищ.

Места для бойцов новые, незнакомые.

Сообщили воинам-морякам:

— Прибудут проводники. Местные жители. Партизаны.

И верно: вскоре прибыл один из проводников. Глянули воины на партизана: старик стариком, борода до пояса.

— Отец, сколько ж тебе годов?!

— Восемьдесят, — важно сказал старик.

Прибыл второй проводник. Глянули воины на партизана: а этот еще древнее.

— Отец, сколько ж тебе годов?!

— Девяносто, — важно сказал старик.

Третий посланец прибыл. Глянули воины на партизана: ну, право, столетний явился дед.

Так и есть.

— Отец, сколько ж тебе годов?!

— Сто, — важно ответил дед.

Звали старика Тасолтан Апаевич Базров.

— Ну куда же тебе в партизаны?!

Старик начал сердиться:

— Война. Разве могу я голову под шкуру баранью спрятать!

Был он в черкеске, в папахе, кинжал на ремне у пояса. Ружье на плече висело.

Посмотрели бойцы на ружье. Старше деда ружье — кремневое.

Хотя и сто лет Тасолтану Базрову, однако оказался он на редкость подвижным, на редкость выносливым.

Знал Базров все тропы в Суарском ущелье, знал все скалы, уступы, завалы. Где лучше устроить засаду, как незаметно проникнуть в тылы к противнику, какими путями надежнее доставить своим боеприпасы — все точно расскажет, покажет дед. Незаменимым он стал в отряде.

Правда, посмеивались бойцы над кремневым его ружьем. Однако у Базрова свое мнение:

— Деды сражались, — твердил старик. — Лишь то хорошо ружье, которое бьет без промаха.

Подарили моряки деду тельняшку, затем бескозырку. Затем автомат вручили. Понравился старику огневой подарок. Однако не расставался Базров и со старинным ружьем. Сидит в засаде. Держит в руках автомат. Рядом — ружье кремневое.

Глянешь на старика. Вот он, орел кавказский.

Не пробились фашисты к Крестовому перевалу. Советские солдаты крест на фашистских мечтах поставили.

СТО ВЕТРОВ

Когда немецкие фашисты напали на нашу страну, вместе с другими на защиту Советской Родины поднялись и народы Кавказа. Были они:

из Сванетии и Кахетии,

из Абхазии и Аджарии,

из Черкесии и Балкарии,

из Осетии, Хевсуретии, Имеретии,

из Кабарды, Ингушетии, Дагестана,

из Карабаха,

с равнин Апшерона,

из Адыгеи,

с отрогов Арагаца и с берегов Севана — из разных ближних и дальних кавказских мест.

Горцы. Крепкий народ в горах. Ловкий народ в горах. Горячий народ в горах. Бьет отвага вулканом в каждом.

Доблестно служили они на суше. Кто в пехоте, кто в кавалерии, кто в артиллерии, кто в саперах, кто в танкистах, в прожектористах, кто в воинах-альпинистах.

Доблестно служили они на флоте. Кто в подводниках, кто на катерах-охотниках, кто на тральщиках, на перехватчиках, на эсминцах, на миноносцах, кто на крейсерах, на плавбазах, кто

на лидерах и линкорах.

Бились они у Бреста. Сражались они у Киева, у стен Одессы, у стен Севастополя. Вместе с другими обороняли Москву, защищали Неву и Волгу.

Отважно сражались с врагами сыны Кавказа, сыны:

Сванетии и Кахетии,
Абхазии и Аджарии,
Черкесии и Балкарии,
Осетии, Хевсуретии, Имеретии,
Кабарды, Ингушетии, Дагестана,
Карабаха,
Апшерона,
Адыгеи,
те, кто с вершины Арагаца и с берегов Севана.

И вот бои за Кавказ. Сражаются горцы. А рядом с ними в общем ряду —

те, что с полей России,
те, что с вершин Памира,
с Украины и Белоруссии,
из Прибалтики и Молдавии,
из Татарии и Башкирии,
из Чувашии,
из Мордовии,
из Бурятии,
из Хакасии,

с низовьев Лены,

с верховьев Бии — люди ста языков, ста меридианов и ста ветров.

Бьют фашистов отважные воины. По-советски, по-богатырски бьют.

ВЫСОКО В ГОРАХ

На Военно-Сухумской дороге идут бои. Движутся фашисты горными переходами.

— К перевалам! Вперед — к перевалам!

Идут волшебной они дорогой. Там, впереди, Домбай — царство красот и спорта.

Дошли фашисты до горной поляны Ганичхир. Здесь развилка дорог. К двум разным перевалам идут дороги. Налево — Клухорский, направо — Марухский. Хочешь — иди к Марухскому, хочешь — ступай к Клухорскому.

Фашисты хотят и туда и сюда.

Разбился отряд на два подотряда. Группа налево, группа направо.

Продолжают фашисты путь. Ждут главные фашистские части, как там первый отряд прошел. Не приходит ответ от первого.

Новый к Ганичхирской поляне спешит отряд.

Появились фашисты на горной поляне. Две здесь дороги. Налево, направо. К двум разным

перевалам идут пути. Желаешь — сверни к Клухорскому, желаешь — иди к Марухскому.

Желают и сюда и туда фашисты.

Разбился отряд на два подотряда. Группа пошла направо, группа пошла налево. Продолжают фашисты путь.

Ждут там, внизу, от отряда сообщений. Не отвечает второй отряд.

Новые силы идут к Ганичхиру. Вышли к поляне. Видят, дорога идет направо, видят, дорога идет налево.

Смотрят налево — а там партизаны. Смотрят направо — и тут партизаны.

Партизанские здесь засады.

— Партизаны! Партизаны! — кричат фашисты.

Вступили фашисты в бой. Однако засады на то и засады — получили сполна фашисты.

Побежали назад захватчики.

Лишь собрав новые силы, пробились все же они к Ганичхиру. Прошли по лесам, по скалам. Сообщили — уничтожены партизаны.

Дошли наконец до красот Домбая. Вот турбаза, вот горный лес.

Смотрят налево, смотрят направо. И вдруг: и там засада, и здесь засада. И здесь партизаны, и там партизаны.

— Партизаны! — кричат фашисты.

Вступили фашисты в бой. Однако засады на то и засады — плачевен конец отряда.

Немалый здесь, в Домбае, на Ганичхире, на подходах к Клухорскому и Марухскому перевалам, нанесли партизаны урон фашистам. Действовал в этих местах партизанский отряд из города Карачаевска. Отряд назывался «Мститель».

Посылали фашисты сюда все новые и новые пополнения. Пробились все же враги и к Клухорскому и к Марухскому перевалам. Даже стали к югу спускаться, вниз. Не ушли далеко фашисты. Ни там, на Марухском, ни здесь, на Клухорском. Встретили грозно врагов перевалы. Разбиты фашисты. Уничтожены. Остались навечно лежать в горах.

Лежат на Клухорском, лежат на Марухском. Не где-то в долинах, не где-то в низинах. Лежат высоко в горах.

ТЕБЕРДИНСКИЙ НАБАТ

Теберда. Одно из красивейших мест Кавказа. Тянутся, тянутся ввысь вершины. Подпирают плечами небо. Реки бегут с уступов. Срываются с гор водопады. Сосны корнями вцепились в камни, чудом каким-то на скалах держатся.

Теберда известное место во всем Союзе. Прекрасное место. Лечебное место. Много в Теберде санаториев. Один из них детский. Жили в нем дети, больные костным туберкулезом. Приезжали сюда на лечение. Поправляли свое здоровье. Заботились взрослые очень о детях. Понимали — дети больные, значит, нужно особое к ним внимание.

Успешно идет лечение. Любили ребята помечтать, кем они будут, когда вырастут, когда поправятся.

Люда сказала:

— Буду врачом.

Люба сказала:

— Буду геологом.

Петя сказал:

— Буду артистом.

Гриша сказал:

— Буду на поезде машинистом.

Разные мечты у ребят и планы. Галя хотела бы стать архитектором. Коля Сорокин — автоинспектором. Зина Бутылкина — стать кондитером. Костя Гаврилов — на фабрике экспедитором. Самый маленький Толик Твороженный — продавцом мороженого.

Верят ребята — придет к ним здоровье. Ждет их

большая интересная жизнь.

Так бы и стало. Так бы и было. Да вдруг война! Пришли и сюда, в Теберду, враги. Недалеко расположилась немецкая комендатура. Какие-то приготовления тайные в комендатуре.

И вот в детский санаторий пришла машина. Машина-фургон. Стены, крыша, дверка, ступенька сзади.

Стали в машину сгонять и сносить детей.

Заволновались взрослые:

— Куда их?

— Зачем их?

— На новое место. На новое место.

Гуднула, тронулась, ушла из Теберды машина. Страшная участь ждала ребят.

Не стала Люда врачом. Не стала Люба геологом. Не стал машинистом Гриша…

Проверили фашисты, хорошо ли в фургоне закрыта дверь.

— Хорошо.

— Газ, — скомандовал офицер.

— Есть, — произнес шофер.

Переключил он какой-то рычаг. Впустил в фургон выхлопные автомобильные газы. Не стало ребят. Задохнулись ребята. Оборвались мечты и жизни.

Увезли погибших в Тебердинское ущелье, повыше в горы. Сбросили трупы вниз.

Страшную память хранит ущелье.

— Нет фашизму в веках прощенья!

— Нет фашизму в веках прощенья!

Трагедия в Тебердинских горах вечным гремит набатом:

— Нет фашизму в веках прощенья!

ЛИСТ ОСЕННИЙ

Гитлеровскими войсками, наступавшими на Кавказ, командовал генерал-фельдмаршал Лист.

Кончилось лето. Приблизилась осень. Не достигли фашисты намеченных целей.

Клялись фашисты взять Грозный, вступить в Баку.

Застряли фашисты. По-прежнему грозно высится Грозный. За горами, за долами лежит Баку.

Дали фашисты слово прорваться берегом моря к Сочи, к Сухуми, к Поти, к Батуми.

Застряли фашисты. Споткнулись у моря. Как до Луны, далеко до Сочи. Ближе до Марса, чем до Батуми.

Кричали фашисты, что горы осилят, возьмут Тбилиси. И все Закавказье тоже.

Застряли фашисты. Не прорвались через Кав-

казские перевалы. Все так же в мечтах Тбилиси. И все Закавказье тоже.

Сорвались фашистские планы. Заслонили советские люди грудью своей Кавказ.

Разгневан Гитлер провалом Листа.

Мчит из Берлина курьер в Россию. Срочный приказ в кармане:

Снять Листа!

Снять Листа!!

Снять Листа!!!

Смещен, впал в немилость фельдмаршал Лист.

Узнали наши солдаты о грозном приказе Гитлера. Осень начиналась как раз на дворе.

Смеются солдаты. Назвали генерал-фельдмаршала Листа: «Лист осенний».

Советским осенним военным ветром сорван фельдмаршал Лист.

ДВА ОБЕДА

Сражался с фашистами на Кавказе летчик Вадим Фадеев. Рост у Фадеева семиэтажный. Огромная рыжая борода.

Была у Фадеева необычная справка. Хранил ее летчик, как боевую реликвию. Значилось в ней: «Отпускать по две порции питания». Ниже стояла подпись — генерал Красовский.

Поражались другие. Впервые справку такую видят. Смотрят на рост Фадеева — верная очень справка.

Такова у нее история. Принимал Вадим Фадеев как-то участие в воздушном бою. Сбил неприятеля. Начал атаку наземных фашистских позиций. Но тут попал под сильный огонь вражеских зениток. Получил пробоины самолет. Пытался Фадеев «дотянуть» до своего аэродрома, до своих. Не хватило у самолета силы. Приземлился летчик на ничейной полосе. Как раз между нашими и фашистскими окопами.

Открыли фашисты огонь по советскому истребителю, по нашему летчику. Чудом добежал Фадеев до советских траншей.

Влетел Фадеев в окоп. От огня укрылся. Но тут же подумал, а как самолет? Добьют своим огнем самолет фашисты.

Глянул Фадеев на бойцов. И те на него с удивлением смотрят. Все произошло так стремительно, так неожиданно. Не каждый ведь день случается, чтобы прямо с неба летчик вбежал в окоп.

Перевел Фадеев дух, посмотрел на бойцов, затем на свой самолет. И вдруг — секунда, и он на верху окопа. Глаза горят. Борода развевается. Полнеба занял семиэтажный рост.

— Вперед! — закричал Фадеев. Бросился по направлению к самолету.

— Вперед!

Отошли бойцы от секундного оцепенения.

— Ура! — И устремились вперед за летчиком.

— Ур-а-а!

Увлек Фадеев бойцов в атаку. Добежали они до самолета. А тут недалеко уж и фашистские окопы, и важная высота. А вдруг удача! Бежит Фадеев, за ним солдаты. Ворвались солдаты в фашистские окопы. Перебили фашистов. Заняли важную высоту.

Вот и оказалось: и самолет спасен, и важная высота взята.

Узнали высшие пехотные командиры о взятии высоты, о героизме летчика Фадеева. Доложили авиационным начальникам.

— Достоин награды, — сказали начальники.

— Прошу два обеда, — в шутку сказал Фадеев.

Посмеялись начальники. Посмотрели на огромный рост Фадеева. Что такому один обед. Выдали справку на два обеда. Генерал Красовский, командующий воздушной армией, ее и подписал.

Отважно сражался с фашистами летчик Вадим Фадеев. Более двадцати самолетов противника сбил он в воздушных боях. Прошло немного вре-

мени, и он был удостоен звания Героя Советского Союза.

На день опоздали награда и звание. Погиб накануне в бою с врагами летчик Вадим Фадеев.

ДВЕНАДЦАТЬ ТОПОЛЕЙ

Шли упорные бои на Кубани. Как-то командир одного из полков посетил стрелковое отделение. Двенадцать бойцов в отделении. Застыли в строю солдаты. Стоят в ряд, один к одному.

Представляются командиру:

— Рядовой Григорян.

— Рядовой Григорян.

— Рядовой Григорян.

— Рядовой Григорян.

Что такое, поражается командир полка. Продолжают доклад солдаты:

— Рядовой Григорян.

— Рядовой Григорян.

— Рядовой Григорян.

Не знает, как поступить командир полка, — шутят, что ли, над ним солдаты?

— Отставить, — сказал командир полка.

Семь бойцов представились. Пятеро стоят безымянными. Наклонился к командиру полка командир роты, показал на остальных, сказал

тихо:

— Тоже все Григоряны.

Посмотрел теперь командир полка удивленно на командира роты — не шутит ли командир роты?

— Все Григоряны. Все двенадцать, — сказал командир роты.

Действительно, все двенадцать человек в отделении были Григорянами.

— Однофамильцы?

— Нет.

Двенадцать Григорянов, от старшего Барсега Григоряна до младшего Агаси Григоряна, были родственниками, членами одной семьи. Вместе ушли на фронт. Вместе они воевали, вместе защищали родной Кавказ.

Один из боев для отделения Григорянов был особенно тяжелым. Держали солдаты важный рубеж. И вдруг атака фашистских танков. Люди сошлись с металлом. Танки и Григоряны.

Лезли, лезли, разрывали воем округу танки. Без счета огонь бросали. Устояли в бою Григоряны. Удержали рубеж до прихода наших.

Тяжелой ценой достается победа. Не бывает войны без смерти. Не бывает без смерти боя. Шесть Григорянов в том страшном бою с фаши-

стами выбыли из отделения.

Было двенадцать, осталось шесть. Продолжали сражаться отважные воины. Гнали фашистов с Кавказа, с Кубани. Затем освобождали поля Украины. Солдатскую честь и фамильную честь донесли до Берлина.

Не бывает войны без смерти. Не бывает без смерти боя. Трое погибли еще в боях. Жизнь двоим сократили пули. Лишь самый младший Агаси Григорян один невредимым вернулся с полей сражений.

В память об отважной семье, о воинах-героях в их родном городе Ленинакане посажены двенадцать тополей.

Разрослись ныне тополя. Из метровых саженцев гигантами стали. Стоят они в ряд, один к одному, словно бойцы в строю — целое отделение.

ПИСЬМО

Вот бежит по краю поля с сумкой кожаной боец. Это почта полевая. Это он — ее гонец.

Пришло как-то в армию, сражавшуюся на Кубани, письмо из Ивановской области из города Вичуги. Написала его молодая девушка, одна из работниц местной текстильной фабрики. Задало

это письмо задачу. На конверте написано: «Самому смелому из бойцов». А в самом письме: «Хочу с вами переписываться». И тут же фотография приложена. Смотрит на вас красавица из красавиц.

Попало письмо в 40-ю отдельную мотострелковую бригаду, в 1-й батальон этой бригады, в 1-ю роту.

Кому же вручить письмо? Кто же самый смелый в роте у них боец? Попробуй здесь выбор сделать.

Пришло письмо как раз в те дни, когда погнали наши войска с кавказской земли фашистов. Освобождены были Нальчик, Ставрополь, Черкесск, Пятигорск, Армавир. Предстояло сражение за Краснодар. Город Краснодар признанный центр Кубани.

Вот и решили бойцы, кто первым из них в Краснодар ворвется — тому и письмо, и почет, и слава.

Началось освобождение Краснодара. Их 40-я отдельная мотострелковая бригада вместе с другими частями 11 февраля 1943 года овладела станицей Старокорсунской, затем Пашковской. Рванулись войска на штурм Краснодара. Целый день упорство врагов ломали. Сломили, ворвались в город.

Отличилась 1-я рота в боях. Смотрят бойцы — где же тот, кто в город ворвался первым?

— Завьялов? Бердыев? Козлов? Терещенко? Возможно, другие?

Кто же в город ворвался первым? Все дружно сражались. Вместе ворвались. Кому же вручать письмо?

Гадают солдаты. Вдруг новый приказ для роты — атаковать, не стоять на месте, захватить городскую железнодорожную станцию.

Приказ есть приказ — снова в атаке, в бою солдаты.

— Ну что же, — решили солдаты, — кто ворвется первым на станцию, тот и письмом владеет.

Захватили герои станцию. Кто же здесь оказался первым?

Дуров? Шакуров? Сергеев? Пшадов? Рядом стоят и другие.

Все были в первых. Кому же вручать письмо?

Вновь не решили тогда солдаты. Новый приказ получает и рота, и весь батальон, и вся их бригада: штурмовать, не стоять на месте — овладеть главной улицей Краснодара — Красной.

— Улица Красная! Улица главная. Вот тут уж судьба рассудит.

Ворвались солдаты на улицу Красную.

Где же ответ на солдатский вопрос?

— Все были в первых, все были в равных, — звучит ответ.

Кому же вручать письмо?!!

Гадали солдаты, гадали. Решали, решали. Решили так. Пусть общим будет письмо для роты.

Послали ответ они в город Вичугу. Написали: «Милая девушка, все тут у нас в героях. Выбирай хоть Петрова, выбирай хоть Козлова. 1-я рота. С красноармейским приветом». И тут же одна за одной стояло сто подписей на листе бумаги.

Не осталось письмо без ответа. Сразу прибыло сто ответов.

Сто разных лежат конвертов. Пишут сто разных девушек. На каждом конверте: «1-я рота. Бойцу-герою».

«АХТУНГ! АХТУНГ!»

Летчик-истребитель капитан Александр Покрышкин находился в воздухе. Внизу, изгибаясь, бежит Адагум. Это приток Кубани. Вдали виден Новороссийск. Справа осталась станица Крымская.

Впился летчик глазами в стекло кабины. Зорко следит за землей, за небом. Голову влево, голову вправо. Голову кверху, голову вниз. Поправил оч-

ки, шлемофон, наушники. Вновь повел головой по кругу. Снова то вверх, то вниз.

В наушниках послышалось:

— Ахтунг! Ахтунг!

Речь немецкая.

— Ахтунг! Ахтунг!

Голос тревожный. (Ахтунг — означает внимание.)

«Что такое? — подумал Покрышкин. — Что же случилось там у фашистов?»

Снова повел головой налево, снова повел направо: «Что же такое тревожное там у фашистов?»

И вдруг:

— Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!

Слышит Покрышкин: «Покрышкин в воздухе!»

Услышали фашистский «ахтунг!» и внизу на нашем командном пункте.

Ясно нашим, почему раздается фашистский «ахтунг!». Ясно и фашистским летчикам, почему их предупреждают. Двадцать самолетов врага сбил над Кубанью летчик Покрышкин. (А до этого — над Днестром, над Днепром, над Донбассом, над Доном — и еще двадцать.) Вчера лишь над станицей Крымской уничтожил Покрышкин четыре неприятельских «мессершмитта». Четыре в одном бою!

— Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!

Начал войну Покрышкин в ее первый суровый час. В небе над Прутом, над нашей границей. Здесь и сбил он в воздушном бою свой первый самолет противника. Отсюда и начался путь Покрышкина. За первым сбит второй самолет врага. Вот третий. Вот сбито два самолета в одном бою.

Вот сам подбит зенитным огнем противника.

Снова бои, победы.

Вот снова чуть не погиб.

Снова полеты, бои, победы.

Снова смерть прошагала рядом. Снова на землю падал. Попал в окружение. Неделю шагал к своим.

Новый полет. Ударила пуля в воздушном бою в наушники. Один сантиметр от смерти.

А вот и вовсе нелепый случай. На Кавказе. На горной дороге. Ехал Покрышкин в кузове грузовика. И вдруг на спуске, на повороте сорвалась машина в пропасть. Опередил на секунду Покрышкин падение машины. Выпрыгнул на ходу.

Снова полеты, полеты, бои, победы.

И снова нелепый случай. И опять не в боевых условиях. Перевозили Покрышкина с аэродрома на аэродром. Вдруг катастрофа. Самолет на кусочки. Покрышкин цел.

Снова полеты, полеты, полеты. Снова бои, победы.

Все больше их. Больше. Вот сорок сбито фашистских уже самолетов.

Бежит, нарастает счет — 41, 42, 43, 44, 45... 51, 52, 53, 54, 55...

— Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!

От первого до последнего дня войны сражался отважно с фашистами летчик.

59 самолетов врага сбил в воздушных боях летчик-истребитель Александр Иванович Покрышкин.

Стал он Героем Советского Союза.

Стал дважды Героем Советского Союза.

Стал трижды Героем Советского Союза.

Слава тебе, Александр Покрышкин, первый трижды Герой в стране.

КОБРИК И КИТТИХАУК

Некоторые наши авиационные соединения, сражавшиеся на Северном Кавказе и Кубани, имели самолеты английского производства. Англичане были нашими союзниками. Поставляли нам отдельные виды своего вооружения. В том числе и самолеты-истребители. Были они двух марок: «аэрокобра», или просто «кобра», и

«киттихаук».

Пристала как-то к летчикам, летавшим на «кобрах» и «киттихауках» собачонка. Приютили ее авиаторы. Стали думать об имени.

— Барбос.

— Жучка.

— Бобик, — идут предложения.

— Не то, не то.

Кто-то вдруг произнес:

— Кобрик!

Посмотрели летчики на самолеты «аэрокобра»:

— Кобрик?

Понравилось летчикам имя Кобрик.

Прошло несколько дней. Как-то вернулись летчики из боевого полета, видят, поджидает их еще одна собачонка. Морда веселая. Хвост колечком.

— Много вас тут. Есть у нас уже Кобрик, — говорят ей летчики.

Однако не уходит собачонка. Уселась, смотрит на летчиков. Глаза озорные. Морда веселая. Хвост колечком.

Приютили и эту летчики. Стали думать, как же ее назвать. Кто-то сказал:

— Киттихаук.

Понравилось летчикам — Киттихаук. Звучит необычно, звонко.

Поселились Кобрик и Киттихаук на военном аэродроме. Стали общими любимцами летчиков.

Провожают дворняжки в полет героев. Встречают друзей *с* победой. Возвращаются летчики:

— Здравствуй, Кобрик!

— Привет, Киттихаук!

То-то радость на летном поле.

Нелегкая жизнь у воздушных воинов. Тяжелые бои с фашистами шли на Северном Кавказе. Особенно упорные на Кубани. По нескольку боевых вылетов в день совершали военные летчики. Устают от полетов летчики. Сядут на землю. Валятся тут же на аэродроме прямо у самолетов с ног. Садятся рядом Кобрик и Киттихаук. Оберегают солдатский сон.

Наступали наши войска. Гнали с кубанской земли фашистов. Перемещались на запад, на новые аэродромы и авиационные соединения.

Взяли летчики Кобрика и Киттихаука к себе в боевые кабины. Поднялись в небо. Когда же совершили посадку на новом месте, случилось вдруг неожиданное.

Выскочил Кобрик из самолета. Глаза злющие-злющие. Зубы оскалил. Пытались летчики его приласкать. Рявкнул Кобрик и стрелой от людей помчался.

— Кобрик! Кобрик! — кричат летчики.

— Ко-обрик!

Не вернулся Кобрик назад. Не перенес он, видимо, перелета. Не родился, видимо, для полетов.

Умчался Кобрик. А Киттихаук при всех остался. Был он по-прежнему общим любимцем.

Провожал он в полеты летчиков. Встречал из полетов летчиков.

Сидит Киттихаук. Смотрит в бездонное небо. Морда веселая. Хвост колечком.

ОСНОВНОЙ И ДЕМОНСТРАТИВНЫЙ

Приближался час освобождения Новороссийска. В освобождении Новороссийска, а затем и всего Таманского полуострова огромную роль сыграла Малая земля.

В феврале 1943 года сюда, на Малую землю, был высажен морской десант. Командовал смельчаками майор Цезарь Куников.

Не называлась тогда Малая земля Малой землей. Это за ней потом такое название укрепилось. Да и вообще поначалу основной десант должен был высадиться в другом месте. В тридцати километрах от Новороссийска, в районе Южная Озерейка. Туда и ушли главные силы. Задача же у майора Куникова была более скромная.

Он получил приказ выйти на неприятельский берег рядом с Новороссийском, прямо у южной окраины города, у предместья Станичка. Десант назывался демонстративным. Его цель — отвлечь внимание фашистов, продемонстрировать, что якобы именно здесь, а не у Южной Озерейки наносится главный удар.

Однако на войне бывает всякое. Непредвиденное произошло и здесь. Не смог закрепиться основной десант у Южной Озерейки. Не подошли вовремя нужные силы. К тому же на море началась непогода.

А майор Куников со своим отрядом у Станички не только успешно высадился с кораблей, но и сразу же захватил небольшой плацдарм. Тогда-то и бросили на этот участок главные силы. Десант в этом месте из демонстративного стал основным.

Вскоре плацдарм расширился. Протянулся он по линии фронта в длину на шесть километров. А самая дальняя точка от моря уходила в глубину на четыре с половиной километра. Так образовалась территория, которая и стала называться Малой землей.

В отряде майора Куникова было вначале всего 250 человек. Когда решено было высадить у Станички десант, Куников получил редкое

для командира право самому по своему выбору отобрать бойцов в отряд. Набирались они из морских пехотинцев.

Многие стремились попасть в отряд Куникова. Однако некоторые побаивались — не возьмет. Куников был добрым, внимательным и отзывчивым командиром, но внешне выглядел порой очень суровым.

Морские пехотинцы народ все примечающий. Разобрались они вскоре, что это только внешне и то лишь порой Куников кажется таким недоступным. Вот и стали некоторые из них перед тем, как идти к майору Куникову с просьбой зачислить их в десант, присматриваться к тому, какой вид в эту минуту у Куникова — добрый или суровый. Применили они десантные выражения. Добрый вид майора Куникова стали называть основным, суровый — демонстративным.

Соберутся желающие попасть в десант, переговариваются:

— Какой сейчас вид у майора Куникова?

— Демонстративный.

— Лучше не ходить.

Переждут немного:

— Какой сейчас вид у майора Куникова?

— Основной.

— Что же, пошли, братва.

Подобрались в отряде Куникова герой к герою, богатырь к богатырю. Пробились они сквозь фашистский заслон и огонь, захватили плацдарм у Станички. Пробились, за ними пришли другие. Все они стали малоземельцами. Ко всем им великая солдатская слава пришла.

Герой Советского Союза майор Цезарь Куников не дожил до великого дня Победы. Он вскоре погиб на Малой земле и похоронен в городе-герое Новороссийске.

ПОДВИГ КОРНИЦКОГО

Помнят друзья этот миг. Помнят друзья этот взрыв. Светлая память Михаилу Корницкому.

На Малой земле, в районе Станички, фашисты окружили группу советских десантников. Укрылись наши солдаты в здании школы. В этой группе и был младший сержант Михаил Корницкий.

Начался бой с врагами.

Шла перестрелка.

Строчили автоматы.

Летели гранаты.

Ясно фашистам — крепостью стала школа. Подтащили фашисты сюда орудие. Послали снаряды

в школу.

Пробили снаряды стены. Пожар загулял по зданию. Все выше, все выше взлетает пламя. Искры каскадом сыплются.

Полыхает школа. Однако продолжается бой с фашистами.

Во время боя Михаил Корницкий был ранен осколком снаряда. Рана оказалась тяжелой. Перевязали друзья Корницкого. Опустили осторожно на пол. Пилотку под голову положили. Теряет десантник силы. Перестал быть бойцом боец.

Лежит Корницкий:

— Вот бы снова с друзьями вместе. Вот бы снова разить врагов.

Продолжается бой с фашистами. Все сильней перепляс пожара.

Понимают солдаты: в одном спасение — надо покинуть дом. Да как здесь покинешь — Корницкий ранен. К тому же кругом засады.

— Рус, сдавайся! — кричат фашисты.

Не покинули десантники школу. Решили лучше погибнуть в огне, чем перед силой врагов склониться.

Наступили последние минуты боя. Вдруг. Лежал Корницкий на полу. Никто не заметил, как он поднялся. Никто не заметил, как обвязал себя

гранатами. Приготовил гранату к взрыву.

— Прощайте, товарищи, — крикнул друзьям Корницкий.

Повернулись бойцы на голос. Видят, мелькнула спина Корницкого. Пригибаясь, вышел он из здания. Рядом находилась каменная стена-ограда. За ней и укрылась главная из фашистских засад.

Секунда. Вторая. Вот у стены Корницкий.

— Миша! Миша! — кричат бойцы.

— Да здравствует Родина! — прокричал Корницкий.

Откуда только сила взялась у воина! Снова боец Корницкий. Преодолел стену младший сержант Корницкий, прыгнул на головы фашистов.

Рванули гранаты. Стена разбита. Конец засаде.

Устремились десантники из горящего дома в проем стены. Пробили кольцо фашистов.

Не забудется этот миг. Не забудется этот взрыв. Вечная память Михаилу Корницкому.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Корницкому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

СТАРИЧКИ

Рвался Федор Проскурин на Малую землю. Мечтал о подвигах. Попал. Явился во взвод, а во взводе

одни старички. «Вот те и раз, не туда прибыл, — сокрушался Проскурин. — Эту команду на дело опасное не пошлют. Тут не видать геройства».

Взвод оказался саперным. Понимает Проскурин: значит, не автомат или противотанковое ружье будет у тебя в руках, а лом, топор, кирка или лопата. Прикидывает: предстоит рыть окопы, строить блиндажи и разные укрепления, ворочать, конечно, камни, долбить здесь, на Малой земле, твердую, словно бетон, землю.

— Ничего себе дела, — поморщился Федор Проскурин.

Только попал он в саперный взвод, как тут же пришла команда садиться на катера.

Погрузился он со своими старичками на катера. Ужаснулся:

— И вовсе с Малой земли снимают.

Привезли их морем под Геленджик. Оказывается, тут недалеко от города старички рубили лес. Малая земля пустынна-пустынна. Не то что бревна, сучок здесь найдешь с трудом. А для строительства блиндажей и разных укреплений нужен, конечно, лес. Старички и занимались доставкой леса на Малую землю. Вот в какой взвод угодил Проскурин.

Срубленные деревья вязались в плоты. Затем

к плотам подгонялись буксиры. Все перевозки на Малую землю производились только ночами. Вот и сейчас. Пыхтит буксир, нелегко тащить ему неудобный громоздкий груз. Расселись на плоту старички. Хоть и не такая уж длинная дорога к своим на Малую землю, да долгая. Черепашьим шагом идет буксир. Сидит со всеми и Федор Проскурин.

— Ну и попал, ну и попал. Вернусь после победы домой, засмеют за такую войну на селе девчата.

Думал Федор Проскурин, что дойдут они до Малой земли спокойно. Если их даже заметят фашисты, то вряд ли будут тратить на лес, на бревна снаряды и бомбы. Однако фашисты старались ничего не пропустить на Малую землю. Позиции у фашистов удобные — на горах. Все подходы к Малой земле просматриваются. Каждый метр моря пристрелян. Хоть и ночь, да ночи здесь немногим темнее дня. То и дело взлетают осветительные ракеты. Рыщут по морю вражеские прожекторы. Ударяют кругом снаряды, разрываются бомбы. И они освещают море.

Заметили фашисты идущий буксир. Открыли огонь по плоту, по буксиру, по людям.

Старички народ опытный, раз — и сразу же с бревен в воду. А Федор сидит на плоту. Вот-вот

скосит бойца осколок.

— В воду, в воду прыгай! — кричат старички.

Спрыгнул он в воду, ухватился руками, как все, за бревна. Лишь голова над водой, как поплавок, торчит.

Рвутся кругом снаряды. Ухнул правее, ухнул левее. А вот и еще один. Ударил, и надо же — в центр плота. Вздыбил он бревна, разбросал по морю в разные стороны. Бревно, за которое держался Федор Проскурин, стало вообще на попа, даже над водой подпрыгнуло, а затем, падая снова в море, чуть не пришибло собой солдата.

Увернулся боец от удара. Ругнулся. Вновь за бревно схватился. Слышит, что-то кричат старички. Прислушался:

— Поспешай, поспешай!

Видит, стараются старички снова собрать бревна все вместе, стремятся опять увязать их в плот. Подтолкнул и Проскурин свое бревно. Стал помогать старичкам собирать другие. Нелегко им тогда досталось. Но вот снова надежен плот.

Тронулся снова буксир вперед. Только тронулся, только перевели солдаты солдатский дух, как вдруг слышит Проскурин, в небе гудит самолет. По гулу понятно, не наш — фашистский. Подлетел самолет к плоту, к буксиру. Посыпались с неба

бомбы. Не увернуться от них буксиру. Неповоротлив с плотом трудяга. Добился удачи фашистский коршун. Разбил, потопил буксир. Остался плот, как островок на море.

«Конец, — понимает Федор Проскурин. — Еще один самолет, и безвестная смерть на морском просторе».

Обидно солдату погибать не геройской смертью.

— Э-эх, что же в родном селе про такой-то дурацкий конец девчата и бабы скажут!

Однако все обошлось удачно. Вскоре новый пришел буксир, дотащил он плот до намеченной цели.

Улыбаются старички. Потирают довольно руки:

— Это еще ничего. Это туда-сюда. Хуже порой бывает.

ГОСПИТАЛЬНАЯ

Жизнь на Малой земле уходила все глубже в окопы, в траншеи, в щели, все глубже в землю и даже под землю — в блиндажи, под разные укрытия и перекрытия, в штольни, в гроты, под скалы и в скалы. На многие километры протянулись ходы — сообщения. Даже улицы появились. Даже

звучат названия: Пехотная, Матросская, Саперная, Далекая, Госпитальная. Часто услышишь теперь слова:

— Братишки, привет с Пехотной!

— Хлопцы, поклон с Матросской!

— Я пошел на Саперную.

— Я поплыл (в смысле — пошел) на Далекую.

Однако не услышишь, чтобы кто-нибудь сказал:

— Я пошел на Госпитальную.

Или:

— Привет с Госпитальной.

Нет желающих идти на Госпитальную, нет желающих передавать оттуда привет.

Почему?

Слава о малоземельцах росла. Все чаще стали сюда приезжать корреспонденты разных газет. Вот снова приехал корреспондент. Молодой, красивый.

Оказался он дельным, быстрым, во всем дотошным. Со многими повидался, со многими поговорил. Замучил вопросами пехотинцев. Замучил вопросами артиллеристов. Терзал командиров. Выпытывал политработников. Со старичками-саперами побеседовал. Побывал на улице Пехотной, на Матросской, на Саперной и

даже на Далекой. А вот до Госпитальной так и не дошел. Торопился. Уехал.

Написал он статью о малоземельцах. Положил на стол редактору. О многом было в статье рассказано. Говорилось и о малоземельских улицах. Объяснял корреспондент, что понятие улицы на Малой земле условное. Скажем, Пехотная улица — это вовсе не улица, а место, где находятся главным образом пехотные части. Матросская улица — место, где больше моряков-десантников. Саперная — это там, где расположились саперные части. Госпитальная… Дошел корреспондент до Госпитальной, задумался, написал: «Это то место, где расположился на Малой земле госпиталь».

Прочитал редактор статью. Вызвал он к себе молодого корреспондента:

— А вы на Малой земле бывали?

— Странный вопрос, — поразился корреспондент.

А редактор снова:

— Так вы на Малой земле бывали?

— Как же, только оттуда, — сказал корреспондент.

— Нет, вы не были на Малой земле, — произнес редактор.

— Был, вот удостоверение, — говорит корре-

спондент. И показывает удостоверение, в котором сказано, что он действительно на Малой земле был.

— А на Госпитальной улице были? — новый вопрос у редактора.

«Был», — хотел сказать корреспондент. Да както неудобно говорить неправду.

— Нет, не был, — признался корреспондент.

— То-то и видно, — уже мягче сказал редактор.

Объяснил он молодому корреспонденту, что одно из мест на Малой земле названо улицей Госпитальной совсем не потому, что там расположился полевой госпиталь, а из-за того, что там было самое опасное место на всей Малой земле, самое открытое из всех открытых, самое простреливаемое фашистами из всех простреливаемых. Не избежишь здесь фашистской пули. Отсюда прямая дорога в госпиталь. Вот почему и названа улица Госпитальной.

Строгим был редактор, выговор хотел объявить корреспонденту. Однако не объявил. Ограничился предупреждением.

На всю жизнь запомнил молодой корреспондент эту историю. Накрепко усвоил журналистское правило: пиши лишь о том, что своими глазами видел.

АЛЕНА

В боях за Малую землю фашисты несли большие потери. Но война есть война. Погибали и наши солдаты. Было немало раненых. Вывозили их с Малой земли на катерах. Однако многие отправке противились. Просили их на Малой земле оставить. Говорили:

— Здесь сражались, здесь ранены, здесь и поправимся.

Кто-то из хозяйственников решил побеспокоиться о раненых солдатах:

— Молоко бы им сюда. Свежее.

Кто-то добавил:

— Лучше бы козье. Оно жирнее, полезнее.

Привезли сюда и корову, а затем и козу. Имя козы — Алена.

Прибыла Алена на Малую землю. Однако случилось здесь неожиданное. Фашисты постоянно бомбили и обстреливали Малую землю. Кругом грохот, огонь и смерть. Все укрывались в такие минуты под землю: в траншеи, в окопы, в щели. В первый же день своего приезда на Малую землю попала под такой обстрел и Алена. Не погибла Алена. Нет. Укрыли ее солдаты. Однако на следующий день, когда настало время доить козу,

оказалось, нет молока у Алены. Нет, словно бы вовсе никогда у нее молока и не было.

Нашелся понимающий человек, объяснил — это снаряды и бомбы во всем виноваты, это из-за страшного военного шума, разрывов и грома пропало молоко у Алены.

Оказалась теперь Алена на Малой земле как ненужный гость.

Решили Алену назад отправить.

Но тут новое и опять невероятное случилось с козой Аленой. Стояла, стояла Алена, и вдруг ни с того ни с сего сорвалась с места и быстро забилась в соседний окоп. И в ту же секунду на солдат посыпался ураган снарядов.

Сообразили солдаты, в чем дело. Раньше людей уловила Алена звук приближающихся фашистских снарядов.

Задержали солдаты на Малой земле Алену. Наблюдали теперь за козой. Только Алена в окоп метнется, сами спешат в укрытия — значит, снова начинается фашистский снарядный шквал.

Интересуются прежние хозяева Алены, как там на Малой земле Алена. Нет-нет да приходят вести:

— Хороша, хороша. Здорова.

Хоть и не давала коза молока, да вот оказалось,

все же не зря привезли на Малую землю козу Алену. Многим в те грозные дни на Малой земле жизнь сберегла Алена.

ГАДАНИЕ НА РОМАШКИНЕ

Приближался день освобождения Новороссийска.

Есть такая игра-гадание: «любит, не любит, будет, не будет», — гадание на ромашке.

Появился как-то в одной из наших частей боец-автоматчик Михаил Ромашкин.

Смотрят солдаты на Ромашкина, улыбаются, вспоминают игру-гадание:

— Любит, не любит, будет, не будет.

Нашелся среди бойцов остряк и выдумщик. Предложил он гадание на Ромашкине.

Нет лепестков на Ромашкине. Нет лепестков, но… На то и смекалка солдатская.

Стали бойцы загадывать на шаги. Скажем, идет Ромашкин, впереди какой-нибудь предмет — камень, допустим, или куст на дороге. Загадывают солдаты, на какое слово у этого камня или куста попадет последний шаг Ромашкина: на «любит» или на «не любит», на «будет» или на «не будет»…

Только увидят Ромашкина, сразу отсчет на-

чинается. Те, что гадают про любовь, твердят: «любит, не любит». Те, что про разные другие дела загадывают, отсчитывают: «будет, не будет».

Хорошо, удобно гадать на Ромашкине. Круглый год у него сезон.

Началось это гадание еще в те дни, когда наши старались удержать город Грозный. Удержали наши тогда Грозный.

На город Орджоникидзе потом гадали.

Отстояли воины Орджоникидзе.

На Нальчик гадали: «отобьем, не отобьем» у фашистов город Нальчик.

Отбили, освободили советские части Нальчик.

На многое гадали солдаты: будет ли письмо из дома, представят, не представят за бой к награде, завезут папиросы или махорку выдадут. Многое есть, на что солдату загадать можно. Конечно, чушь, ерунда гадание. Да как-то жизнь веселей при гадании.

Летом 1943 года часть, в которой служил Ромашкин, была направлена под Новороссийск. Влилась она в 18-ю армию, которой командовал герой боев за Кавказ генерал Константин Николаевич Леселидзе.

Вскоре слух о рядовом Ромашкине и солдатской выдумке дошел до командующего армией. Усмех-

нулся генерал Леселидзе, понимал он шутку:

— Забавно.

И вот, было это как раз накануне боев за освобождение Новороссийска, попался рядовой Ромашкин и на глаза самому генералу. Был с генералом Леселидзе его адъютант. Адъютант первым и заметил Ромашкина:

— Товарищ генерал, вот он, тот самый Ромашкин.

Посмотрел генерал — бравый солдат.

Заметил солдат генерала, подтянулся, перешел на строевой шаг, отдал, как полагается, честь.

«Хорош солдат, хорош», — подумал про себя генерал.

Ромашкин пошел дальше. Глянул генерал Леселидзе — ветка валяется впереди на пути у солдата. Смотрит генерал на ветку и вдруг неожиданно для себя начинает считать: «будет, не будет, будет, не будет».

Конечно, уверен генерал Леселидзе, что освободят войска Новороссийск, что будет наша победа. Все продумано, все подготовлено, все рассчитано. Чушь, ерунда, конечно, гадание, и все же считает. Был даже рад, когда выпало быть удаче.

Ударили войска с востока, ударили с Малой земли, с запада. Высадили морской десант прямо

в Новороссийский порт. Ворвались, освободили Новороссийск.

После освобождения Новороссийска многие солдаты, офицеры и генералы были награждены орденами и медалями. Среди награжденных был и Ромашкин. За смелость в бою наградили Ромашкина. Однако остры на язык солдаты:

— За то, что верной ногой ступил, — вот за что награжден Ромашкин.

Верной ногой ступили солдаты на Новороссийскую землю. Твердой ногой, надежной.

«ГОЛУБАЯ ЛИНИЯ»

От Новороссийска и далее на север до самого Азовского моря, пересекая весь Таманский полуостров, тянулась сильно укрепленная полоса фашистской обороны. «Голубой линией» назвали ее фашисты.

Думали захватчики отсидеться здесь, за этой полосой, за «Голубой линией», считали, что она окажется неприступной для Советской Армии.

Голубая. Не впервые встречается подобное название в фашистской армии. Действовала когда-то у них под Ленинградом «Голубая дивизия». Несладко пришлось дивизии. Потрепали ее защитники Ленинграда. Пришлось дивизию снять

с фронта. Шутили тогда ленинградцы — испарилась дивизия, как голубая мечта растаяла.

Оказался здесь, на Тамани, боец, сражавшийся до этого под Ленинградом. Он и рассказал другим про «Голубую дивизию». Рассказал и тут же:

— Закон одного цвета.

Другие о таком законе впервые слышат.

— Что такое?

— Какой закон?

— Закон одного цвета, — загадочно повторил боец.

«Голубая линия» действительно оказалась очень сильно укрепленной полосой в фашистской обороне Таманского полуострова. Одним из ее участков был город Новороссийск. Трудным боем он нашим войскам достался. Нелегко пришлось и в других местах. И все же не устояла фашистская «Голубая линия». Рухнула. Перешагнули ее солдаты. Перешагнули, дальше стали громить врага.

Встретился тут снова тот боец:

— Ну что, нет больше «Голубой линии»?

— Нет.

— Как, голубая мечта растаяла?

— Растаяла.

Напомнил он про фашистскую «Голубую диви-

зию», что была под Ленинградом:

— Невезучий, выходит, для фашистов голубой цвет. Вот вам и закон одного цвета.

Смеются солдаты:

— Верно.

— Ловко, считай, придумал!

Да только один боец стоял, стоял, и вдруг:

— Выше, браток, бери, выше.

Повернулись к нему другие.

— Выше, — повторил боец. — Может, и есть закон одного цвета. Да тут вовсе другой закон.

Сразу к нему солдаты:

— Какой же новый еще закон?

— Закон неизбежности, — произнес боец.

Все труднее, труднее в боях фашистам. Неизбежен их полный крах.

«КРИМГИЛЬДА» И «БРУНГИЛЬДА»

Ефрейтора Ефима Папаева прозвали Брунгильдой. Возмущался Папаев, протестовал.

Однако другие:

— Брунгильда! Брунгильда!

Брунгильда — это древнее немецкое женское имя.

И рядовой Овечкин протестовал. Прозвали его Кримгильдой. Кримгильда это тоже немецкое

женское имя.

Почему же ефрейтор Папаев и рядовой Овечкин вдруг стали Брунгильдой и Кримгильдой?

Вот откуда пошли имена.

Бои на Северном Кавказе приближались к концу. Оставался в руках у фашистов лишь один Таманский полуостров. Ясно фашистам: не удержаться им здесь, на Тамани, пора уходить с Тамани. Составили фашистские штабы план планомерного отступления, назвали этот план «Кримгильда». Таманский полуостров с трех сторон окружен водой. С севера — Азовское море, с юга — Черное, напротив Таманского полуострова Керченский пролив. Через Керченский пролив и собирались фашисты уйти с Кавказа.

Назвали фашисты свой отход эвакуацией. Так и значилось в фашистских бумагах: медленная планомерная эвакуация. И рядом засекреченное ее название — «Кримгильда».

Однако недолго действовал план «Кримгильда». Стали советские войска наносить один за одним сокрушительные удары по врагу. Поняли фашистские генералы: медленная эвакуация может закончиться полным разгромом фашистских войск здесь, на Таманском полуострове. Заменили они срочно план «Кримгильда», то есть план

медленной эвакуации, на другой, на план ускоренной эвакуации. Назвали его «Брунгильда».

Не спасла фашистов «Кримгильда». Не спасла и «Брунгильда». Нанесли советские армии и моряки Черноморского флота и Азовской военной флотилии сокрушительные удары по врагу. Побежали фашисты с Таманского полуострова.

После окончательного разгрома фашистских войск на Северном Кавказе, после полного освобождения Таманского полуострова во многих наших частях были устроены праздники. Был он и в части, в которой служили ефрейтор Папаев и рядовой Овечкин.

В программу праздника входили и спортивные состязания. Был бег на сто, на двести и на тысячу метров.

Стартовали солдаты на сто метров. Первым к финишу прибежал ефрейтор Папаев. Бежал он быстро-быстро, как говорят — только пятки сверкали. Смотрят солдаты, как быстро бежит Папаев. Кто-то сказал:

— Брунгильда!

И на двести метров Папаев прибежал первым, и на тысячу. Смеются солдаты:

— Брунгильда! Брунгильда!

А солдат Овечкин оказался бегуном неважным.

Во всех трех забегах был на последнем месте.

Вот и прозвали его Кримгильдой.

Появилась в части у них Кримгильда. Появилась в части у них Брунгильда.

Хорошее настроение у солдат.

Посмеялись солдаты над своими товарищами. Оставили бегунов в покое. Снова стал ефрейтор Папаев — Папаевым, стал снова солдат Овечкин — Овечкиным.

Однако не забылась «Кримгильда», не забылась «Брунгильда». О том, как бежали фашисты с Кавказа, как добивали на Таманском полуострове наши войска фашистов, о «Кримгильде» и о «Брунгильде» ныне во многих научных трудах написано, ныне в военных академиях изучают.

Завершилось сражение за Кавказ. Разъехались к новым местам солдаты. Не закончен ратный солдатский труд. Новые битвы их ждут с фашистами.

Глава пятая
НАДЕЖНАЯ ИНТУИЦИЯ

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Стояло лето 1943 года. Прошло два года с того дня, когда фашисты напали на нашу Родину.

Многое случилось и изменилось за эти два года. В тяжелых боях Советская Армия не только остановила наступление врагов, но и в упорных битвах под Москвой, а затем под Сталинградом одержала блистательные победы над фашизмом.

После поражения под Сталинградом фашисты откатились на многие километры на запад. В числе многих других городов советские войска освободили и город Курск. Здесь они глубоко врезались в фашистскую оборону. Образовался так называемый Курский выступ, Курская дуга.

Фашисты мечтали о реванше. Они хотели отомстить за поражение под Москвой и Сталинградом и все еще надеялись на новые победы.

5 июля 1943 года фашисты отдали приказ о новом наступлении. Началось одно из грандиозных сражений Великой Отечественной войны

— великая Курская битва.

Июль. Короткая летняя ночь. Курская дуга. Не спят фашисты. На 3 часа утра назначено наступление. Отборные войска направлены сюда, под Курск. Лучшие солдаты. Лучшие офицеры и генералы. Лучшие танки, лучшие пушки. Самые быстроходные самолеты. Таков приказ Гитлера.

За тридцать минут до начала штурма начнут фашисты артиллерийскую атаку на советские позиции. Загрохочут пушки. Это будет в 2.30. Всковырнут снаряды советские позиции. Затем вперед устремятся танки. За ними пойдет пехота.

Притаились фашистские солдаты. Сигнала ждут. Нет-нет на часы посмотрят. Вот два часа ночи. Два пять. Два десять. Двадцать минут осталось. Два пятнадцать. Десять минут осталось. Десять минут и тогда…

И вдруг! Что такое?! Не могут понять солдаты, что же вокруг случилось. Не отсюда, не от них, не со стороны фашистских позиций, а оттуда, от русских, прорвав рассвет, огненным гневом ударили пушки. Все ближе, ближе катился смертельный вал. Вот подошел к окопам. Вот заплясал, закружил над окопами. Вот поднял землю к небу. Вот вновь металлом забил, как градом.

В чем же дело?

Оказалось — советским разведчикам удалось установить точные сроки фашистского наступления. День в день. Час в час. Минута в минуту. Упредили фашистов наши. По готовым к атаке фашистским войскам первыми сами всей силой огня ударили.

Заметались фашистские генералы. Задержалось у них наступление. Лишь через несколько часов смогли фашисты пойти в атаку. Однако без прежнего энтузиазма.

Шутили у нас в окопах:

— Не та теперь песня!

— Не тот замах!

И все же сила у фашистов снова была огромная.

Рвутся они к победе. Верят они в победу.

ЗВЕРОЛОВЫ

Долго готовились фашисты к Курской битве. Дважды начало ее откладывали. То не готовы новые танки. То не готовы новые пушки. То новые самолеты не закончили испытания.

Готовились фашисты к наступлению. К наступлению готовились и наши войска. И наши приняли решение ударить по фашистам именно

здесь, в районе Курского выступа. Ставка Верховного Главнокомандования рассматривала вопрос: наступать первыми или выждать. Решили выждать. План у советских войск был такой: пусть первыми ударят фашисты, мы их сдержим, обессилим в упорных, оборонительных боях, а затем, выбрав удобный момент, сами перейдем в наступление.

Такое ведение войны называется контрнаступлением. Утвердила Ставка Верховного Главнокомандования этот план.

Наступление под Курском фашисты начали с двух направлений. Они наносили удар по Курску с севера, со стороны города Орла, и с юга, со стороны города Белгорода. Прорваться к Курску, захватить в огромный «мешок» советские войска, которые находились на Курском выступе, разбить, уничтожить, пленить эти войска — таковы намерения у фашистов.

Дождались фашисты новой военной техники. Во время Курской битвы у них появилось сразу два новых танка. Один из них фашисты назвали «тигр», второй — «пантера». Была у врагов и еще одна новинка — самоходное очень мощное орудие «фердинанд».

Началась битва. Пошли в атаку «тигры», «пан-

теры» и «фердинанды».

Не приметно ничем селение Ольховатка: поле, овраги, ручьи в оврагах. Метры родной земли. Грозный бой развернулся на этих метрах.

С севера, со стороны Орла, фашисты направили удар на Ольховатку.

В числе войск, сражавшихся под Ольховаткой, находился истребительно-противотанковый полк. Служили в полку два брата: Никита Забродин и Степан Забродин. Оба рослые. Оба красивые. Сержанты оба. Один и другой командиры орудий. Родом они из Сибири. Работали до войны звероловами.

Знают солдаты в полку, что у фашистов «тигры», «пантеры» и «фердинанды». Смеются солдаты, кивают братьям:

— По вашей, выходит, части.

— Верно, по нашей, — сказал Степан.

— Точно, по нашей, — сказал Никита.

Заработали их расчеты.

Лихо сражался Степан Забродин. Не торопился, стрелял с умом. Не бил в лобовую броню. Метил врагу либо в бок, либо под брюхо. Тут у танков броня не такая толстая. Выходят из строя «тигры».

Не уступает брату и Никита Забродин. Ловок в бою Никита. Этому больше везет в «пантерах».

Выстрел. Выстрел. И снова выстрел. Замирают в прыжках «пантеры».

А слева и справа другие стоят солдаты. И у этих удача в битве. Однако у Забродиных все же больше. Три танка подбил Степан. Три танка подбил Никита.

— Звероловы, как есть звероловы, — смеются солдаты.

Под Ольховаткой были в героях не только одни Забродины. Многие там отличились. И артиллеристы, и наши танкисты, и пехотинцы, и авиаторы. Не взяли враги Ольховатку. Отстояли ее солдаты.

ОСОБЫЕ

Не смогли фашисты через Ольховатку на Курск прорваться, повернули на станцию Поныри.

Здесь, как и под Ольховаткой, вновь много советских бойцов отличилось. Был в их числе и артиллерийский расчет, которым командовал ефрейтор Кузьма Андреевич Зуев.

На время боя орудие Зуева было придано небольшому пехотному подразделению. Прибыла пушка в подразделение. Окружили ее солдаты. Среди пехотинцев много совсем молодых бойцов. Есть и такие, которые пушку впервые так близко

видят. Смотрят солдаты: кто издали, кто ближе подходит. А один и вовсе шагнул к орудию. Колеса потрогал, пощупал лафет, ствол, словно по шее коня похлопал. Обратился к артиллеристам:

— Здорово лупит?

— Зверь!

Замаскировали артиллеристы орудие, установили так, чтобы фашисты не сразу его заметили, приготовились к бою.

Вот и фашистские танки пошли в атаку. Выжидают артиллеристы. Выжидают бойцы в окопах.

Ближе танки. Все ближе.

«Чего не стреляют?! Чего не стреляют!» — тревога прошла в окопах.

И вот ударила грозно пушка. Считают огонь солдаты:

— Раз!

— Два!

— Три!

Посмотрели теперь на поле.

Раз.

Два.

Три.

Три фашистских танка стоят подбитыми. Прошел по окопам восторженный гул:

— Вот так ребята!

— Вот так орудие!

— Зверь! — заключает тот самый, который пушку, словно по шее коня, похлопал.

Продолжается бой. Снова фашисты идут в атаку. Снова пушка огонь открыла. Считают солдаты выстрелы:

— Раз!

— Два!

— Три!

— Четыре!

Посмотрели опять на поле.

Помимо тех первых трех, еще четыре новых танка стоят подбитыми. А за этими снова три.

И снова в окопах:

— Вот так расчет!

— Глаз как алмаз!

— Пушка, братцы, у них особая!

— Да что там пушка — люди они особые!

Сказали бойцы и сглазили. Определили фашисты место, где стояла в укрытии наша пушка. Разбили фашисты советскую пушку.

Замолчала пушка. А фашисты идут и идут. Все ближе они к нашим окопам.

Вступили пехотинцы теперь в сражение. Подпустили к окопам танки. Полетели гранаты в танки.

Наблюдают артиллеристы. Ловко бросают бойцы гранаты. Считают артиллеристы подбитые танки:

— Раз!

— Два!

— Три!

Не сдержались артиллеристы:

— Вот так ребята!

— Вот так гранаты!

Продолжается бой. Нелегка для фашистских танков схватка с героями. Вновь выходят из строя фашистские танки. К подбитым прибавляются новые. Считают артиллеристы и эти новые.

Не могут артиллеристы скрыть своего восторга:

— Вот так пехота!

— Глаз — ватерпас!

— Гранаты, братцы, у них особые.

— Да что гранаты — люди они особые!

Много под Понырями было солдат «особых», много «особых» гранат и пушек. Стойко стояли в боях солдаты. Сдержали они фашистов. Не прорвались и под Понырями фашисты к Курску. Снова бросились на Ольховатку. И остановились.

Рассчитывали фашисты отсюда, с севера, со

стороны Орла, быстро пробиться к Курску. А продвинулись всего лишь на десять-двенадцать километров. Продвинулись. Остановились. Дальше пути закрыты.

ЖЕЛЕЗНЫЙ БАТАЛЬОН

Бой шел у селения Крутой Лог. Это южнее Курска. Отсюда, со стороны Белгорода, наносили фашисты второй удар. Рвались они на Корочу, на Обоянь, на Прохоровку. Здесь, у селения Крутой Лог, как раз в направлении на Корочу, держал оборону стрелковый батальон капитана Бельгина.

120 танков, в том числе 35 «тигров», обрушились на наши окопы.

— Противотанковые ружья к бою! Гранаты к бою! — командует капитан Бельгин.

Сдержали наши удар фашистов. Откатились назад фашисты.

Откатились. Чуть переждали. Снова идут в атаку. На этот раз за танками идет пехота.

— Пропускай танки! — командует Бельгин.

Знают солдаты, что значит пропустить танки. Укрылись они в окопах. Проползли над ними фашистские танки. Поднялись бойцы, открыли огонь по фашистской пехоте. Беззащитной оказалась теперь пехота. Немалый урон нанес

батальон фашистам. Пока развернулись танки, пока пришли на помощь своим солдатам — защищать оказалось некого: легла под метким огнем советских стрелков вражеская пехота. Взялись наши солдаты теперь за танки. Достается фашистским танкам.

Удержали рубеж солдаты. Откатились назад фашисты.

Откатились фашисты. Чуть переждали. В третий раз начинают они атаку.

Опять пошли танки. За танками — пехота.

— Пропускай танки! — снова дана команда.

Укрылись солдаты в окопах. Ждут, когда пройдут над головами танки.

— Сейчас пройдут, и тогда не зевай, — рассуждают солдаты.

— Снова покажем фашистам!

Все ближе к окопам танки, все ближе. И вдруг, подойдя к окопам, остановились танки. Остановились. Затем развернулись. И стали «утюжить», то есть ходить по окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут из окопов солдаты.

— Ну как?

— Не бегут, — отвечают фашистам. — Держатся.

Открыли тогда фашисты пулеметный огонь по

окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут солдаты.

— Ну как?

— Не бегут, — отвечают фашистам. — Держатся.

Но не только держались и удержались солдаты. Не прекращали с фашистами бой. 39 фашистских танков подорвали солдаты к концу сражения. Уничтожили без малого тысячу фашистов.

Отступили опять фашисты.

«Железным батальоном» назвали за этот бой батальон капитана Бельгина. Точное очень слово. Ищи, не найдешь другого.

ГВАРДЕЙСКИЙ АППЕТИТ

Танкист лейтенант Бессарабов мечтал о «тигре», то есть мечтал в бою своим танком подбить фашиста. Отличный танкист Бессарабов. Как же ему без «тигра»!

Сражался Бессарабов южнее Курска, возле города Обояни. С особой силой тут рвались вперед фашисты. Именно здесь больше всего и появилось фашистских «тигров».

Разгорелось сражение. И вот в самом его начале подбил Бессарабов танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный. Поздравляют его товарищи. Подбить танк, хотя и обычный, случается тоже

не каждый день.

— Не то, не то, — махнул огорченно Бессарабов.

Продолжается бой. И снова подбил танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный.

Поздравляют его товарищи. Не каждый день ведь такое случается, чтобы в день подбить два танка.

— Не то, не то, — опять о своем Бессарабов.

— «Тигра» он хочет, — смеется лучший дружок Бессарабова лейтенант Гогоберидзе.

Не отпирается Бессарабов.

И вот в том же бою повстречал он «тигра». Столкнулись танки на встречных курсах, нос к носу, лобовая броня к броне.

Припал к орудию Бессарабов. Послал бронебойный снаряд по «тигру». Ударил снаряд в броневую сталь. Смотрит Бессарабов — не тронут «тигр». Отлетел от брони снаряд. Лишь искры, как из трамвайной дуги, посыпались. Снова Бессарабов пустил снаряд. И снова снаряд словно в слона горошина. Недоступной для наших танковых пушек была лобовая броня у «тигра».

Фашист ответно открыл огонь. Едва увернулся от «тигра» тогда Бессарабов. Едва от врага ушел.

На следующий день под Обоянью вновь разго-

релась битва. Бились упорно. И мы, и фашисты. Железо сошлось с железом. Сила ломила силу.

И вот — ура! — подбил Бессарабов «тигра». Стрелял не в лоб, как вчера, а в бок, где тоньше броня у танка.

Разгорячился боец в сражении. Рвется он к центру боя. Вдруг видит рядом танк лейтенанта Гогоберидзе. Слышит по рации голос друга:

— Что тебе, мало «тигра»?

— Мало! — кричит Бессарабов.

— Хочешь еще?

— Хочу!

Усмехается Гогоберидзе:

— Наш аппетит, танкистский.

Подбил второго «тигра» танкист. Минута, вторая — горит и третий. Поздравляют друзья Бессарабова:

— Наш аппетит, гвардейский!

Лейтенант Бессарабов был первым из советских танкистов, подбившим в одном бою три неприятельских «тигра». Потом и другие нашлись умельцы. Уничтожали по три, по четыре «тигра». Однако первый есть все-таки первый. Почет всегда больше первому.

ТРУБКА

Старший лейтенант Алихан Гагкаев командовал артиллерийской батареей. Четыре орудия в батарее.

Любили батарейцы своего командира: молодой, задорный, всегда веселый. Родом он был с Кавказа. О горах, водопадах любил лейтенант рассказывать, о милой своей Осетии.

Была у Гагкаева трубка — память о доме. Не расставался Гагкаев с трубкой. Сам не курил. Просто носил в кармане.

— В Берлине раскурим, — шутил Гагкаев.

Во время Курской битвы батарея Гагкаева сражалась южнее города Обояни. С редким упорством здесь рвались вперед фашисты. Особенно возле села Яковлева, у шоссе, ведущего из Белгорода на Курск. Тут и стояла батарея Гагкаева. Не она одна прикрывала шоссе. Левее, правее стояли другие. Но сложилось так, что один из главных ударов фашистов пришелся как раз на батарею Гагкаева.

Держит Гагкаев по рации связь с командиром полка майором Котенко.

— Вижу танки.

— Сколько?

— Десять.

Через минуту:

— Двадцать.

Через минуту:

— Тридцать…

Семьдесят танков рвалось сюда, на Яковлево.

Вступили солдаты в бой. Обрушили артиллеристы огонь на фашистские танки. Удачно они стреляли. Выходят из строя фашистские машины. Но бой есть бой. Тут взаимны всегда потери. Подбили фашисты одну из советских пушек. Было четыре, осталось три.

Продолжается жаркий бой. Снова выходят из строя фашистские танки. Но и снова потеря на батарее. Гибнет вторая пушка. Было четыре, осталось две. Но и две это тоже сила.

— Как дела? — спрашивает по рации майор Котенко.

— Нормально, — отвечает ему Гагкаев.

Все сильнее, все упорнее бой. Бой есть бой. Снова потеря на батарее. Было четыре пушки. Одна осталась. Но и одна это тоже сила.

— Как дела? — опять запрос от майора Котенко.

— Держимся, — отвечает ему Гагкаев.

Держатся герои. Не пропускают вперед фаши-

стов. Погибла последняя пушка. Взяли батарейцы гранаты в руки. Перешли к рукопашному бою.

— Как дела? — снова слышится голос майора Котенко.

— Нормально, — кричит Гагкаев. — Держимся. Перешли к рукопашному бою.

— Понял. Идем на помощь.

Прибыла помощь: танки, отряд пехоты. А с ними и сам Котенко. Повернулся к командиру полка Гагкаев. Руку поднес к фуражке.

— Товарищ майор, держит рубеж батарея.

— Орлы! Молодцы! — похвалил Котенко.

Улыбнулся Гагкаев. Продолжает стоять, все руки не отводит от фуражки, все прижимает ее к правому боку. И вдруг побледнел, качнулся и рухнул на землю. И только тут увидел майор Котенко — весь правый бок у артиллериста залит кровью. Бросились к нему батарейцы, наклонился майор Котенко.

— Держит рубеж бата… — вновь произнес герой.

И больше ни слова. Мертвым лежал Гагкаев.

Погиб Гагкаев. А трубка осталась. Сохранили ее солдаты. Раскурили ее батарейцы в Берлине. В день нашей Победы. Как и мечтал Гагкаев.

ВАЛЬС ДОБРЯНСКОГО

Бой шел в районе шоссе Белгород — Обоянь. Наступали фашистские танки. Впереди двигались «тигры».

Недалеко от наших окопов находился наблюдательный пункт. Два советских бойца, два солдата-разведчика, прижались к земле и следили за движением вражеских танков.

Один из «тигров» заметил советских воинов. Решили фашисты раздавить наших солдат. Направили танк на разведчиков. Ползет, как утюг, махина. Все ближе, все ближе. Занял полполя, занял полнеба. Секунда, вторая. Рывок — и все.

Не выдержал один из бойцов. Вскочил с земли, побежал по полю. Фашисты открыли пулеметный огонь. Рухнул солдат на землю.

Второй же боец, Анатолий Добрянский, остался лежать на месте. Подошел к нему вражеский танк, только подмять собрался, как вдруг вскочил Добрянский. Метнулся к танку. Прижался к «тигру», к борту, к его броне.

Смотрят из окопов бойцы на Добрянского:

— Хитрец!

Неуязвимым для «тигра», для его пулеметов оказался теперь Добрянский.

Тогда фашистский танк начал кружить по полю. Пытается он раздавить смельчака. Но и вправду смышленый солдат Добрянский. Кружит он вместе с танком, не отрывается от брони.

И снова доносится из окопов:

— Ну и хитрец!

— Эка к танку, словно к магниту, прилип.

Кружил Добрянский вместе с танком, кружил, вдруг видит рядом окоп. Прыгнул в окоп Добрянский, укрылся от страшной смерти.

Смотрят фашисты. Где же боец? Провалился под землю? Броней придавлен? Увидели окоп. Вот где солдат укрылся. Примяли, притоптали танком окоп фашисты. Дальше пошли по полю.

Только отошли от окопа. А Добрянский цел, невредим. Поднялся, швырнул бутылку с горючей жидкостью. Точно бросал боец. Попал в уходящий фашистский танк. Прямо туда, где с горючим баки.

Вспыхнул фашистский танк как факел.

Смеялись потом бойцы, вспоминая, как Добрянский с танком кружил по полю.

— Здорово ты вальсировал!

— Кавалер из тебя заправский!

Подвиг рядового Добрянского для многих бойцов послужил наукой. Даже специально в частях

изучали, как лучше, если возникнет во время боя надобность, вплотную прижаться к танку.

Идут у бойцов занятия.

— Что изучаете?

— Вальс Добрянского.

ГОРОВЕЦ

Эскадрилья советских истребителей завершала боевой вылет. Прикрывали летчики с воздуха южнее Курска в районе Ольховатки (это вторая — южная Ольховатка) наземные наши части. И вот теперь возвращались к себе на базу.

Последним в строю летел лейтенант Александр Горовец. Все хорошо. Исправно гудит мотор. Стрелки приборов застыли на нужных местах. Летит Горовец. Знает — впереди лишь минутный отдых. Посадка. Заправка. И снова в воздух. Нелегко авиации в эти дни. Битва не только гремит на земле — поднялась этажами в воздух.

Летит Горовец, небо окинет взглядом, взглядом проверит землю. Вдруг видит — летят самолеты: чуть сзади, чуть в стороне. Присмотрелся — фашистские бомбардировщики.

Начал летчик кричать своим. Не ответил никто из наших. Сплюнул пилот в досаде. Зло посмотрел на рацию. Не работает дура-рация.

Идут фашистские бомбардировщики прямым курсом к нашим наземным позициям. Там и обрушат смертельный груз.

Подумал секунду лейтенант Горовец. Затем развернул самолет и устремился к врагам навстречу.

Врезался летчик в фашистский строй. Первой атакой пошел на ведущего. Стремительный был удар. Секунда. Вторая. Ура! Вспыхнул свечой ведущий.

Развернулся лейтенант Горовец, на второго фашиста бросился. Ура! И этот рухнул.

Рванулся к третьему. Падает третий.

Расстроился строй фашистов. Атакует врагов Горовец. Снова заход и снова.

Четвертый упал фашист.

Вспыхнул пятый.

Шестой!

Седьмой!

Уходят фашисты.

Но и это еще не все. Не отпускает врагов Горовец. Бросился вслед. Вот восьмой самолет в прицеле. Вот и он задымил, как факел. Секунда. Секунда. И сбит самолет девятый.

Бой летчика Горовца был уникальным, неповторимым. Много подвигов совершили советские

летчики в небе. Сбивали в одном полете по три, по четыре, по пять и даже по шесть фашистов. Но чтобы девять! Нет. Такого не было. Ни до Горовца. Ни после. Ни у нас. Ни в одной из других воюющих армий.

Не вернулся из полета лейтенант Александр Константинович Горовец. Уже на обратном пути к аэродрому набросились на героя четыре фашистских истребителя.

Погиб лейтенант Горовец.

А подвиг живет. И рассказы о нем ходят как быль, как сказка.

ТРИ ПОДВИГА

Курская битва шла не только на земле, но и в воздухе. Здесь, в небе над Курском, разгорелись ожесточенные воздушные бои. У советских летчиков к этому времени уже были первоклассные самолеты. И их становилось все больше и больше. Мы стали сильнее фашистов в воздухе.

Многие советские летчики под Курском тогда отличились.

Весной 1942 года в тяжелых боях на Северо-Западном фронте в воздушном бою один из советских летчиков был тяжело ранен, а его самолет подбит. Летчик опустился на террито-

рию, занятую врагом. Он оказался один в лесной глуши. Летчик стал лицом к востоку и начал пробираться к своим. Он шел сквозь снежные сугробы, один, без людей, без еды.

Солнце садилось и всходило.

А он шел и шел.

Болели раны. Но он превозмогал боль.

Он шел и шел.

Когда силы его покидали, он продолжал ползти.

Метр за метром. Сантиметр за сантиметром.

Он не сдавался.

Солнце всходило и садилось.

А он шел и шел.

Он совершил подвиг и дошел до своих.

На восемнадцатые сутки, изможденного и обмороженного, его подобрали партизаны. На самолете он был доставлен в госпиталь. И тут самое страшное — неумолимый приговор врачей, необходима операция. Летчик обморожен. Летчик лишится ног.

Но летчик хотел летать. Хотел продолжать бить врага.

И вот он совершает второй свой подвиг. Летчику сделаны протезы. Он начал тренироваться ходить с костылями, а затем… без костылей.

Теперь он упросил врачей разрешить сесть ему в самолет. Он был настойчив, и врачи уступили. Летчик снова в кабине. Он снова в воздухе.

И опять тренировки, тренировки, бесчисленные тренировки.

Его проверили самые придирчивые экзаменаторы и разрешили летать.

Летчик упросил отправить его на фронт.

Он прибыл под Курск незадолго до начала Курской битвы. По первой же тревоге он поднялся в воздух.

Тут, под Курском, он совершил свой третий подвиг. В первых же боях он сбил три вражеских самолета.

Этот летчик известен всей стране. Имя его — Алексей Петрович Маресьев. Он Герой Советского Союза. О нем написана прекрасная книга. Автор ее писатель Борис Полевой. «Повесть о настоящем человеке» называется эта книга.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Гудит, грохочет металлом битва. Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной. Смешались в схватке огонь и люди. Зловещей гарью покрылось небо.

12 июля 1943 года под селением Прохоровка,

южнее Курска, произошло величайшее во всей истории Великой Отечественной войны танковое сражение. Почти 1200 боевых машин и самоходных орудий приняло участие в этом небывалом сражении.

Не достигнув успехов под Корочей и Обоянью, сюда, на Прохоровку, нацелили фашисты теперь свой удар. Прохоровка находится между Корочей и Обоянью. Обоянь слева, Короча справа. Посредине — Прохоровка.

Через Прохоровку проходила железная дорога из Белгорода на Курск. Сюда и устремились теперь фашисты. Движутся фашистские танки — «тигры», «пантеры» и «фердинанды» — на Прохоровку. А в это время навстречу фашистам идет советская танковая армия. Встретились танки. Вступили в бой.

Ворвались наши в ряды фашистов. Ближний бой выгоден нашим танкам. В ближнем бою теряют фашистские «тигры» свое преимущество. С близкого расстояния легче у «тигра» пробить броню, легче зайти и ударить сбоку.

Умело бьются советские танкисты. Достается фашистским «тиграм». Но и наши несут потери. Разгорается ярче битва.

На помощь танкам пришли самолеты. Повис-

ли они над полем. Истребители, штурмовики, бомбардировщики. Наши. Фашистские. И эти смешались в небе. И там под солнцем грохочет битва.

На помощь танкам пришла артиллерия. Бьют пушки прямой наводкой. Стойко стоят расчеты. Наши. Фашистские. Снаряды дырявят небо и землю.

Солнце давно в зените. Не видно конца побоищу.

Плацдарм, на котором идет сражение, совсем невелик. Река Псел с одной стороны. С другой — железнодорожная насыпь. С трудом разместилось здесь столько танков. Тесно махинам на тесном поле. Чуть ли не трутся они бортами. Все больше, все больше подбитых танков. Наших. Фашистских. Кострами пылает поле — то догорают танки. Дым над землей поднялся, завесой окутал поле. Солнце в чаду, в тумане, словно чадру надело.

Не утихает, грохочет битва. Все так же в небе вторая битва. Все так же не умолкает раскат орудий.

…Клонилось солнце к траве, к закату. Устали люди, земля и небо. А бой все шел, все не кончался. И оставалось пока неясным, кому быть в первых,

за кем здесь сила. Но вот над полем пронеслось: отходят «тигры». И вслед за этим как гром:

— Победа!

Проиграли фашисты танковое сражение под Прохоровкой. Был восьмой день Курской битвы. «Черным днем» назвали его фашисты.

Наступление на юге от Курска, так же, как и на севере, закончилось для фашистов полным провалом. Всего лишь на 35 километров смогли здесь фашисты вперед продвинуться. Остановили и тут наши войска фашистов.

НИКОЛАЕВ

Механик-водитель старший сержант Александр Николаев в Прохоровском сражении вел в бой танк капитана Скрипкина.

— Вперед! Ближе к фашистам! Ближе! — командует Скрипкин.

Сошлись наши с фашистскими танками. Сидит за рычагами танка старший сержант Николаев. Точно выполняет команды Скрипкина.

— Правее! — кричит капитан.

Повернул Николаев правее танк. И тут же перед глазами вырос борт фашистского «тигра». Ударил из пушки стрелок по «тигру». Задымил, запылал фашист.

— Левее! Бери левее! — командует Скрипкин.

Повернул Николаев влево. И снова рядом фашистский танк. Ударил стрелок и по этому «тигру».

— Есть! — закричал стрелок.

Неплохое совсем начало. Продолжают танкисты бой.

Шагает танк Скрипкина, ищет врага прицелом. Нашли наши солдаты опять противника.

— Выстрел!

— Выстрел!

Да мимо оба. Ушел, увернулся фашистский танк.

Продолжают танкисты бой.

Ползет танк Скрипкина. Ищет врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут.

Опередили фашисты наших!

— Выстрел!

— Выстрел!

Да мимо оба. Сманеврировал, ушел от удара советский танк.

Снова в бою танкисты. Ищут врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут. Окружили танк Скрипкина сразу четыре фашистских танка. Подожгли фашисты советский танк. Ранили осколком капитана Скрипкина.

Вынесли старший сержант Николаев и радист командира из танка, укрылись рядом в большой воронке.

Не утихает кругом сражение. В самом разгаре битва.

Вдруг видит Николаев, что один из «тигров» движется к воронке. Заметили их фашисты. Ясно Николаеву: минута — всему конец. Раздавят советских солдат фашисты.

Рванулись мысли:

— Быстрей гранату!

Нет у бойца гранаты.

— Бутылку с горючей смесью!

Нет у бойца бутылки.

Глянул старший сержант Николаев на «тигра», потом на свой, на горящий танк. Секунда. Рванулся к танку. Вскочил на башню. Скользнул сквозь пламя. Метнулся в люк. Проверил что-то. Мотор исправен. Ход не нарушен. Фыркнул, дрогнул и ожил танк. Рванулся с места. Развил он скорость и в лоб на «тигра» как молот в кузне. На месте «тигра» металл горящий…

Погиб Николаев, но спас товарищей. И подвиг этот хранит история.

КУРСКИЕ СОЛОВЬИ

Побывайте под Курском в мае. Заливаются, щелкают курские соловьи.

В Курской битве вместе с другими войсками сражались и подразделения гвардейских минометов. Гвардейские минометы — это знаменитые «катюши».

В первые дни войны у нас было всего лишь несколько «катюш». В Курской битве принимали участие уже целые подразделения.

Любили солдаты огонь «катюш». Уважали лихих минометчиков. Летели снаряды «катюш» с характерным и звонким свистом. Всего милее солдатскому сердцу был этот свист. Вот и прозвали бойцы солдат-минометчиков курскими соловьями.

Началась Курская битва. Засвистали, защелкали курские соловьи. Били фашистов в дни наступления. Били и после, когда наши, сдержав фашистов, сами пошли вперед.

Особенно досталось фашистам от наших «катюш» в боях южнее города Обояни. Здесь, рядом с шоссе, идущим на Обоянь из Белгорода, расположился гвардейский минометный полк полковника Бондаренко.

Стояли «катюши» в засаде. Ждали команды к бою. Вдоль шоссе на Обоянь наступали фашистские танки. Словно железная стена надвигалась. Нет, казалось, врагу преграды.

Тут и грянул раскат «катюш». Отстрелялись «катюши», откланялись. В грудах металла поле.

Приехал к месту боя командующий.

— Молодцы. Хороша работа. Кто пропел тут фашистам песню?

Отвечают ему:

— Курские соловьи.

В новом месте пытались фашисты затем прорваться. Шла пехота и снова танки. Но и здесь «катюши» в засадах были. Отстрелялись «катюши», откланялись. Вся пехота лежит на поле. Догорают танки.

В третьем, в четвертом — во многих местах под Курском сражались тогда «катюши». В числе первых пошли они и в контрнаступление. Едут по полю гвардейские минометы. Меняют полки позиции. Снова грохочут залпы. Слышат солдаты залпы — в улыбках душа и лица:

— Наши запели.

— Наши.

От солдата идет к солдату:

— Курские соловьи!

ГЕНЕРАЛЫ ПРОТИВ ФЕЛЬДМАРШАЛОВ

Курский выступ обороняло два фронта. Севернее Курска сражался Центральный фронт. Им командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский.

Во многих сражениях прославился Рокоссовский. Он был в числе тех, кто задержал врагов под Смоленском, среди тех, кто громил под Москвой фашистов (герои-панфиловцы, герои-доваторцы сражались в армии Рокоссовского). Рокоссовский командовал советскими армиями, окончательно разгромившими фашистов под Сталинградом. Это его войска пленили фельдмаршала Паулюса.

Знали солдаты генерала Рокоссовского. Любили и уважали.

Южнее Курска находился Воронежский фронт. Командовал этим фронтом генерал Николай Федорович Ватутин.

И Ватутин генерал прославленный. Это он командовал под Сталинградом Юго-Западным фронтом. Именно этот фронт начал тогда первым сокрушительный удар по фашистам. Это он вместе с другим фронтом — Сталинградским окружил фашистскую армию между Доном и Волгой.

Против наших фронтов на Курском выступе стояли гитлеровские войска, которые составили две группы армий. Это группа армий «Центр» и группа армий «Юг».

Группа армий «Центр» сражалась против войск генерала Рокоссовского. Командовал этой группой фашистский фельдмаршал фон Клюге.

Группа армий «Юг» сражалась против войск генерала Ватутина. Командовал этой группой фашистский фельдмаршал Манштейн. Манштейн в переводе означает «человек-камень». В 1943 году он клялся освободить фашистскую армию, окруженную под Сталинградом.

Узнали наши солдаты, что против советских генералов на Курской дуге сражаются фашистские фельдмаршалы.

— Интересно! — проговорили солдаты. — Интересно — кто кого?

Стали солдаты вспоминать, где и когда уже встречались эти военачальники:

— Против Рокоссовского — Клюге. Так, так!

Припомнили солдаты, что в 1941 году фон Клюге был в числе тех фашистских фельдмаршалов, которые со своими войсками наступали на Москву. Побили наши войска тогда и фон Клюге, и других фашистских фельдмаршалов.

Стали вспоминать солдаты — кто бил. Вспомнили Жукова, вспомнили генерала Говорова. Вспомнили и Рокоссовского.

Заговорили солдаты затем о Манштейне.

— Манштейн против Ватутина. Так, так!

Вспомнили солдаты Сталинград, начало 1943 года, неудачную попытку фельдмаршала Манштейна прийти на помощь фельдмаршалу Паулюсу.

Побили наши тогда Манштейна.

Стали солдаты вспоминать, кто побил. В числе тех, кто побил Манштейна, и был генерал Ватутин.

— Били наши генералы уже фельдмаршалов. Били, — сделали солдаты вывод. — Побьют и под Курском, — заключили солдаты.

Не ошиблись солдаты. Побили советские генералы фашистских фельдмаршалов.

ОГОРОДНИКИ

Было это незадолго до Курской битвы. В стрелковую часть прибывало пополнение.

Старшина обходил бойцов. Шагает вдоль строя. Рядом идет ефрейтор. Держит карандаш и блокнот в руках.

Глянул старшина на первого из бойцов:

— Картошку сажать умеешь?

Боец смутился, пожал плечами.

Дальше шагнул старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею! — звонко сказал солдат.

— Два шага вперед.

Вышел солдат из строя.

— Пиши в огородники, — сказал старшина ефрейтору.

Дальше идет старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею.

— Умею.

— Не пробовал.

— Умею.

— Не приходилось, но если надо…

— Умею.

— Умею.

— Хватит, — сказал старшина.

Вышли вперед бойцы. Оказался в строю умеющих и солдат Анатолий Скурко. Гадает солдат Скурко — куда это их, умеющих: «Картошку сажать — так по времени поздно. (Уже вовсю заиграло лето.) Если ее копать, то по времени очень рано».

Гадает солдат Скурко. И другие бойцы гадают:

— Картошку сажать?

— Морковь разводить?

— Огурцы для штабной столовой?

Посмотрел на солдат старшина.

— Ну что же, — сказал старшина. — Отныне вам быть в минерах. — И вручает солдатам мины.

Приметил лихой старшина, что тот, кто умеет сажать картофель, быстрей и надежнее ставит мины.

Усмехнулся солдат Скурко. Не сдержали улыбки и другие солдаты.

Приступили к делам огородники.

На многие километры на север, на юг, на запад от Курска протянули минеры минные поля и заслоны. Только в первый день Курской битвы на этих полях и заслонах подорвалось более ста фашистских танков и самоходных орудий.

Идут минеры.

— Ну как, огородники?

— Полный порядок.

МОСКВА — ИРКУТСК

И это было до Курской битвы. Рыли солдаты траншеи, окопы, укрепляли подходы к Курску.

Бросают солдаты землю. Вдруг «виллис». Из штаба фронта. Остановился. Вышли двое. Один из

приехавших капитан. Признали его солдаты: военный инженер из штаба Центрального фронта.

Интересно солдатам — сколько ж отрыли они окопов? Обратились к штабисту:

— Инженер-капитан, сколько же мы отрыли?

Достал капитан блокнот. Раскрыл. На пометку какую-то глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Рязани, — сказал капитан. Оказался как раз капитан из тех, кто для наглядности любил прибегать к сравнениям.

— До Рязани?! — сорвалось солдатское удивление.

— До Рязани, — сказал капитан.

Осмотрел капитан окопы. Какие-то записи сделал. Уехал проворный «виллис».

Снова солдаты лопаты в руки. Дальше ползут окопы.

Через какое-то время снова приехал сюда капитан. И снова солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли отрыли?

Достал капитан блокнот. На пометку какую-то снова глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Казани, — сказал капитан.

— До Казани?! — удивляются опять солдаты.

— До Казани, — подтвердил капитан.

Осмотрел капитан окопы. Какие-то записи сно-

ва сделал. Умчался «виллис».

Снова солдаты за работу. Снова умылись потом. Дальше ползут окопы.

И в третий раз приезжал капитан, и в четвертый. Затем и в пятый. И каждый раз солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли прорыли?

— От Москвы до Свердловска, — сказал капитан в третий раз.

Смеются солдаты:

— Значит, Урал пошел!

— Урал, — соглашается капитан.

— От Москвы до Тюмени, — сказал в четвертый.

Смеются солдаты:

— Значит, Сибирь пошла!

— Сибирь, — соглашается капитан.

— От Москвы до Иркутска, — сказал капитан, когда завершили солдаты свою работу.

Довольны солдаты:

— До Байкала никак прорыли. Здравствуй, старик Байкал!

Пять тысяч километров траншей и окопов прорыли солдаты, готовясь к битве под Курском.

И это только на одном, на Центральном фронте. А ведь рядом, на юг, на север от Курска, другие фронты стояли: Воронежский, Брянский, Степ-

ной, Юго-Западный, Западный…

Да и не только одни окопы солдаты рыли. Наводили минные поля, строили доты и дзоты, устанавливали проволочные заграждения, возводили различные инженерные сооружения, создавали целые оборонительные районы. Много труда, много усилий.

Знают солдаты: война есть не только подвиг на поле брани. Подвиг труда и подвиг в труде здесь в той же великой мере.

Смеются солдаты:

— Мы этих окопов за всю войну, считай, до самой Луны прорыли.

ОБИДА

Во время Курского сражения советскими войсками было взято в плен более 20 фашистских генералов.

Солдат Каюров в боях заслужен. С минуты первой солдат на фронте. И вот Каюров в большой обиде.

Ворчит Каюров:

— Подумать только! Мальчишка прибыл. Лишь день воюет. Не видел лиха. Не нюхал смерти. И вдруг такое!

Солдат Неверов и вправду молод. Лишь день,

как в роте. Птенец, и только. И вдруг такое!

Так в чем же дело?

— Нет правды в мире, — ворчит Каюров.

— Так в чем же дело?!

На диво роте, на диво части привел Неверов в плен генерала.

Фашист сверхважный. Кресты, погоны. Штаны в лампасах. Фуражка с крабом. Идет как аист. Как коршун смотрит.

Бурчит Каюров:

— Где справедливость!

Достал Каюров кисет, махорку. Свернул цигарку. Затяжку сделал.

Отхож Каюров. Душой не злобен.

Остыл Каюров. И вспомнил время. Совсем другое. То злое время. То лето злое. В тот час тяжелый на вес бриллианта был каждый пленный. Тогда ефрейтор казался дивом. А нынче гляньте: птенец Неверов в плен генерала ведет.

Вздохнул Каюров солдатской грудью. И ветерану стал мил и дорог птенец Неверов, что день на фронте. Птенец Неверов и это время.

Другое время. Другие были.

Другие были. Другие песни.

ПАМЯТЬ

Среди Брянских лесов, пробивая на запад путь, речка бежит Нерусса. Хороши места на Неруссе. Березы стоят и ели. Кручи к воде сбегают.

В одном месте над Неруссой видна могила. Светло-серая пирамидка поднялась к небу. Сверху над пирамидкой пятиконечная звезда. Ограда вокруг могилы. Цветы на могильном холмике. Здесь похоронен Авдеенков.

Рядом с могилой железнодорожное полотно. Мост перебросился через Неруссу.

Сергей Авдеенков был партизаном. Много здесь, в Брянских лесах, было тогда партизанских отрядов. Во время Курской битвы тут находились тылы фашистов.

Огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия, разного военного снаряжения необходимо войскам на фронте. Идут по фашистским тылам:

составы,

машины,

обозы.

Доставляются к фронту разные важные, разные срочные, военные всякие грузы.

Идут составы, идут обозы. Только к месту цели

не все доходят. Встречают их на пути партизаны —

взрывают,
сжигают,
уничтожают.

Там, далеко за линией фронта, в тылу у фашистов громят фашистов советские партизаны. Помогают советскому фронту.

Получили партизаны задание уничтожить мост на реке Неруссе. Старшим пошел Авдеенков.

Перед началом операции партизаны послали вперед разведку. Подготовили группу захвата, группу прикрытия. Договорились, кому укладывать тол на мосту, кому ставить мины, кому взрывать.

Подошли к мосту вечером. Подползли совсем близко. Открыли огонь. Убрали охрану.

Сергей Авдеенков повел минеров. Поднялись на мост. Все шло успешно. Стали укладывать тол. Приготовили мины. Еще секунды, совсем немного: вставят запал минеры. Отойдут, отбегут от моста. Раздастся гигантский взрыв. Рухнет машина в воду. Все точно идет по плану.

И вдруг ударил по подрывникам пулемет. То ли охрана моста оказалась не вся перебита, то ли

явилась к фашистам помощь.

Пули ранили Сергея Авдеенкова. Он вскрикнул от боли, упал, затем приподнялся. Глянул по сторонам, видит — погибли все на мосту. В живых он лишь один остался. А неприятельский пулемет все не умолкает.

— Беги! Беги! — закричали Авдеенкову товарищи, те, что прикрывали внизу подрывников.

— Беги!

Но Сергей Авдеенков не тронулся с места. Выхватил он гранату. Размахнулся и бросил туда — на приготовленный к взрыву тол.

Страшный грохот прошел над лесом. Мост вздрогнул, приподнялся и, увлекая Сергея Авдеенкова, со страшным шумом упал в Неруссу.

...Горным потоком промчались годы. Вновь над Неруссой бегут составы. Взлетают на мост вагоны. И в ту же минуту гудок над составом. То память о прошлом пронзает небо. То низкий поклон герою.

ХОРОШИ У ГИГАНТА ЛАПЫ

Партизаны!

Как огня боялись фашисты народных мстителей.

Перед началом Курской битвы фашисты при-

няли решение уничтожить партизан, которые действовали у них в тылу в Брянских лесах.

Направили против партизанских отрядов фашисты свои войска. Не роту, не батальон. Целую дивизию.

Втянулась дивизия в бой.

Мало одной дивизии.

Добавили вторую.

Мало.

Добавили третью. Затем четвертую, пятую, шестую. Потом добавили танковую дивизию. Затем прислали сюда самолеты. Не пять, не десять. А целых сто.

Но и этого было мало.

Почти целую армию пришлось снять фашистам с фронта и направить ее в Брянские леса.

Командующим войсками, действующими против партизан в Брянских лесах, был назначен генерал-лейтенант Борнеманн.

Ведут фашисты борьбу с партизанами. Поступают к Борнеманну радостные доклады: мол, и в одном, и в другом, и в пятом, и в десятом месте уничтожены брянские партизаны.

— Уничтожены!

— Уничтожены!

— Уничтожены!

Докладывают Борнеманну: все спокойно кругом, все тихо, тише быть не может.

Выехал Борнеманн на проверку. Плавно бежит машина. Достигла соседнего поля. Поравнялась с соседним лесом. Все спокойно кругом. Все тихо.

Приятно смотреть на кусты, на дубы, на ели. Вот он, загадочный Брянский лес. Птицы щебечут, укрывшись в кронах. Солнце сквозь листья бросает жемчужный свет.

Едет машина. Вот дуб-богатырь появился справа. Вот ель-великан появилась слева.

Залюбовался каратель елью. Хороши у гиганта лапы.

И вдруг! Что такое! Расступились хвойные лапы. Поднялись на генерала в упор автоматы. Просвистали, прощелкали пули. Вновь сомкнулись у ели ветви. Вновь тишина на лесной дороге…

В машине, в портфеле у генерала, партизаны обнаружили очень важные документы. Были здесь и приказы из Берлина, и секретные штабные бумаги, и карты, и тоже секретные и даже особо секретные, как раз именно те, на которых указывалось расположение фашистских войск в самом преддверии Курской битвы.

В тот же день партизаны связались с нашими войсками, и портфель генерала Борнеманна спе-

циальным самолетом был отправлен в Москву.

Много отважных подвигов совершили брянские партизаны, помогая героям Курской битвы. Они и сами были ее героями.

ВНИЗ И ВВЕРХ

Полковник Шлиффен полком командовал. С полком и встретил час Курской битвы.

Во время Курского сражения фашисты несли огромные потери. Не составлял исключения и полк Шлиффена. И он утрушен. И он урезан. Прошло два дня, а полк, как ельник, войной разрежен.

Сосчитали в полку уцелевших. Как раз батальон набрался. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Слова говорил обидные. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из остатков полка батальон составили. Хоть и остался полковник в чине, однако батальоном теперь командует.

Продолжается Курская битва. Несладки дела у Шлиффена. От батальона рота едва осталась. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на

зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Словами стегал обидными. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из батальона роту теперь составили. Хотя и остался полковник в чине, однако ротой теперь командует.

Сдержали наши напор фашистов. Начали контрнаступление. Растут у фашистов опять потери, редеют полки и роты, как кроны березок в студеную осень.

Отступает с войсками Шлиффен. Подводит итог по роте. В роте не больше взвода. Вот он взводом уже командует. Спускается Шлиффен все ниже и ниже. Отделением уже командует. Еще бы шаг…

Разорвало советским снарядом Шлиффена.

Там же, под Курском, сражался ефрейтор Хупке. Улыбнулась судьба солдату. Не думал Хупке совсем об этом. Не мечтал о продвижении вверх по службе. Был он ефрейтором. Был доволен. И вот чудеса приключились с Хупке.

В первый же день Курской битвы погиб командир отделения, в котором служил Хупке.

С этого все началось.

Вызвал Хупке к себе лейтенант, командир их

пехотного взвода. Прибыл Хупке на зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Посмотрел лейтенант на Хупке. Глазами от пола до челки солдатской смерил.

— Гут! — сказал лейтенант.

Назначили Хупке командовать отделением.

Продолжается Курская битва. Все злее бои, все страшнее потери. Не минуют они и полк, в котором сражается Хупке. И вот в бою погиб командир их взвода. Пали и взводный, и все другие, из командиров во всем их взводе только Хупке один остался.

Вызвал Хупке к себе капитан, командир их пехотной роты. Прибыл Хупке.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Посмотрел капитан на Хупке. Царапнул от челки солдатской до пола взглядом.

— Гут! — сказал капитан.

Назначили Хупке командовать взводом.

Началось наше контрнаступление. Снова потери несут фашисты. Много фашистов тогда погибло. Был убит и капитан, командир роты, в составе которой сражался Хупке. И ротный убит,

и взводные все убиты. Из командиров в живых лишь Хупке один остался.

Вызвал Хупке к себе майор, командир их пехотного батальона. Прибыл Хупке.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

И вот назначен Хупке командовать ротой.

Поднимается Хупке все выше и выше. Батальоном уже командует. Еще шаг — и получит полк. Да закончилось вдруг продвижение. Столкнулся их полк с «катюшами». Лег, как трава на покосе, полк.

А как же Хупке? Жив, представьте, остался Хупке. Сдался нашим солдатам в плен.

ВЫШЛА ВПЕРЕД РАЗВЕДКА

Было это у города Грайворона.

Отступали фашисты. Отходят, отводят, спасают уцелевшие в боях под Курском военные части и боевую технику.

На одном из участков фронта вышла вперед наша разведка. Задание у разведчиков — уточнить пути, по которым отходят фашисты, определить, где находятся главные силы гитлеровцев.

Идут разведчики. Выполняют свою задачу. Видят, чуть в стороне от них кружат в небе фа-

шистские самолеты. Замкнули над чем-то круг. До самой земли пикируют.

Ясно разведчикам — атакуют фашисты какую-то нашу часть. Значит, сами фашисты не в этом месте. Доносят своим по рации:

— Справа наши. Берем левее.

Взяли они левее. Прошли немного, и вновь самолеты. Опять фашистские. Стали над чем-то вкруг. Почти до самой земли пикируют.

Ясно разведчикам — и в этом месте, конечно, наши. Доносят своим по рации:

— Слева наши. Идем вперед.

Прошли немного, и вновь самолеты. И вновь до земли пикируют.

Ясно разведчикам: и слева, и справа, и впереди — всюду, выходит, наши. Доносят своим разведчики:

— Наши уже впереди. Фашистов не видно рядом.

И уточняют, в каких местах фашисты с неба штурмуют наших.

— Все понятно, — слышат ответ разведчики.

Послали командиры вперед самолеты. Приказ: отогнать фашистов и взять под защиту советские подразделения.

Поднялись в воздух советские самолеты. В со-

ставе своей эскадрильи летел и лейтенант Абиш Куланбаев. Зорок, как беркут, Абиш Куланбаев. Достигли летчики цели. Ринулись в атаку. Отогнали фашистов. Смотрят на землю — что там за части. Видят, идут колонны: танки, орудия, автомашины. И слева колонны. И справа колонны.

— Что за войска? — гадают летчики. — Хозяйство Петрова? Хозяйство Смирнова? Танки майора Багироглы?

— Что за войска? — гадает и Абиш Куланбаев. Зорок, как беркут, Абиш Куланбаев. Спустился он ниже, вгляделся. И вдруг: фашистские кресты на бортах у танков. «Так это не наши идут колонны! Это идут фашисты!»

— Фашисты! — кричит Куланбаев.

Верно. Действительно шли фашисты. А фашистские самолеты над ними кружили и их атаковали — так, для отвода глаз. Пойди сообрази, что на своих они пикируют. На это и был у фашистов расчет. Пытались нас обмануть. Увезти без потерь боевую технику.

Разобрались, однако, наши. Открыли по врагам ураганный артиллерийский огонь. Прилетели советские бомбардировщики. Подошли советские пехотинцы.

Не спасла фашистов фашистская хитрость. Раз-

громили их наши в бою.

Разгромить разгромили, однако и выводы тоже сделали: не только с волком дело имеют. Фашист есть фашист, если надо — хитрой лисой прикинется.

НЕОБЫЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

На хитрость врага отвечали и наши военной хитростью.

Поражался Мокапка Зяблов. Непонятное что-то творилось у них на станции. Жил мальчик с дедом и бабкой недалеко от города Суджи в небольшом рабочем поселке, при станции Ленинской. Был сыном потомственного железнодорожника.

Любил Мокапка часами крутиться около станции. Особенно в эти дни. Один за одним приходят сюда эшелоны. Подвозят военную технику. Знает Мокапка, что побили фашистов наши войска под Курском. Гонят врагов на запад. Хоть и мал, да с умом Мокапка, видит — приходят сюда эшелоны. Понимает: значит, здесь, в этих местах, намечается дальнейшее наступление.

Идут эшелоны, пыхтят паровозы. Разгружают солдаты военный груз.

Крутился Мокапка как-то рядом с путями. Видит, новый пришел эшелон. Танки стоят на

платформах. Много. Принялся мальчик считать. Присмотрелся — а они деревянные. Как же на них воевать?!

Бросился мальчик к бабке:

— Деревянные, — шепчет, — танки.

— Неужто? — всплеснула руками бабка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, танки.

Поднял старый глаза на внука.

Помчался мальчишка к станции. Смотрит, снова идет эшелон. Остановился состав. Глянул Мокапка: пушки стоят на платформах. Много. Не меньше, чем было танков.

Присмотрелся Мокапка — так ведь пушки тоже никак деревянные! Вместо стволов — кругляки торчат.

Бросился мальчик к бабке:

— Деревянные, — шепчет, — пушки.

— Неужто?.. — всплеснула руками бабка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, пушки.

— Что-то новое, — молвил дед.

Много непонятного творилось тогда на станции. Прибыли как-то ящики со снарядами. Горы выросли этих ящиков. Доволен Мокапка:

— Здорово всыпят фашистам наши!

И вдруг узнает: пустые на станции ящики. «Зачем же таких-то и целые горы?!» — гадает мальчик.

А вот и совсем непонятное. Приходят сюда войска. Много. Колонна спешит за колонной. Идут открыто, приходят засветло.

— Наши идут! Наши идут! — голосит Мокапка.

Легкий характер у мальчика. Сразу познакомился с солдатами. Дотемна с ними сидит. Утром снова бежит в гости. И тут узнает: покинули ночью эти места солдаты.

Стоит Мокапка, опять гадает.

Не знал Мокапка, что применили наши под Суджей военную хитрость.

Ведут фашисты с самолетов разведку за советскими войсками. Видят, приходят на станцию эшелоны, привозят танки, привозят пушки. Замечают фашисты и горы ящиков со снарядами. Засекают, что движутся сюда войска. Много. За колонной идет колонна. Видят фашисты, как подходят войска, а о том, что ночью незаметно отсюда они уходят, об этом враги не знают.

Ясно фашистам — вот где готовится новое русское наступление. Здесь, под городом Суджей. Стянули под Суджу они войска, на других участках силы свои ослабили. Только стянули, а тут их

и ударили. Однако не под Суджей. В другом месте нанесли наши тогда удар. Был он направлен на город Белгород. Ворвались советские части в Белгород.

«КУТУЗОВ»

Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов известен всем. Это под его командованием русская армия в 1812 году разгромила полчища французского императора Наполеона I и изгнала их из пределов России.

«Кутузов» — так была названа одна из советских военных наступательных операций во время Курской битвы. Целью этой операции было окончательно разгромить фашистские войска, действовавшие севернее Курска, и освободить город Орел.

Именно сюда, на город Орел, и был направлен теперь удар советских войск.

В районе Орла фашисты создали мощную оборону. Минные поля, проволочные заграждения, глубокие окопы и укрепленные траншеи со всех сторон прикрывали подходы к городу.

Обороной Орла командовал фашистский генерал Модель, который получил прозвище «лев обороны».

Узнали наши солдаты про Моделя:

— Посмотрим, как львы сражаются.

В наступлении на фашистов, державших оборону в районе Орла, принимало участие сразу три фронта. Помимо Центрального — Брянский и Западный. Первым ударил Западный. Он шел с севера на Орел.

Загремели, заговорили пушки. Началось то, что называют военные артиллерийской подготовкой. Вот закончится артподготовка, замолкнут пушки, и лишь тогда в атаку ринутся пехота и танки. Все сильнее, сильнее гремят орудия. Ждут фашисты, когда окончится артподготовка, знают — раньше не быть атаке.

И вдруг перед фашистскими окопами советские войска. Не умолкают, грохочут пушки, а тут — войска!

— Как?

— Чудом каким?

— Откуда?!

В боях под Орлом был применен новый, советский военный прием. Солдаты пошли в атаку, не дожидаясь конца артподготовки. Рвутся еще снаряды. Укрылись фашисты поглубже в землю, забились в свои окопы. А наши солдаты уже в атаке.

Не встречали фашисты еще такого. Растерялись фашисты. Замешкались. Упустили для действий ответных время.

Ударил Западный фронт, и тут же ударил с востока соседний — Брянский.

Заметались фашисты. Помощь нужна! Помощь!

Стягивают они войска с юга, оттуда, где стоял готовый к атаке на север Центральный фронт. А тут ударил Центральный фронт.

С севера, с юга, с востока пошли войска.

Сокрушили, смяли войска трех советских фронтов мощную фашистскую оборону. Ворвались в Орел победители. По-кутузовски провели операцию «Кутузов».

«РУМЯНЦЕВ»

Румянцев тоже фельдмаршал. Тоже прославленный русский полководец. Отличился фельдмаршал Петр Александрович Румянцев в сражениях с Турцией. Молодой генерал Суворов сражался в подчинении у Румянцева.

«Румянцев» — так называлась вторая наша наступательная операция, которую советские войска провели во время великой Курской битвы.

Задача «Румянцева» — ударить по войскам, которые находились южнее Курска, разгромить здесь фашистов, освободить город Белгород, с боем ворваться в Харьков.

Два фронта готовились к наступлению: Воронежский, которым командовал генерал Ватутин, и стоявший южнее Степной во главе с генералом Коневым.

Началась операция «Румянцев». И вот в одном из стрелковых полков оказался солдат Румянцев.

Смешно солдатам от такого совпадения.

— И там «Румянцев» и ты Румянцев!

— Ты, может, потомком будешь?

Посмотрел на солдат Румянцев.

— Потомок, — сказал Румянцев.

— Да ну?!

— Откуда знаешь?

— А чем докажешь?

— Потомок, — опять повторил Румянцев.

На юге так же, как на севере под Орлом, фашисты возвели мощные оборонительные сооружения. И тут окопы, и тут заслоны. Всюду пушки, всюду мины. Нелегко здесь солдатам вперед прорваться. Тут нужны герои-солдаты.

Накануне сражения полк, в котором служил Румянцев, был выдвинут к линии наступления.

Совершали солдаты стремительный марш-бросок. Шагают солдаты, а сами нет-нет глазом скосят на Румянцева. Каков он, солдат, в походе?

Идет солдат. Землю шагом солдатским мерит. Едва поспевают за ним другие.

— Ничего, — рассуждают солдаты. — Солдатскую стать имеет.

Ночевали солдаты во время похода. Расположились в степи, в овраге. Готовятся солдаты ко сну, к покою. А сами нет-нет на Румянцева глянут. Каков он, солдат, на привале?

Расположился солдат на отдых. Первым делом свой автомат прочистил. Сбегал к ручью, воды принес и себе и товарищам. Поделился с соседом куревом.

— Подходящ, — рассуждают солдаты, — что-то в солдате солдатское есть.

Утром шагнули бойцы в сражение. В атаке, в жарком бою солдаты, а сами нет-нет на Румянцева снова глянут, какой он в бою, Румянцев?

Лих оказался в бою Румянцев, бил фашистов направо-налево. Пулям не кланялся. За спину других не лез.

— Братцы, вперед! — увлекал солдат.

Смотрят солдаты.

— Хорош. Молодец. Ничего не скажешь! Насто-

ящий, видать, солдат.

Сокрушили советские войска фашистскую оборону. С боем ворвались солдаты в Белгород. А вскоре освободили они и Харьков.

Повстречали солдаты солдата Румянцева. Не дает покоя бойцам неясность.

— Признайся же, братец, ты потомок того Румянцева?

Посмотрел солдат на бойцов загадочно.

— Потомок, потомок. Все мы потомки, — сказал солдат. — Потомки Румянцева. Внуки Кутузова.

НАДЕЖНАЯ ИНТУИЦИЯ

Накануне Курской битвы командный пункт командующего Центральным фронтом генерала Константина Константиновича Рокоссовского находился в одном из сел недалеко от линии фронта. Жил Рокоссовский в крестьянской избе. Напротив дома были каменные ворота в старинный запущенный парк. Рядом с домом — два великана тополя.

Фашистским летчикам показалось подозрительным это место. Приметили они и ворота, и дом, и два тополя.

Однажды прилетели сюда самолеты. Бросили бомбы. Час был поздний. В это время Рокос-

совский обычно находился дома, принимал посыльных из штаба. Прилетели самолеты. Сбросили бомбы. Один — осветительные. Другой — фугасные. И вот результат. Снесли под корень фашистские бомбы дом. Воронка — где были тополи. Уцелел Рокоссовский совсем случайно. Всего лишь за несколько минут до налета назначил штабистам для встречи другое место. Не оказалось в этот момент генерала в доме.

Улетели фашисты. Подошли к пепелищу командующий фронтом, ближайшие друзья и помощники Рокоссовского генералы Телегин, Малинин и Казаков. Смотрят генералы на Рокоссовского: мол, скажи, Константин Константинович, какое чудо тебя толкнуло нарушить порядок в приеме штабных посыльных, что увело из дома?

Улыбнулся друзьям Рокоссовский:

— Интуиция.

Время двигалось. Близилась Курская битва.

Когда окончательно стало ясно, что фашисты предпримут прорыв под Курском, ударят и со стороны Орла и Белгорода, возник вопрос: как быть с населением? Раздались голоса за то, чтобы эвакуировать всех мирных жителей с территории Курского выступа.

Вот какой приводился довод: а вдруг осилят фа-

шисты, прорвутся к Курску? Что же, снова наших людей к фашистам в рабство?

Генерал Рокоссовский во время спора решительно стал за то, чтобы людей не трогать.

— Не пустят войска фашистов, — сказал Рокоссовский.

— А вдруг не сдержат?!

— Сдержат.

— А вдруг прорвутся?

— Не прорвутся.

— У них же «тигры»! У них «пантеры»!

— Не прорвутся, — опять Рокоссовский.

— Ваши гарантии?

Устал Рокоссовский спорить, сказал:

— Интуиция.

И верно. Не пустили наши войска фашистов. Подтвердились слова Рокоссовского.

После Курской победы, уже после освобождения и Орла и Белгорода, кто-то напомнил Рокоссовскому тот разговор:

— Товарищ генерал, значит, не подвела интуиция?

— Не подвела, — подтвердил Рокоссовский. И следом за этим назвал количество советских танков и нашей артиллерии, нашей авиации и нашей пехоты, принимавших участие в Курской

битве. Цифры были огромными. Превосходили наши фашистов в силе. И танков было больше, и самолеты лучше, и артиллерия более мощная.

— Была интуиция, — сказал Рокоссовский. — Надежная интуиция.

ПОКЛОН ПОБЕДИТЕЛЯМ

Завершается Курская битва. И вот на привале сошлись солдаты. Курили, дымили, бои вспоминали. Кого хвалили, кого ругали. Озорные слова бросали. Потом притихли. И вдруг заспорили солдаты, кто под Курском лучше других сражался, кто почестей ратных и ратной славы больше других достоин.

— Летчики — вот кто лучше других сражался, — брошено первое мнение.

— Верно!

— Верно! — пошла поддержка.

И верно — отличились под Курском летчики. Били фашистов в небе. С неба врагов громили. Тут герой подпирал героя. Сама доблесть надела крылья.

— Летчикам честь и слава. Почет наш великий летчикам, — соглашается чей-то голос. И тут же: — Однако под Курском не летчики, а танкисты лучше других сражались. Танкисты по праву в

первых.

Вот и второе возникло мнение.

— Танкисты!

— Танкисты! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Высшей мерой явили под Курском себя танкисты. Грудью своей железной сломили они фашистов. Если скажешь: герои Курска — первым делом на память идут танкисты.

— Танкисты — народ геройский. Нет тут другого мнения, — снова раздался голос. — А все же, если тут говорить о первых, то первыми были под Курском артиллеристы. Артиллеристы, конечно, в первых.

Вот и добавилось третье мнение.

— Артиллеристы!

— Артиллеристы! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Герои — другого не скажешь про артиллеристов.

— Артиллеристы, конечно, боги, — соглашается чей-то голос. — И все же, если речь тут идет о первых, то, братцы, не к месту споры, пехота — вот кто законно в первых. Вот кто в боях под Курском сказал свое главное слово.

— Пехота!

— Пехота! — дружно пошла поддержка.

Спорят солдаты. Не рождается общее мнение.

Начинается новый круг:

— Летчики в лучших!

— Танкисты в первых!

— Артиллеристы!

— Пехота, братва, пехота!

Спорят солдаты. Спору конца не видно.

Чем бы закончилось, трудно сказать. Да только здесь пробасил над всеми басами голос:

— Слушай радио! Радио слушай!

Бросились все к приемникам. В эфире гремит приказ. В честь великой победы под Курском, в честь взятия Орла и Белгорода объявлен салют победителям. В Москве, артиллерийскими залпами. Двенадцатью залпами из ста двадцати четырех орудий.

И тут же слова о героях битвы: о летчиках и танкистах, об артиллеристах и пехотинцах. Все они вровень идут в приказе. Все они в главных, все они в первых. Всем им честь и слава.

Салют в честь войск, освободивших Орел и Белгород, был первым салютом Москвы победителям. С этих дней и пошли салюты.

Великой победой Советской Армии завершилась грандиозная Курская битва.

Глава шестая
ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ

ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ

После Курской победы Советская Армия быстро пошла вперед. Под ударами наших войск фашисты поспешно отходили на запад.

Широк, и могуч, и прославлен Днепр. Кручи седые стоят, как скалы. Словно ветер, быстра вода.

Здесь, на Днепре, на правом высоком его берегу, и укрепились теперь фашисты. Создали мощную оборону. В бетон и сталь заковали землю. Несокрушимой стеной из воды подымается правый берег.

Свою оборону на Днепре фашисты назвали Восточным валом.

Заявили фашисты:

— Неприступен Восточный вал!

Даже Гитлер сказал:

— Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские здесь продвинутся.

Подошли наши части к Днепру. И вдруг. С хода, без ожиданий, без остановки стали переправлять-

ся на правый берег. Устремились войска вперед.

Не сдержались фашисты:

— Стойте! Куда вы! Перед вами Восточный вал!

Переправляться через Днепр Советская Армия начала сразу же в нескольких местах.

Заметались фашисты по правому берегу. И здесь переправа, и там переправа. Гадают, где ожидать удара. Куда посылать резервы?

Доносит фашистским генералам разведка:

— У села Теремцы захвачена противником переправа.

Вступают фашисты в бой. Посылают под Теремцы подкрепление.

Новые вести несет разведка:

— У села Домантова захвачена противником переправа.

Посылают фашисты сюда подкрепление.

Все новые, новые вести идут с Днепра:

— Переправа у Припяти!

— Переправа южнее Припяти!

— Переправы на север от Киева.

— Переправы южнее Киева.

— Переправы возле города Кременчуга!

На огромном пространстве в шестистах километрах от города Лоева до города Днепропетровска вышла Советская Армия к Днепру. И сразу же

начала переправы.

Наступают фронты под руководством генералов

Рокоссовского,

Ватутина,

Конева.

Наступают армии

Пухова,

Чибисова,

Черняховского,

Шарохина,

Москаленко,

Монагарова и других генералов.

Наступают артиллеристы, танкисты, авиационные соединения и много других частей.

Колоссальная битва идет за Днепр. Сотрясаются левый и правый берега.

Не ожидали фашисты такого штурма. Затрещал их «Восточный вал».

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования координировал, то есть руководил, согласовывал действия советских войск на Днепре Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Смотрит маршал на переправы. Несокрушимо, как волны, идут войска. Все больше и больше

огня и силы.

Смотрит Жуков на эту силу:

— Вот он — Восточный вал!

ПЕРВЫЕ

Советские армии шли на Киев. Первыми переправу через Днепр в районе Киева начали бойцы 51-й гвардейской танковой бригады. Было это южнее Киева у села Великий Букрин. Но и среди этих были свои первые — это рота автоматчиков, которой командовал лейтенант Синашкин. Но и тут среди первых тоже нашлись первые.

Первыми были четыре бойца, четыре комсомольца, четыре гвардейца, четыре друга — Иванов, Петухов, Семенов и Сысолятин.

Четверо солдат должны были первыми переправиться на правый, занятый фашистами берег Днепра, открыть стрельбу, поднять панику среди фашистов, отвлечь их, и тем самым дать возможность всей роте, а затем батальону, а потом и бригаде переправиться через Днепр.

И вот левый берег. Друзья провожают героев в путь.

— Удачи! — кричат Иванову.

— Удачи! — кричат Петухову.

Обнимают, хлопают по плечу Семенова и Сы-

солятина.

Тронулись в путь бойцы. Ночь. Тишина. Вот-вот проклюнет рассвет на востоке. Плавно лодка идет по спокойной днепровской глади. В лодке пятеро: четверо бойцов, пятый — местный партизан, проводник и перевозчик Алексей Шаповалов.

Бесшумно, беззвучно гребет Шаповалов. Опускает в воду без всплеска весла. Поднимает без всплеска весла. Уключины смазал смолой заранее.

— Лишь бы себя не выдать. Лишь бы пройти незамеченным, — беспокоится за сохранность бойцов Шаповалов.

Все ближе и ближе правый высокий берег.

Не обнаружили, не заметили фашисты лодку с советскими бойцами. Взмах веслами. Взмах. Еще взмах. Вот и уткнулась лодка килем в песчаный берег.

Вышли бойцы на берег. Простился с отважными Шаповалов.

Поднялись балкой они на кручи. Завязали с врагами бой. Застрочили огнем пулеметы, заговорили огнем автоматы, полетели со свистом мины.

Решили фашисты — батальон тут, никак не меньше.

Идет на круче с врагами бой. А в это время там, на Днепре, начинают наши войска переправу. На лодках, на плотах, просто на бревнах, на досках, на надувных понтонах, на набитых соломой плащ-палатках, просто на связках ветвей и сена устремились солдаты на правый берег. За отделением рвется вперед отделение, за взводом стремится взвод, за ротой торопится рота. А вот и батальоны уже пошли. А вот и полки на днепровском марше.

Спохватились фашисты, открыли артиллерийский огонь по Днепру. Вызвали авиацию. Но ни сталь, ни огонь не сдержали напор штурмующих. Все больше, все больше советских бойцов на том, на правом, берегу. Все шире, все шире плацдарм Букринский. Захватили плацдарм солдаты.

…Река начинается с первых капель. Урожай начинается с первых зерен. Дом начинается с первого камня. Все начинается с малого, с первого.

Слава великая первому!

Солдаты Иванов, Петухов, Семенов и Сысолятин на Днепре, под Киевом были первыми. Они положили тогда начало. Все живы остались, все целы. Заслуженно Звезды Героев их грудь украсили.

ГОРПИНА ПАВЛОВНА

Было это севернее Киева, у села Лютеж, на одной из переправ через Днепр.

Переправляться на правый берег советским бойцам помогали партизаны и местные жители. Была среди них и колхозница Горпина Павловна Трегуб.

Уважаемым человеком была Горпина Павловна в своем колхозе. Не раз отмечали ее за хороший труд. За доброту на селе любили. Двоих сыновей имела. Оба сражались в Советской Армии.

Немолодой уже была Горпина Павловна. Лицо в морщинах, в мозолях руки.

Когда фашисты захватили ее родное село Сваромье, Горпина Павловна припрятала лодку. Стояла она за сараем, за поленницей дров. Следила за ней Горпина Павловна, оберегала. Верила: наступит минута — верную службу лодка сослужит советским воинам. Ждала она наших солдат. В нашу победу верила.

Затем шепнула про лодку своей соседке.

— Для наших, — сказала Горпина Павловна.

Подивилась соседка. Потом подумала: так ведь верно — наши придут с востока, с той стороны Днепра, как же наших встречать без лодок.

От соседки пошло к соседке, от дома к дому, от улицы к улице. Вот и у других людей появились лодки. Стояли они в селе за домами, за сараями. Дожидались своей минуты.

Дождались.

Когда началась переправа советских войск у Лютежа, Горпина Павловна в числе первых явилась со своей лодкой к Днепру. Кто помоложе, было к Горпине Павловне:

— Куда же ты, старая?!

— Туда к нашим, на левый берег.

Села в лодку, взмахнула веслами, первой приплыла к нашим.

Приплыла, остановилась, поклонилась солдатам в пояс.

— С приходом, родимые. Садитесь, сыночки. За вами прибыла.

Смотрят солдаты — старая женщина.

— Кто же ты такая?

— Мать я солдатская.

Сели солдаты в лодку.

Обратилась к солдатам Горпина Павловна:

— Семена Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?

— Нет среди наших, — сказали солдаты.

— Понятно, — ответила женщина. — Значит,

еще идут.

Оттолкнулись солдаты от берега. Села Горпина Павловна на весла. Кто-то сказал:

— Давай помогу, мамаша.

— Сиди, сиди, — улыбнулась Горпина Павловна. — Ваше дело там, впереди. — И добавила — Лодка меня уже пятьдесят лет как слушается. Кума я Днепру, родимые.

Перевезла женщина первую партию бойцов через Днепр и снова на левый берег. То на левом она берегу, то на правом. То на правом, то вновь на левом.

Встречает женщина наших воинов:

— Семена Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?

— Нет среди наших, — опять ответ.

Вздохнет Горпина Павловна:

— Значит, еще идут.

И снова за весла. И снова на правый, на левый берег.

Солнце клонилось к вечеру. А Горпина Павловна все с тем же вопросом к солдатам.

— Семена Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?

И вдруг:

— Знаем! Знаем! — кричат солдаты. — Тут они

оба.

Вышли к берегу оба. Красавцы. Гвардейцы. Каждый в саженный рост.

— Родимые! — вскрикнула старая женщина. Упала гвардейцам в слезах на грудь.

Пробегал офицер:

— Почему задержка?

Слышит в ответ:

— Мать тут. Матерь пришла солдатская.

Закончилась переправа. Потом, уже на том берегу, солдаты друг друга спрашивали:

— Ты с кем переправился?

— С Горпиной Павловной.

— А ты?

— С ней же, с Горпиной Павловной.

— Значит, выходит — крестники!

— Крестники! — смеются солдаты.

Много оказалось крестников у Горпины Павловны. И вправду — матерь она солдатская.

НЕВИДИМЫЙ МОСТ

Мост не игла, не булавка. Мост обнаружишь сразу.

Первые советские части переправились на правый берег Днепра вплавь — на катерах и лодках.

Однако армия — это не только люди. Это и

машины, и танки, и артиллерия. Для автомашин и танков необходимо горючее. Боеприпасы — для танков и артиллерии. Не переправишь все это вплавь. Не годятся здесь катера и лодки. Необходимы мосты. К тому же прочные, грузоподъемные.

Заметили как-то фашисты, что на одном из днепровских плацдармов вдруг появилось много советских солдат и военной техники.

Ясно фашистам — значит, где-то рядом построили русские мост. Отправились на поиск моста самолеты-разведчики. Летали, летали пилоты. Брали севернее от плацдарма, брали южнее, поднимались вверх по течению Днепра, опускались вниз, к самой воде снижались — нет, не видно нигде моста.

Вернулись летчики из полета, докладывают:

— Не обнаружен мост. Видимо, нет моста.

Гадают фашисты — как же, каким тогда чудом переправились русские. Вновь посылают они разведку. Опять на поиск ушли самолеты.

Один из пилотов оказался других упорнее. Летал он, летал — и вдруг: что такое? Смотрит, глазам не верит. Протер глаза. Снова смотрит, опять не верит. Да и как тут поверишь! Там, внизу, под крылом, через Днепр идут советские

солдаты. Идут без моста, по воде и не тонут. А вот и танки тронулись следом.

Вернулся летчик поспешно на аэродром, генералу докладывает:

— Идут по воде солдаты!

— Как по воде?!

— По воде, по воде, — уверяет летчик. — И танки идут и не тонут.

Сел генерал к летчику в самолет. Подлетели они к Днепру. Все верно — идут по воде солдаты. И танки тоже идут и не тонут.

Смотришь вниз — чудеса, да и только!

Саперы-умельцы соорудили мост так, что настил его не возвышался над водой, как обычно, а, наоборот, уходил под воду — ниже уровня воды укрепили настил саперы.

Глянешь на этот мост — все верно: идут по воде солдаты.

Люто бомбили фашисты мост. Бомбили, да бомбы летели мимо. И впрямь на редкость оказался этот мост невидимым.

СНЕГ НА ГОЛОВУ

5-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Кравченко быстрым маршем шел на помощь войскам, удерживавшим плац-

дарм под Лютежем.

Путь к Днепру танкистам преграждала река Десна. Десна в этих местах глубокая, дно у нее неровное, течение быстрое. Чтобы преодолеть ее, танкам нужны тяжелые паромы или мосты. Мост за час не построишь. А у Лютежа ждут помощи. Нажимают здесь фашисты на наших. Вот-вот и сбросят наших солдат с плацдарма.

Знают фашисты, что с востока в этих местах Днепр прикрывает река Десна. Знают, что Десна здесь глубокая, с быстрым течением. Не пройдут тут танки. Не поддержат вовремя пехоту под Лютежем. Спокойны фашисты. И вдруг:

— Танки под Лютежем!

— Танки под Лютежем!

Как же здесь появились танки?

Когда подошли наши танки к Десне и остановились, командир корпуса генерал Кравченко попросил привести к нему местных жителей — стариков, а главное — рыболовов.

— Есть броды? — спрашивает Кравченко.

— Да как сказать, — отвечают старики и рыболовы. — Для кого, может быть, и нет, а для кого и есть.

— Ну-ну? — поторапливают танкисты.

— Для человека брода, конечно, нет, для телеги

тоже. А для танка, может, и сыщется.

Стали танкисты исследовать дно реки, выискивать, где глубина поменьше, где дно потверже.

Стали и местные жители помогать.

— Вот тут помельче.

— Вот тут наискосок удобнее.

Искали, искали танкисты удобных мест, и все же самая малая глубина в полный рост танка. Если попробовать переходить Десну бродом, то лишь чуть-чуть башенный люк из воды покажется.

— Да-а!

Задумался генерал Кравченко. Задумались и другие танковые командиры.

— И все же выбора у нас нет, — наконец сказал командир корпуса. — Будем форсировать Десну бродами.

Отдал генерал Кравченко приказ о форсировании. Пришлось танкистам проявить солдатскую смекалку и изобретательность.

Все щели и отверстия в танках законопатили они паклей, промазали смолой. На выхлопные трубы надели брезентовые рукава и вывели их так, чтобы они поднимались выше уровня реки. На реке вдоль брода установили вешки.

И вот для пробы двинулся первый танк. За-

мерли все на берегу, впились глазами в танк: пройдет, не пройдет, пройдет, не пройдет.

Опустилась громада в воду. Все выше вода, все выше, все ниже в воду уходит танк. Люк на танке открыт. Из люка выглядывает командир. Следит за вешками, подает команду вниз водителю. Водитель сидит в темноте, ничего не видит. Лишь крепко вцепился в рычаги, выполняет команды командира.

Медленно ползет танк. На первой скорости. Как ни задраивали, ни конопатили щели, а все же вода проникает в танк. У механика-водителя ноги уже в воде. Вот достигла вода пояса. Задержалась. Выше опять пошла. Вот плечей достигла. Секунда, и побежит за ворот.

Но все. Дальше вода не двинулась. Остановилась. Отступила вода обратно. Вот отпустила грудь. Вот отошла до пояса. Вот лишь ноги одни в воде. Вот и вовсе вода исчезла. Вышел танк из Десны. Взревел мотором. Дернулся. Отряхнулся, как огромная утка.

60 боевых машин, весь танковый корпус, прошли тогда по дну Десны. Явились танкисты под Лютеж, как во времена Суворова, словно снег на голову, словно лавина с гор.

«Танк на голову» — назвали солдаты этот бро-

сок танкистов.

ОТПУСК

Много советских армий принимало участие в битве за Днепр. В том числе и армия, которой командовал генерал Иван Данилович Черняховский.

Был Черняховский одним из самых молодых и самых любимых солдатами генералов.

Началась эта история как раз перед самым наступлением на Днепр. Армия готовилась к предстоящим боям. В полках и дивизиях проводились различные тактические учения. Вернулся как-то Черняховский с учений к себе в штаб. Стал принимать доклады от штабных офицеров.

Подают офицеры командующему различные бумаги. Одни для ознакомления, другие на подпись, третьи для соответствующих распоряжений.

Вот и еще бумага.

— Товарищ командующий, — докладывает офицер. — На ваше имя по команде получен рапорт сержанта Турушканова.

Сержант Турушканов просил предоставить ему краткосрочный отпуск домой. Случай был редкий. С фронта в отпуск просились в исключи-

тельных случаях.

Вызвал генерал Турушканова.

— Слушаю вас, сержант. Что там у вас случилось?

Растерялся солдат от неожиданности. Не думал, что к командующему его вызовут. Стоит, о просьбе сказать не решается.

— Слушаю вас, сержант, — повторил Черняховский.

Рассказал солдат. Оказалось, тяжело заболела у Турушканова мать. Сын он один. Нет никого у нее родных. Вот и просился сержант на несколько дней домой.

Посмотрел Черняховский на солдата, на его гимнастерку, подумал, произнес:

— Скажите, а что, если вы поедете через три-четыре дня?

Обрадовался солдат.

— Можно и через три-четыре, и через пять, товарищ генерал.

— Вот и хорошо.

Посмотрел опять Черняховский на солдата, на солдатскую гимнастерку.

— Это я говорю к тому, — сказал Черняховский, — что неудобно фронтовику появляться в родных местах без награды.

Действительно, нет на гимнастерке у Турушканова пока наград.

— Так не было случая… — замялся солдат.

— Будет случай, — сказал Черняховский.

Отпустил генерал Турушканова.

А на следующий день пошла Советская Армия в наступление. Прорвала фашистский фронт и устремилась к Днепру.

Лихо сражался сержант Турушканов. В первом же бою уничтожил двенадцать фашистов.

Орденом Красного Знамени был награжден солдат Турушканов. Сам генерал Черняховский награду ему вручил.

— Ну вот, теперь можно и в отпуск, — сказал Черняховский.

Поехал солдат героем в родную деревню.

Ценил Черняховский смелых. Он и сам отличался необыкновенной храбростью. Дважды Героем Советского Союза был генерал Иван Данилович Черняховский.

Вскоре после разгрома фашистов на Днепре Черняховского назначили командовать фронтом. Было тогда генералу всего 37 лет.

Войска под командованием генерала Черняховского освобождали Советскую Белоруссию и Советскую Прибалтику. Затем сражались на

фашистской земле в Восточной Пруссии. Штурмовали столицу Восточной Пруссии город-крепость Кенигсберг. Война приближалась к концу. Но не дожил полководец до великого Дня Победы. Смертью героя он пал в бою.

Погиб генерал. Однако славу навек оставил. Добрую славу, солдатскую славу.

С БУКРИНА, С ЛЮТЕЖА?

Удержали наши войска под Киевом переправы, создали два крупных плацдарма. Один — южнее Киева, недалеко от селения Великий Букрин. Этот плацдарм назывался Букринским. Второй был создан севернее Киева, у селения Лютеж. Это был Лютежский плацдарм.

Решался вопрос, с какого плацдарма начать наступление на Киев. Решают этот вопрос советские генералы. Ломают головы и фашисты. Наши решают, где лучше ударить. Фашисты — где же ударят наши?

Гадают фашисты:

— С Лютежа, с Букрина?

— С Букрина, с Лютежа?

Усилили фашисты разведку и наблюдение. Все учитывают, все подсчитывают, все взвешивают. Скорее всего русские ударят с Букрина.

И действительно, собирались вначале советские войска атаковать с Букрина. Однако затем изменили решение. Главный удар на Киев было решено произвести с Лютежского плацдарма.

Изменить направление на штабных картах дело совсем простое. А вот передвинуть незаметно войска, технику и снаряжение на новое место куда сложнее. Рыщут в небе фашистские самолеты-разведчики, зорко следят за дорогами.

Танки и артиллерию стали перемещать скрытно, ночью. Но и это тоже не самое сложное. Сложнее сделать так, чтобы неприятель не заметил, что опустели, оголились старые позиции. Тогда и здесь, как под Суджей, на месте настоящих танков и пушек, ушедших под Лютеж, устанавливали наши бойцы танки и пушки, сделанные из фанеры. Доносят фашистские разведчики:

— Все без изменений. Танки и орудия на старых стоят позициях.

Но и этого мало.

Опустели во многих местах штабные помещения и командные пункты. Ушли командиры со своими соединениями на Лютежский плацдарм. Но не все ушли из штаба. Остались здесь небольшие группы. Остались и радиостанции. «Трудятся» в полную силу штабы. Даже «работу»

еще усилили. Не умолкают радиостанции.

Доносят фашистские разведчики:

— Усилили работу штабы у Букрина.

— Не утихают радиостанции.

Ясно фашистским генералам: прорыв будет здесь, под Букрином.

— Разгадали мы планы русских!

И вот 1 ноября 1943 года войска на Букринском плацдарме действительно перешли в наступление. Сняли фашисты дивизии с соседних участков фронта, в том числе и из-под Лютежа, и перебросили сюда, под Букрин.

Торжествуют фашисты:

— Разгадали мы планы русских!

Выждали наши, когда вовсю разгорелось сражение, и только тут-то ударили из-под Лютежа.

Хорошо был продуман удар советскими генералами. Затрещала фашистская оборона. Прорвали ее солдаты. Прорвали, пошли на Киев.

Этой труднейшей переброской советских войск из-под Букрина к Лютежу руководил заместитель командующего фронтом генерал Гречко.

Кончилась война. Наступило мирное время. Маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко многие годы был министром обороны СССР.

КИЕВ

Село Новопетровцы. Рядом с Лютежем. Здесь командный пункт командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Федоровича Ватутина.

Зорко Ватутин следит за боем.

Генерал Ватутин был одним из наиболее талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Вместе с другими он бил фашистов под Сталинградом, бил под Курском, вышел теперь к Днепру.

Идет наступление на Киев. Поступают на командный пункт донесения.

— Артиллерия усилила огонь по противнику.

— Так. Хорошо, — отвечает Ватутин.

— Дивизии двинулись на прорыв.

— Так. Хорошо. Поднять самолеты в воздух.

— Танки подходят к дачным районам Киева.

— Так, так. Хорошо. Усилить огонь на флангах.

Фашисты упорно сопротивлялись. Они стали подтягивать сюда, на Лютежский плацдарм, свежие силы. Разобрались теперь фашисты — не со стороны Букрина, со стороны Лютежа главный идет удар. Гонят сюда, на север от Киева, фашисты свои войска.

Не дать им опомниться — принимает решение Ватутин. Отдает он приказ войскам продолжать наступление и ночью.

— Бросить в прорыв танкистов, — распорядился Ватутин. — Пусть зажгут фары. Побольше жизни. Побольше жара.

— Есть побольше жизни, больше жара, — ответили танковые командиры.

Зажгли танкисты мощные танковые фары. Ослепили фары фашистов. Включили мощные танковые сирены. Оглушили врагов сирены. Открыли танкисты огонь из пушек и пулеметов.

Не устояли фашисты. Бросились в бегство.

— Бросились в бегство фашисты, — докладывают на командный пункт генералу Ватутину.

— Так. Хорошо, — отвечает Ватутин. — Ну что ж, вперед, на Киев!

Советские войска ворвались в пригороды Киева и устремились к центру.

Идут, идут. Входят в Киев советские воины. Вот Брест-Литовское шоссе. Вот завод «Большевик». Киевская кинофабрика. Зоопарк. Вот бульвар Ленина. Киевский университет. Памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко. И вот, наконец, Крещатик. Крещатик — центральная, красивейшая улица города. Только сейчас весь разбит, в руинах

лежит Крещатик.

Вышли сюда солдаты, подняли над Крещатиком, над Киевом, красный флаг.

— Наши войска на Крещатике, — докладывают на командный пункт генералу Ватутину.

— Так, так. Хорошо. Молодцы. Поздравляю, — отвечает Ватутин. — Сегодня Киев, а завтра, смотри, — Берлин.

Только не пришлось генералу Ватутину брать Берлин. Вскоре после освобождения Киева погиб он в тяжелых боях за Родину.

Ныне цветет, хорошеет Киев. Снова в садах, в каштанах. Крещатик — опять красавец. Над Днепром, на высокой днепровской круче, в парке, поднялся памятник советскому генералу. Внизу на граните надпись: «Генералу Н. Ф. Ватутину от украинского народа».

ПОРОЖКИ

В январе 1943 года Советская Армия начала прорыв ленинградской блокады. Советским войскам удалось пробить узкий коридор и отогнать фашистов на несколько километров от берега Ладожского озера. Но на большее тогда не хватало сил.

Прошел почти год.

И вот теперь, после разгрома фашистов под Курском и на Днепре, здесь, под Ленинградом, началось новое наступление.

Войсками Ленинградского фронта командовал генерал Леонид Александрович Говоров.

14 января 1944 года войска перешли в наступление.

К этому времени фашисты уже не мечтали захватить Ленинград. Их задача теперь — удержаться на старых позициях. Укрепили они позиции. Создали крепкую оборону. Построили специальные огневые точки. Это пулемет или пушка, укрытые железобетонным колпаком. Толщиной в метр и более были стены у этих укрытий. Прорвать такую оборону и предстояло советским солдатам.

И вот пошли войска в наступление.

Ждет генерал Говоров, ждут другие генералы на командном пункте фронта первых сообщений от наступающих войск. Вот оно, поступило наконец первое сообщение.

Держит генерал Говоров трубку полевого телефона, слушает. Потеплело лицо. Улыбнулся. Значит, вести слышит хорошие.

— Так, так, — изредка произносит Говоров.

Слушает, слушает. Но вот чего-то не разобрал.

— Как, как? — переспросил. — Повторите, — попросил.

Повторили.

Пожал Говоров плечами. Видимо, опять что-то не очень ясное.

Вновь повторили.

— Ах, название. Теперь понятно, — сказал Говоров. — Значит, селение так называется?

— Так точно, товарищ командующий, — селение.

Закончил Говоров разговор, повернулся к своим помощникам:

— Поздравляю, товарищи, первый успех наметился. А вот и первый трофей. — Генерал сделал паузу, посмотрел на помощников: — Порожки.

— Что порожки? — не понял кто-то.

— Порожки. Деревня с названием Порожки, — сказал Говоров. — Вот первый населенный пункт, который взят в наступлении нашими войсками. Ну что ж — если Порожки перешагнули, можно теперь и дальше.

Пошло гулять по фронту:

— Перешагнули через Порожки.

— Переползли.

— Переехали.

— Через Порожки прыгнули.

Двинулись войска за Порожки дальше. Ударили с севера, ударили с востока. Прорвали фашистскую оборону. Покатились враги на запад.

За умелую оборону Ленинграда, за прорыв фашистской блокады и за дальнейший разгром фашистов в битве под Ленинградом командующий Ленинградским фронтом генерал Говоров вскоре получил самое высокое в нашей стране военное звание. Он стал Маршалом Советского Союза.

ГОРЫ

Слева и справа холмы чуть заслонили небо. Между ними лежит равнина. Февраль. Снег укутал холмы и поле. Вдали чуть виден, стоит ветряк. Ворон над полем раскинул крылья.

Страшно глянуть на поле. И вширь и вдаль, куда только хватает глаз, фашистских мундиров горы. А рядом горы сгоревших танков, разбитые пушки — металла сплошные груды.

Здесь шла Корсунь-Шевченковская битва.

Корсунь-Шевченковский — город на Украине. Здесь, южнее Киева, недалеко от Днепра, в январе 1944 года советские войска окружили десять фашистских дивизий.

Предложили наши фашистам сложить оружие.

Направить парламентеров. Вручили они фашистскому генералу Вильгельму Штеммерману, который командовал окруженными гитлеровцами, наши условия.

Отклонил предложение Штеммерман. Отдали ему из Берлина строжайший приказ держаться.

Крепко держались фашисты. Но сжали, сдавили фашистов наши. И вот осталось у фашистов совсем немного — село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин.

Стояла зима. Февраль набирал силы. Вот-вот завьюжит.

Погодой и намеревался воспользоваться Штеммерман. Решил он дождаться метельной ночи и двинуться на прорыв.

— Не все, господа, потеряно, — сказал Штеммерман офицерам. — Укроет нас вьюга. Пробьемся из плена.

— Укроет нас вьюга, — вторят офицеры.

— Укроет нас вьюга, — зашептались солдаты.

Ждут все вьюгу. На снег и буран надеются.

Явились буран и снег.

Собрались фашисты в ряды, в колонны. Двинулись на прорыв. Незаметно пройти надеялись. Однако были на страже наши. Зорко следили они за фашистами. Село Шендеровка, село Комаровка,

местечко на взгорке Скибин — здесь и грянул последний бой.

Не спасли фашистов февраль и вьюга. Сражались фашисты с напором, с упорством. Шли, как безумные, напролом. Однако сила была у наших.

Страшно после сражения было глянуть на поле битвы. Генерал Штеммерман тоже остался на этом поле. «Укроет нас вьюга», — вспомнил свои слова.

55 тысяч фашистских солдат и офицеров было убито и ранено в Корсунь-Шевченковской битве. Много тысяч попало в плен.

Ходит, гуляет по полю вьюга, укрывает снегом солдат фашистских.

ОКСАНКА

— Воевал?

— Воевал!

— И ты воевал?

— И я воевал!

— И Манька, — сказал Тараска.

— И Оксанка, — сказала Манька.

Да, воевали ребята: и Тараска, и Манька, и Филька, и Гришка, и, представьте, Оксанка тоже, хотя Оксанке всего-то неполный год.

В дни, когда только-только окружили наши

войска фашистов под Корсунь-Шевченковским, стояла небывалая для этой поры распутица. Морозы ослабли. Началась оттепель. Дороги размякли, разбухли, раскисли. Не дороги, а слезы, сплошная хлябь.

Буксуют машины по этой хляби. Тягачи бессильны на этой хляби. Танки и те стоят.

Остановилось кругом движение.

— Снарядов! Снарядов! — на фронте кричат батареи.

— Дисков! Дисков! — требуют автоматчики.

Кончается минный запас на фронте, скоро не станет гранат, пулеметных лент.

Нужны войскам мины, снаряды, гранаты, патроны. Однако остановилось кругом движение.

Нашли бойцы выход. На руках понесли снаряды, на руках потащили мины. Гранаты, фугасы, диски взвалили себе на плечи.

Видят жители местных сел, в чем нужда у Советской Армии.

— И мы не безрукие!

— Давай груз и для наших плеч!

Пришли колхозники на помощь советским воинам. Нагрузились люди свинцовой ношей. К фронту сквозь хляби двинулись.

— И я хочу, — заявил Тараска.

— И я хочу, — заявила Манька.

И Филька, и Гришка, и другие ребята тоже.

Посмотрели на них родители. Взяли с собой ребят. Нагрузились и дети для фронта ношей. Тоже несут снаряды.

Получили солдаты боеприпасы. Снова огонь по врагам открыли. Заухали мины. Заговорили, забили пушки.

Возвращаются ребята домой, слушают, как рвутся вдали снаряды. Взрыв, взрыв, вот еще — самый сильный взрыв.

Остановились ребята.

— Мой снаряд взорвался, — говорит Тараска.

— Нет, мой! — возражает Филька.

— Нет, мой! — уверяет Гришка.

— Мой! Я его нес, — упрямо твердит Тараска.

— Нет, мой! — упирается Филька.

— Так это же точно — мой! — не сдается Гришка.

Вот-вот и возникнет ссора. А тут сразу несколько взрывов ахнуло.

— Наши! — сказала Манька.

Сошлись ребята на этом слове.

— Наши! — сказали хором.

Ну а при чем же, скажете вы, Оксанка? Оксанке всего-то неполный год.

Мать Оксанки тоже хотела помочь солдатам. Но как быть с Оксанкой? Не с кем оставить Оксанку дома. Взяла ее мать с собой. Сзади за плечами несла она мешок с дисками для автоматов, а впереди на руках Оксанку. Для забавы сунула ей патрончик.

Когда достигли колхозники назначения и вручили бойцам поклажу, один из бойцов увидел Оксанку, подошел, наклонился:

— Откуда ты, малое?

Посмотрела на бойца девочка. Улыбнулась. Моргнула. Протянула ему ручонку. Смотрит боец, на ручонке лежит патрончик.

Принял боец патрон. В обойму автоматную вставил. «Спасибо», — сказал Оксанке.

МАТРОССКОЕ СЕРДЦЕ

В 1941 году, еще в первые месяцы войны, фашисты захватили Советский Крым. Они подошли к Севастополю.

250 дней и ночей советские моряки и солдаты героически обороняли город-крепость на Черном море. Но силы были неравными. Летом 1942 года прибыл приказ оставить войскам Севастополь.

Прощался матрос с Севастополем. Поклонился он морю и солнцу. Бухте Северной, бухте Южной.

Простился с Приморским бульваром и Графской пристанью. Прощайте, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона.

Прощался матрос с Севастополем. Сердце в волнах оставил. Клятву вернуться дал.

Бросала судьба по фронтам матроса. Вдали от моря с врагом он сражался.

Вспоминал Севастополь. Море и солнце. Графскую пристань, бульвар Приморский. Как там курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона?

— Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Лют, беспощаден в боях матрос.

Бывало, друзья к матросу:

— Ты что же, сердца никак лишился?

Отвечает друзьям матрос:

— Нет сердца — в волнах оставил.

Нелегкие годы провел матрос. Ранен, контужен, увечен, калечен. Снарядами мечен. Минами сечен.

Но жив, не убит матрос.

— Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Вяз он в болотах, тонул на переправах. Дожди исхлестали. Кожу сдирал мороз.

Устоял, не погиб матрос.

— Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

До Волги дошел матрос. От Волги шагал матрос. Дрался под Курском. Путь пробивал к Днепру. Славу матросскую нес, как факел.

Слово сдержал матрос.

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идет мощное советское наступление. Началось оно и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. Подошли к Севастополю. Сапун-гора на пути к морю. Укрепили ее фашисты. Прикрыла она Севастополь.

Возьмешь Сапун-гору — и твой Севастополь!

Пошли наши бойцы на огонь, пробили дорогу к городу.

9 мая 1944 года советские войска штурмом вошли в Севастополь и фашистов сбросили в море.

Слово сдержал матрос. Вернулся в родной Севастополь.

— Здравствуйте! — крикнул он морю и солнцу.

— Здравствуйте! — крикнул он бухте Северной, бухте Южной.

— Здравствуйте! — крикнул бульвару Приморскому, Графской пристани.

— Привет вам, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона.

Слово сдержал матрос. Вышел он к морю. На флагштоке у Графской пристани бескозырку как флаг повесил.

Отдали волны матросское сердце. Трепетно вынесли на руках.

ВСЕЗНАЙКА

Артиллерист Иван Можаров был ранен под Выборгом. Город Выборг находится на Карельском перешейке, на северо-запад от Ленинграда.

Здесь, на Карельском перешейке, и далее на север против нас вместе с фашистами сражались финны.

Финский народ устал от войны. Он хотел жить в мире со своим великим соседом. Но тогдашние правители Финляндии были враждебно настроены к Советскому Союзу.

— Вперед! Вперед! — подгоняли они на фронте своих солдат.

Финские войска захватили значительную часть Советской Карелии с севера, со стороны Карельского перешейка принимали участие в блокаде Ленинграда.

Наступил момент и здесь разгромить захват-

чиков.

Ранним утром 10 июня 1944 года советские войска перешли в наступление. Они получили приказ очистить от неприятеля Карельский перешеек и к 20 июня освободить город Выборг.

В этих боях при взятии Выборга и был ранен солдат Иван Можаров.

Попал артиллерист во фронтовой госпиталь, а затем для окончательного излечения был отправлен в тыл. Стали здесь интересоваться у Можарова, как там, на Карельском перешейке, шли бои.

Пришлось рассказать солдату.

Начал артиллерист с того момента, когда их артиллерийская бригада, — а находилась она в те дни в резерве фронта, — получила приказ выступить на передовую.

— Что и было сделано, — сказал солдат. — Выступили.

Нашелся местный всезнайка, сказал:

— Значит, резервы двинули.

Рассказал Можаров, как передвигались они к передовой, как вышли к реке Сестре. Здесь, совсем рядом с Ленинградом, тянулась линия фронта. Карельский перешеек был сильно укреплен. У одной стороны перешейка Балтийское море,

Финский залив, с другой — Ладожское озеро. Сам перешеек перерезали три линии фашистской обороны.

Получили артиллеристы приказ занять исходные позиции.

— Что и было сделано, — сказал солдат. — Заняли.

— Значит, будет артподготовка, — вставляет местный всезнайка.

— Верно, — сказал Можаров.

Более двух часов гремели тогда орудия, прорывая фашистскую оборону. Лишь после этого войска перешли в наступление. На одном из участков прорыва, недалеко от Белоострова, на пути у наступающих войск оказался огромный неприятельский дот. Батарея, в которой служил Можаров, получила приказ уничтожить дот.

— Что и было сделано, — опять сказал Можаров. — Уничтожили.

— Крупным калибром били, — сказал всезнайка.

— Правильно, — подтвердил Можаров.

Рассказал Можаров, как подтянули солдаты к доту на близкое расстояние мощные орудия, как открыли огонь прямой наводкой. Стены у дота железобетонные. Толщина их два метра. Долго

держался фашистский дот.

— Бей в одну точку, — командовал командир батареи.

Стали артиллеристы посылать снаряд в снаряд, то есть по три, по четыре раза били точно в одно и то же место. Стал поддаваться упрямый дот. Доконали, разбили его солдаты. Разбили этот и много других. Прорвали солдаты первую полосу неприятельской обороны. Впереди было еще две.

— Впереди будет еще две, — снова вставил всезнайка слово.

— Верно, — сказал Можаров.

Вышли солдаты ко второй полосе. Получили приказ штурмом осилить и эту.

— Что и было сделано, — снова сказал Можаров. — Осилили.

— Обошли стороной, — снова вставляет всезнайка.

— Так точно, — подтвердил Можаров. И рассказал, как было.

Не в лоб здесь ударили наши. Обошли полосу, приблизились к ней со стороны Финского залива. Снова выдвинули вперед артиллерию. Она и решила дело.

Рухнула вторая полоса обороны. Не устояла потом и третья. Взять штурмом Выборг — после-

довал теперь приказ.

— Что и было сделано, — сказал всезнайка.

— Верно, — сказал Можаров. — Взяли мы штурмом Выборг. Как приказано, так и сделано.

— Точно по приказу — 20 июня, — сказал всезнайка.

Действительно, Выборг был взят советскими войсками 20 июня 1944 года, точно в тот самый день, который был указан в первом же приказе.

— Верно, — сказал Можаров. Посмотрел на слушателей. Потом посмотрел на всезнайку. Откуда это он все знает?

Улыбнулся всезнайка:

— Так я же оттуда, с Карельского перешейка. В бригаде одной сражались.

Рассмеялся Можаров. Рассмеялся всезнайка. При всех горячо обнялись.

— Значит, как приказано, так и сделано, — сказал всезнайка.

— Как приказано, так и сделано! — подтвердил Можаров.

Вскоре после падения Выборга финское правительство запросило мира. Финляндия вышла из войны с Советским Союзом.

«БАГРАТИОН»

«Багратион» — так называлась огромная наступательная операция, которую провели наши войска, освобождая Советскую Белоруссию.

Проходила она летом 1944 года.

Петр Багратион — сподвижник и ученик Александра Суворова, ближайший соратник Михаила Кутузова. Это был решительный генерал. Называли его генерал-атака. Такой же решительной, наступающей была и Белорусская операция. Принимали в ней участие войска четырех фронтов.

Долго и скрытно готовилась операция. Составлялись планы. Намечались места ударов. Подвозилось новое вооружение, горючее, боеприпасы. Сосредоточивались в нужных местах войска.

В июне 1944 года Белорусская стратегическая операция «Багратион» началась. Сразу четыре фронта пошли в грандиозное наступление. Наши наступали с севера, востока и юга.

Устремились войска вперед, сломили фашистскую оборону. И вот с фронтов одно за одним сообщения:

Наши войска окружили фашистов под городом Витебском.

Вступили в Жлобин.

Фашисты бегут из Орши.

Взят Могилев.

Фашисты окружены под Бобруйском.

Взяты Слуцк,

Борисов,

Вилейка,

Несвиж.

И вот новое, самое радостное, самое важное. 3 июля 1944 года наши войска освободили столицу Советской Белоруссии город Минск. Не только освободили Минск, но восточнее города окружили фашистов, загнали в большой «котел».

Дальше пошли войска. И снова идут сообщения:

— Взяты Полоцк,

Молодечно,

Ошмяны,

Лепель.

Наши в Барановичах!

Наши в Гродно!

Пинск встречает освободителей.

Лида свободна!

Свободен Слоним!

Все дальше, дальше отодвигается линия фронта. Все больше белорусской земли свободной.

Продолжают войска наносить удар.

Собрались как-то командующие всех четырех фронтов, гнавших по белорусской земле фашистов, — генералы Рокоссовский, Черняховский, Баграмян, Захаров. Собрались другие военачальники. Вместе со всеми и представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы Жуков и Василевский.

Посмотрел на соратников маршал Жуков:

— Не посрамили, выходит, память.

Догадались советские генералы:

— Багратиона?

— Багратиона, — ответил Жуков.

ДВА ПРОЦЕНТА

Произошло это в городе Витебске. Через Витебск протекает река Западная Двина. Затем течет она по территории Латвийской Советской Республики и называется Даугава. Витебск стоит на холмах, на кручах. Забрались дома на кручи. Смотрятся в воды Двины как в зеркало.

В городе через Западную Двину переброшен мост. Многое при штурме Витебска зависело от этого моста. Мост был заминирован. Поднять его в воздух дело одной секунды.

Группа саперов под командованием сержанта

Блохина получила задание захватить мост и обезопасить его от взрыва.

Выполнить такое задание чрезвычайно сложно, почти немыслимо. Гарантия удачи — два процента из ста возможных. Чуть что — взорвут немедля фашисты мост.

Главное, понимает Блохин, это убрать охрану. Но надо тихо, всех сразу, в один момент.

— Да, братцы, нелегкое нам задание, — вслух произнес Блохин.

И солдаты понимают — задание сложное. Даже если один из фашистов в живых останется — пропал непременно мост. Лучше всего напасть на охрану моста, конечно, в ночное время. На ночь и отложили бойцы атаку. А пока подобрались тихонько к мосту, залегли, наблюдают за охраной. Зорко следят бойцы. Считают, сколько фашистских солдат охраняет мост. Когда меняются караулы. Где находится помещение для караула. Чем вооружена охрана. Есть ли пулеметы, и если есть, то сколько их и где установлены.

Все подсчитали солдаты, все на заметку взяли. Начинают теперь другое: откуда и как наступать на мост, кому и что при атаке делать.

Распределили. Запомнили. Перепроверили.

Наступила ночь. Двинулись в путь саперы. Шли

осторожно. Как лисы крались. В кулак дышали.

Бросились дружно они на охрану. Ура! Перебита в бою охрана. Неповрежденным остался мост.

Довольны солдаты. Обниматься даже на радостях стали. И вдруг! Что такое? Блеснул в темноте огонек на мосту. Побежал золотистой змейкой.

Так это ж горящий бикфордов шнур. Все же успели фашисты поджечь запал. Вот он, бежит огонь. Секунда всего до взрыва.

И в то же мгновение сержант Блохин рванулся к запалам, навстречу смерти. Быть бы разнесенным в куски герою. Да на какую-то долю секунды опередил, обогнал он смерть. Успел Блохин. Подлетел к запалам. Рванул их руками. Как жало из пасти вырвал.

Утром шли по мосту солдаты. Шла артиллерия. Двигались танки. Открылся им дальше на запад путь. Идут солдаты, скрипит под ногами надежно мост. Не знали солдаты про подвиг саперов.

— Эх и дурни, смотрю, фашисты, — кто-то сказал из бойцов. — Такой-то мостище и нам оставили.

— Конечно, дурни, — сказал второй. — Повезло, не иначе, нашим.

За этот подвиг сержант Блохин был удостоен высокой награды — он стал Героем Советского Союза.

ТАНК

Город Борисов. Река Березина. Мост через Березину у Борисова.

Прорвались наши войска к Борисову. Первым вышел к мосту танк лейтенанта Рака. Вскочили танкисты с ходу на мост. Стрелой влетели в Борисов.

Эти ворвались, другие нет. Рухнул Борисовский мост сразу за танком Рака. Мост был минирован. Взорвали его фашисты.

Остался лейтенант со своим экипажем один в большом, полном фашистов городе.

Глянул Рак на своих боевых друзей, на стрелка, на механика:

— Ну что же — вперед!

— Вперед! — подтвердили стрелок и механик.

Устремилась вперед машина. Начал танк небывалый поход по городу.

Недалеко от моста находилась фашистская комендатура. Фашистов много у здания. Входят, выходят.

Видят танкисты — комендатура.

— На фашистов! — скомандовал Рак.

Развернулся танк, проломил забор, словно с неба во двор свалился.

Видят фашисты — советский танк.

— Танки! — кричат фашисты.

Как горох, врассыпную враги пустились. Момент — и гол, как ладошка, двор.

Направил пушку стрелок на здание. Ударила пушка снарядом в дом. Стоит, как печать, отметина.

Двинулся дальше танк. Вышел прямо к штабу какой-то части. И тут у штаба полно фашистов. Входят, выходят. Толпой запрудили двор.

Видят фашисты — советский танк.

— Танки! — кричат фашисты.

И тут их словно бураном сдуло. Правда, не всех. Часть полегла под гусеницами.

Дальше движутся танкисты. На пути у бойцов столовая. И тут у столовой полно фашистов. Входят, выходят. Как галькой усыпан двор.

Видят фашисты — советский танк.

— Танки! — кричат фашисты.

Метнулись и эти ветром. Лишь пыль от сапог поднялась. Усмехнулись танкисты в танке. Снова идут по городу. Наводит советский танк на фашистов ужас. Глаза велики у страха. Разные слухи пошли о танке.

Мол, танк не зря через мост прорвался. Это какой-то особый танк.

Что танк и вовсе не через мост проскочил в Борисов. Что это летающий вроде танк.

Потом новые слухи вползли в Борисов.

Мол, танк не один, а в Борисов рота прорвалась танков. Кто-то сказал — танковый батальон. И этому тоже поверили.

Глаза велики у страха — танк превратился в полк.

16 часов ходил по Борисову русский танк. Сеял огонь и панику.

Но вот окружили фашисты советских танкистов. Вышли навстречу «тигры». Неравными были, конечно, силы.

— Стоим до последнего! — прозвучали слова танкистов.

Не сдались танкисты. В неравном бою погибли.

Погибли. А память легендой о них осталась. Она и нынче по свету ходит. При въезде в Борисов, у моста, у речного откоса, на пьедестале возвышается нынче советский танк. Стоит он как честь ушедшим, салют былому.

«ИНЖЕНЕРНАЯ ОПЕРАЦИЯ»

Белоруссия — край болот. Царица трясин и топей. Сражаться в таких местах и легко и трудно.

Легко в обороне стоять. Наступать по болотам трудно.

Готовился план разгрома фашистов под городом Бобруйском. На пути к Бобруйску находился город Паричи. Паричи стоят на реке Березине. Решался вопрос, с какой стороны ударить на Паричи: с юга, с правого берега Березины, или с востока, с левого ее берега.

Впрочем, по всем военным наукам ударить здесь можно было только с востока. На юг от Паричей тянулись болота: те самые — белорусские, королевские.

Ясно фашистам, если и будет удар на Паричи, так только с востока. Ясно и нашим, что если идти на Паричи, то, конечно, с востока только.

Ясно-то ясно, однако душа у наших командиров не лежит к тому, чтобы идти с востока. Укрепились здесь сильно фашисты. Ждут отсюда они удара. Пристреляли дороги, тропы. Разложили фугасы, мины.

Армией, которая должна была здесь наступать, командовал генерал Батов. Ломает над планом операции голову Батов. Ездит на левый берег Березины, туда, где сухо, где и надо наступать по всем военным наукам; ездит на правый, туда, где болота, где по этим самым наукам наступать

категорически нельзя. Замечают солдаты, что генерал все чаще и чаще ездит на правый берег.

Армия Батова входила в состав 1-го Белорусского фронта. Командовал фронтом генерал Рокоссовский. И Рокоссовский ломает голову. Все обдумывает операцию. Ездит на левый берег Березины, ездит на правый. Все чаще и чаще на правый ездит.

Координировал действия наших войск на этом участке фронта представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Жуков. И Жуков над тем же вопросом ломает голову. Ездит на Березину, на левый, на правый берег. Все чаще на правый ездит. По болотам в раздумье бродит.

Нужно сказать, что тайно ездят они к болотам. Скрывают свои поездки. Ясно одно — не дают им покоя болота.

И вот здесь однажды неожиданно встретились маршал и генералы.

— Здравия желаем, товарищ маршал, — поприветствовали маршала генералы.

— Здравия желаю, товарищи генералы, — ответил Жуков. Глянул на генералов: — Что же вас сюда привело?

— Да так, — пожали плечами Рокоссовский и Батов, — урвалась минута отдыха. Места здесь на

редкость сказочные.

Ответили генералы и сами к маршалу:

— Чем обязаны вашим присутствием, товарищ маршал?

— Да так, детство чего-то вспомнил, давно не ходил по болотам, — ответил Жуков.

Глянул Жуков на Рокоссовского, на Батова, глянули Батов и Рокоссовский на Жукова — рассмеялись маршал и генералы.

Ясно им, почему они встретились. Ясно каждому, что привело сюда, в трясины.

— Значит, тревожат болота? — спросил Жуков.

Наступил день начала операции под Бобруйском. Ударили наши войска.

Смотрят фашисты: все верно, все по военной науке — с левого с сухого берега Березины ударили русские. Бросили они все силы сюда на отражение нашего удара. Втянулись войска в сражение. И вдруг:

— Русские с юга!

— Русские с юга!

— Как с юга? Там же трясины, болота, топи!

Все верно. Из болота выходят русские.

Словно лесные призраки, появлялись из болот советские танки и пушки. Удар был стремительным, неожиданным. Пали Паричи. Части пошли

к Бобруйску.

Немало потрудились наши военные инженеры и строительные батальоны. До малейшей тонкости все рассчитали, все проверили и перепроверили. Это они проложили здесь гати и настилы, по которым затем прошли советские танки и артиллерия. Это их труд и принес победу.

«Инженерная операция» — так был назван удар под Паричами.

СВЯТОСТЬ

Солдаты принимали военную присягу. Давали клятву на верность Родине. На верность военной тайне.

— Клянусь! — звучали в тиши слова.

Шла операция «Багратион». Первые дни наступления. 77-й гвардейский стрелковый полк 26-й гвардейской стрелковой дивизии прорывал оборону фашистов севернее города Орши.

Вперед вырвался танковый десант. Задание: прорваться в тылы фашистам и уже там, в тылу, перерезать автомагистраль, идущую из Москвы на Минск.

Десант состоял из добровольцев. Много таких собралось. Молодые бойцы, задорные. Среди

десантников был и комсомолец рядовой Юрий Смирнов. Разместились десантники на броне, на танках. Тронулись танки. Прорвались в тыл к фашистам. Пробивались с боем, с огнем, в быстрых, как смерч, атаках. В одной из таких стремительных атак, в районе деревни Шалашино, Юрий Смирнов был тяжело ранен. Не удержался, слетел он с танка и в плен попал к фашистам. Притащили фашисты Смирнова в штабной блиндаж.

— Жив? Дышит? — спросил старший офицер.

— Дышит, — ответили старшему офицеру.

— Из танкового десанта?

— Так точно, с танка упал при ранении.

Фашисты стали допрашивать Юрия Смирнова:

— Из какой части?

— Кто командир?

Комсомолец молчал.

— Цель десанта?

— Сколько людей в отряде?

— Количество танков?

Не отвечает, молчит Смирнов.

— Заговоришь, — процедил офицер. Подал сигнал рукой. Набросились на русского солдата фашисты. Избили Смирнова. Потерял он сознание.

— Воды, — скомандовал офицер.

Отлили солдаты водой Смирнова. Пришел он в чувство. Открыл глаза. Снова пошли вопросы:

— Комсомолец?

Молчит Смирнов.

— Куда направлялись танки?

Молчит Смирнов.

Опять подал офицер сигнал. Снова били. И снова водой отливали. И снова били.

— Говори! — исступленно кричал офицер. — Говори!

Не дрогнул солдат. Молчал.

Тогда фашисты распяли солдата. Прямо здесь, в блиндаже. Прямо здесь, на стене. Вбили в руки и ноги гвозди.

— Говори! — вновь прокричал офицер.

Ничего не сказал герой. Остался верен военной присяге.

Быстро развивалось советское наступление. Вступили войска в Шалашино. Ворвались солдаты и в бывший фашистский штабной блиндаж. Увидели стену, на ней Смирнова.

Остановились солдаты. Окаменели от ужаса и гнева.

Новые жизни идут на смену. Молодая бушует поросль. Пусть же, как клятва, наказ героя: верность Отчизне — святость! Верность присяге

— святость. Верность тайне военной — святость!

ПАНИ ЕЛЕНА

Вильгельм фон Кубе был гаулейтером Белоруссии. Он личный здесь представитель Гитлера. Гаулейтер — значит начальник края.

Много у Кубе различных дел. Приказы, запросы идут из Берлина. Изучает приказы Кубе. Отвечает на все вопросы.

Ответил на все вопросы, начинает дела другие. Сам издает приказы, сам задает вопросы, рассылает по всей Белоруссии. Ведь старшим он здесь в Белоруссии. К подчиненным идут приказы.

Отправил приказы, отправил запросы, приступает к новым делам гаулейтер — утверждает приговоры о смертной казни. Все больше кругом непокорных. Сеют фашисты направо, налево смерть. Кубе больше других старается.

Давно он назван палачом Белоруссии. Давно к нему ненависть по всей Белоруссии.

Утвердил приговоры Кубе, утверждает нормы отправки советских людей в Германию. Все больше и больше гонят фашисты советских людей в Германию.

Давно он назван палачом Белоруссии. Давно он проклят всей Белоруссией.

Отправил Кубе людей в Германию, взялся теперь за продукты. Все больше и больше обирают крестьян фашисты. Грабят они Белоруссию. Грузят в вагоны и хлеб, и масло, и лен, и скот. Увозят к себе в Германию. Кубе и здесь примерен. Сотни и сотни вагонов уходят в Германию.

Итак, масса у Кубе различных дел. С утра и до вечера нет покоя. И только глубокой ночью наступает для Кубе отдых.

Так было и в этот день. Поздний вечер. Закончил Кубе, свернул дела. Принял ванну. Разделся. Лег. Приятно телу в тепле, в уюте. Провалился в подушки, как рухнул в пропасть.

Спит гаулейтер Кубе. Мерно бегут минуты. Не скрипнут нигде половицы. Тишина и покой кругом. Во сне улыбнулся чему-то Кубе. Мерно бегут минуты. Одна за одной. Одна за одной. И вдруг страшный взрыв раздался в кровати под спящим Кубе. Разорвало на части Кубе.

Незадолго до этого белорусские партизаны судили гаулейтера Кубе своим партизанским судом. Приговорили палача и грабителя к смертной казни.

Уборщицей в доме, в котором жил и работал Кубе, была белорусская женщина Елена Мазаник. Трудилась старательно. Была на хорошем счету у

фашистов. Пани Елена — называли ее фашисты.

Елена Мазаник была партизанкой. Выполняя приказ партизанского штаба, она пронесла и положила мину в кровать гаулейтера Кубе.

Хоронили Кубе в Берлине. С оркестром, с почетом. Сам Гитлер стоял у гроба.

БАГРАМЯН

Одним из фронтов, принимавших участие в операции «Багратион», командовал генерал Иван Христофорович Баграмян.

Созвучными оказались фамилии генерала кутузовских времен и нашего, советского.

Ходят солдаты, играют словами:

— Багра-тион — Багра-мян.

— Багра-мян — Багра-тион.

Приметили солдаты и другие сходства. Оба генералы. Оба с Кавказа. Оба штурмовые атаки любят.

— Багратион — Баграмян.

— Баграмян — Багратион.

Выполняя замысел операции «Багратион», войска генерала Баграмяна прорывали фашистский фронт севернее города Витебска. Первыми на фашистскую оборону обрушились артиллеристы. Стреляют артиллеристы. Уходят снаряды далеко.

Смотрят солдаты — разрывы видят, а насколько значительный урон приносит врагу их стрельба, не знают. Идут разговоры:

— Вот бы глянуть!

— Хоть глазом одним!

Отстрелялись артиллеристы. Пошла на прорыв пехота. Прорвали солдаты фашистскую оборону. Зашагала вперед пехота. Готовят артиллеристы свои орудия к новым боям. Подвозят снаряды. Делают какие-то вычисления. Вдруг подъезжают к орудиям грузовики. Развернулись.

— По машинам! — прошла команда.

Сели артиллеристы.

— Куда это нас? — гадают.

Тронулись, покатили грузовики. Следят за дорогой солдаты, видят — везут их вперед, туда, где только что проходила полоса фашистской обороны и которую они своим орудийным огнем прорвать помогли пехоте.

Смотрят артиллеристы на то, как поработали их снаряды. Да, неплохая работа. Смотрят солдаты, видят свою работу, еще больше вырастает желание бить врагов.

Любопытно артиллеристам, кто же это отдал приказ, чтобы их привезли сюда. Лезут с вопросом:

— Кто приказал? — спрашивают.

Отвечают солдатам:

— Генерал Баграмян.

А вот и сам генерал Баграмян. Приехал посмотреть, как потрудилась во время прорыва советская артиллерия.

Глянул на артиллеристов, сказал:

— Хороша работа!

Прорвали войска генерала Баграмяна фашистскую оборону под Витебском. Пошли стремительно вперед. В это время по фашистам ударил и соседний фронт. Окружили они совместно фашистов, совместно их уничтожили.

Отлично провел генерал Баграмян порученную ему операцию. Шутили потом солдаты, вспоминая бои под Витебском:

— В общей стратегической операции «Багратион» была и наша фронтовая операция «Баграмян».

И снова звенят созвучием:

— Багра-тион — Багра-мян!

— Багра-мян — Багра-тион!

И уточняют.

Совпадение. Точное. И в словах и в делах созвучие.

Иван Христофорович Баграмян окончил войну

Героем Советского Союза. А вскоре после завершения Великой Отечественной войны ему было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

ВЛАСТЬ

Великими подвигами в борьбе за Родину прославили себя белорусские партизаны. Летом 1944 года в Белоруссии сражалось 150 партизанских бригад, 49 отдельных партизанских отрядов.

Белорусские партизаны совершали смелые налеты на фашистские гарнизоны, взрывали фашистские поезда, освобождали от фашистов села и даже целые районы. В одном из таких освобожденных районов под городом Лепелем, в Лепельской партизанской зоне, насчитывалось более тысячи населенных пунктов.

Лепель, Лепель — страна отважных.

Боялись фашисты этих суровых мест. Сунулись было они вначале. Сунули лапы — партизаны по лапам. Сунули шею. Партизаны — по шее.

Отошли, отползли фашисты. Косо смотрят на край, на Лепель. И Лепель, и всю округу стороной, как огонь, обходят.

Стоят здесь колхозы.

Сельсоветы везде работают.

Больницы открыты.

Открыты школы.

Отмечают здесь люди советские праздники.

Великий Октябрь.

День Первого мая.

День Конституции.

Короче — Советская власть здесь кругом под Лепелем.

1944 год. Докатилось и сюда советское наступление. Подходят наши войска под Лепель.

— Встречайте! Вернулись! — кричат солдаты. — Конец фашистам. Несем вам, родные, Советскую власть.

Улыбаются им партизаны:

— Так тут не кончалась Советская власть!

Приглашают солдат в сельсоветы, в колхозы, в больницы, в школы.

Стоят здесь колхозы.

Сельсоветы везде работают.

Больницы открыты.

Открыты школы.

Удивляются солдаты:

— Вот это да! Не кончалась и вправду, выходит, Советская власть.

Был среди наших бойцов один. Неброский, невидный. Средний, как сотни других солдат.

— А что? Не кончалась, конечно. Нигде не кончалась! — сказал солдат.

Повернулись другие к солдату этому.

— Да как — нигде не кончалась?! Вон сколько фашисты советской земли подмяли. Сколько лежало ее в плену.

Посмотрел на солдат боец.

— Землю подмяли. Согласен, верно. А что до власти, так это нет. Не подмяли, не в силах. Нет власти над этой властью. — Двинул рукой, положил на сердце: — Не подмяли. Тут она, наша власть.

ХАТЫНЬ

Солдат Желобкович шагал со всеми. По белорусской земле, по отчему краю идет солдат. Все ближе и ближе к родному дому. Деревня его — Хатынь.

Шагает солдат к друзьям боевым по роте:

— Не знаешь Хатыни? Хатынь, брат, лесное чудо!

И начинает солдат рассказ. Деревня стоит на поляне, на взгорке. Лес расступился здесь, солнцу дал волю. Мол, тридцать домов в Хатыни. Разбежались дома по поляне. Колодцы скользнули в землю. Дорога метнулась в ели. И там, где дорога

прижалась к лесу, где ели уперлись стволами в небо, на самом бугре, на самом высоком краю Хатыни, он и живет — Иван Желобкович.

И напротив живет Желобкович. И слева живет Желобкович. И справа живет Желобкович. Их, Желобковичей, в этой Хатыни, как скажут, хоть пруд пруди.

Шел воин к своей Хатыни.

Дом вспоминал. Тех, кто остался в доме. Жену он оставил. Старуху мать, трехлетнюю дочь Маришку. Шагает солдат, Маришке несет подарок — ленту в ее косичку, ленту красную, как огонь.

Быстро идут войска. Вскоре увидит воин старуху мать. Обнимет старуху мать. Скажет солдат:

— Пришел.

Вскоре увидит солдат жену. Расцелует солдат жену. Скажет солдат:

— Пришел!

На руки возьмет Маришку. Подбросит солдат Маришку. Скажет и ей:

— Пришел!

Вынет солдат гостинец:

— На, получай, Маришка!

Шел воин к своей Хатыни. О друзьях, о соседях думал. Вскоре увидит всех Желобковичей. Увидит Яцкевичей, Рудаков, Мироновичей. Улыбнется

солдат Хатыни. Скажет солдат:

— Пришел.

Вышли они к Хатыни. Рядом совсем, в километре от этих мест.

Солдат к командиру. Мол, рядом деревня. Вот тут, мол, овражек, за оврагом лесочек. Прошел лесочек, и вот Хатынь. Выслушал ротный.

— Ну что же, — сказал, — ступай.

Шагает солдат к Хатыни. Вот и овражек. Вот и лесочек. Вот-вот и избы сейчас покажутся. Сейчас он увидит мать. Сейчас он жену обнимет. Маришке вручит подарок. Подбросит Маришку к солнцу.

Прошел он лесочек. Вышел к поляне. Вышел — и замер. Смотрит, не верит — нет на месте своем Хатыни. На пепелище обгоревшие трубы одни торчат.

Остановился солдат, закричал:

— Где люди?! Где люди?!

Погибли в Хатыни люди. Взрослые, дети, старухи — все. Явились сюда фашисты:

— Партизаны! Бандиты! Лесные разбойники!

В сарай согнали фашисты жителей. Сожгли всех людей в сарае.

Подбежал солдат к отчему дому. Рухнул на пепел. Зарыдал, застонал солдат. Отлетел, выпал

из рук гостинец. Затрепетала, забилась от ветра лента. Взвилась красным пламенем над землей.

Хатынь не одна. На белорусской земле много таких Хатыней было.

МИШКА

Солдатам одной из сибирских дивизий в те дни, когда дивизия отправлялась на фронт, земляки подарили маленького медвежонка. Освоился Мишка с солдатской теплушкой. Важно поехал на фронт.

Приехал на фронт Топтыгин. Оказался медвежонок на редкость смышленым. А главное, от рожденья характер имел геройский. Не боялся бомбежек. Не забивался в углы при артиллерийских обстрелах. Лишь недовольно урчал, если разрывались снаряды уж очень близко.

Побывал Мишка на Юго-Западном фронте, затем — в составе войск, которые громили фашистов под Сталинградом. Потом какое-то время находился с войсками в тылу, во фронтовом резерве. Потом попал в составе 303-й стрелковой дивизии на Воронежский фронт, затем на Центральный, опять на Воронежский. Был в армиях генералов Манагарова, Черняховского, вновь Манагарова. Подрос медвежонок за это время. В

плечах раздался. Бас прорезался. Стала боярской шуба.

В боях под Харьковом медведь отличился. На переходах шагал он с обозом в хозяйственной колонне. Так было и в этот раз. Шли тяжелые, кровопролитные бои. Однажды хозяйственная колонна попала под сильный удар фашистов. Окружили фашисты колонну. Силы неравные, туго нашим. Заняли бойцы оборону. Только слаба оборона. Не уйти бы советским воинам.

Да только вдруг слышат фашисты рык! «Что бы такое?» — гадают фашисты. Прислушались, присмотрелись.

— Бер! Бер! Медведь! — закричал кто-то. Верно — поднялся Мишка на задние лапы, зарычал и пошел на фашистов. Замешкались фашисты, метнулись в сторону. А наши в этот момент ударили. Вырвались из окружения.

Мишка шагал в героях.

— Его бы к награде, — смеялись солдаты.

Получил он награду: тарелку душистого меда. Ел и урчал. Вылизал тарелку до глянца, до блеска. Добавили меда. Снова добавили. Ешь, наедайся герой. Топтыгин!

Вскоре Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. Вместе с войсками фронта

Мишка пошел на Днепр. Вышел к могучей реке. Сунул косматую лапу в воду. Вынул, лизнул и опять лизнул.

— Снял пробу, — смеялись солдаты.

— Ну как, Михал Михалыч, хороша из Днепра водица?

Мотнул головой медведь.

Вырос Мишка. Совсем великан. Где же солдатам во время войны возиться с такой громадой. Решили солдаты: в Киев придем — в зоосаде его поселим. На клетке напишем: медведь — заслуженный ветеран и участник великой битвы.

Однако миновала дорога Киев. Прошла их дивизия стороной. Не остался медведь в зверинце. Даже рады теперь солдаты.

С Украины Мишка попал в Белоруссию. Принимал участие в боях под Бобруйском, затем оказался в армии, которая шла к Беловежской пуще.

Беловежская пуща — рай для зверей и птиц. Лучшее место на всей планете. Решили солдаты: вот где оставим Мишку.

— Верно: под сосны его.

— Под ели.

— Вот где ему раздолье.

Освободили наши войска район Беловежской

пущи. И вот наступил час разлуки. Стоят бойцы и медведь на лесной поляне.

— Прощай, Топтыгин!

— Гуляй на воле!

— Живи, заводи семейство!

Постоял на поляне Мишка. На задние лапы поднялся. Посмотрел на зеленые гущи. Носом запах лесной втянул.

Пошел он валкой походкой в лес. С лапы на лапу. С лапы на лапу. Смотрят солдаты вслед:

— Будь счастлив, Михал Михалыч!

И вдруг страшный взрыв прогремел на поляне. Побежали солдаты на взрыв — мертв, недвижим Топтыгин.

Наступил медведь на фашистскую мину. Проверили — много их в Беловежской пуще.

Ушла война дальше на запад. Но долго еще взрывались здесь, в Беловежской пуще, на минах и кабаны, и красавцы лоси, и великаны зубры.

Шагает война без жалости. Нет у войны усталости.

ДОЛОЖИТЬ!

Граница, граница — черта священная. Ворота родной земли. Сколько мечтали о ней солдаты. Представляли в снах, в походах. И вот рядом со-

всем граница. Завершая операцию «Багратион», подходили солдаты к советской границе.

Спорят солдаты, кто первым к границе выйдет. Чей фронт, дивизия, полк, чья рота. Каждый стремится быстрей к границе. И кто-то ведь будет первым.

Представляют солдаты того, кто первым исполнит великий сыновний долг:

— Будет плечистый!

— Будет высокий!

— Молод, как утро, будет!

— Будут медали висеть на груди у героя!

Движутся вперед войска. Все ближе граница, ближе. И вот впереди граница — священный рубеж страны.

Устремились вперед солдаты.

— Ура! — победно гремит над полем.

Считают бойцы последние метры. Вдруг видят — рядом бежит солдат. Всмотрелись бойцы — тот самый. Молод, плечист, высок. На груди две медали огнем сверкают.

— Он, — пронеслось по рядам.

— Он — молодой, тот самый!

Несется солдат вперед, в атаке, в лихом порыве. Вот тридцать осталось метров, вот двадцать, двенадцать, пять.

Шаг.

Еще шаг.

Еще шаг.

Последний победный шаг!

Вышел солдат к границе!

Озарилось улыбкой лицо солдата. Машет рукой другим. И вдруг пуля ударила в грудь солдату. Качнулся, упал солдат. Подбежали к нему бойцы, наклонились.

— Жив!

— Жив!

Лежит на земле солдат. Шепчут что-то солдатские губы. Притихли бойцы. Слышат солдатский шепот:

— Прошу доложить… Прошу доложить… Родине доложить… Вышел к границе… Вышел к границе…

Слышат шепот солдатский бойцы. Вот он сильнее, сильнее, сильнее. И вот уже громом победным летит над полем:

— Доложить!..

— Доложить!..

— Доложить!..

— Родине доложить — вышел солдат к границе!

Граница, граница — черта священная. Ворота

родной земли.

ФАТАЛИСТЫ

Это был необыкновенный марш — марш фашистов по улицам Москвы.

17 июля 1944 года. Идут фашисты. Шагает за рядом ряд.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Солнце описало дугу по небу. А они все идут и идут.

Идут генералы. Исполнилось их желание.

Еще в 1941 году дали фашистские генералы клятву вступить в Москву. Сорвалось. Не подтвердилась клятва. Битыми были они под Москвой.

— Ничего, ничего, — успокаивали генералы друг друга. — Мы фаталисты! (Фаталист — это тот, кто упрямо верит в свою судьбу.) Быть нам в Москве. Непременно быть.

Наступило лето 1942 года. Снова успех на стороне фашистов. Подошли к Сталинграду, к берегу Волги.

Торжествуют фашисты:

— Вот он, великий час. Еще нажим — и наш Сталинград. А за ним и Москва непременно наша.

Не получился у них нажим. Зажали, прижали наши фашистов к Волге. Уничтожили наши, пленили фашистов тогда у Волги.

— Ничего, ничего, — успокаивают вновь друг друга фашистские генералы. — Мы фаталисты! Мы фаталисты! Быть нам с победой. Пройдем по Москве в колоннах.

1943 год. Начали фашисты сражение под Курском.

— Вот он, победы час! Вот он, конец России!

И верно, грянул победы час. Только нашей, советской победы. Вновь разбиты в боях фашисты.

Однако упрямы фашистские генералы. Снова твердят свое:

— Мы фаталисты! Мы фаталисты!

И верно. Оказались они фаталистами. Побывали они в Москве.

1944 год. 17 июля. По улицам Москвы под конвоем советских солдат идут и идут фашисты. Много их — 57 с лишним тысяч. Это только те, и только часть тех, кто был пленен советскими войсками во время операции «Багратион».

Позорным шагом идут фашисты.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Идут час.

Идут два.

Идут три.

Шагают, идут фаталисты. Торжествует кругом Москва.

РОВНЫЙ СЧЕТ

Еще не отгремели бои в Белоруссии, а Советская Армия нанесла новый удар по фашистам. Началось наше наступление в западных областях Украины. Особенно упорные бои развернулись на подступах к городу Львову. Освобождались от фашистской неволи последние метры украинской земли. Упирались фашисты. Не хотели расставаться со Львовом.

Недалеко от Львова, в освобожденное местечко Свирж, как-то после боя привезли советских раненых. Семьдесят офицеров и солдат. Поблизости походного госпиталя не было. Вот и поместили временно их в местечке. Оставили на попечение местных жителей.

Рядом с местечком находилось бывшее графское имение. Разместили жители бойцов в этом имении. Гостиные тут. Просторные комнаты. Холлы. Залы. Большие окна.

Благодарны жители советским воинам за из-

бавление от фашистской неволи. Рады, что могут к бойцам проявить внимание.

— Сыночки, милые!

— Орлы!

Уютно солдатам в графском имении. От людского тепла и участия раны не так болят.

— Быстро вы здесь поправитесь.

— Воздух у нас как мед.

И вдруг в районе Свиржа фашисты предприняли сильную атаку. Действовали здесь враги отдельными ударными группами. Одна из таких групп неожиданным налетом и захватила Свирж.

Узнали фашисты, что в бывшем графском имении находится семьдесят русских раненых. Ворвались в имение.

— Хенде хох! — закричали фашисты.

Смотрят: пусто в гостиных, в комнатах, в холлах, в залах.

Осмотрели фашисты подвалы, чуланы, кладовые. На чердак, на крышу лазили.

Пусто в подвалах, в чуланах, в кладовых. На чердаке лишь летучие мыши. Лишь ветер шуршит по крыше.

Собрали фашисты жителей:

— Где русские раненые?!

Разводят руками жители:

— Не знаем!

— Впервые слышим.

Объясняют фашисты:

— Семьдесят русских раненых.

— Не знаем.

— Впервые слышим, — опять повторяют жители.

Торопились фашисты. Так и ушли ни с чем.

Вскоре наши снова отбили Свирж. Первый вопрос к населению:

— Где раненые?

Улыбаются жители:

— Живы. Здоровы! Все спасены.

— Все до единого?

— Все до единого.

— Семьдесят?

— Семьдесят! Ровный счет.

Открыли жители клуни, сараи, распахнули двери в крестьянские хаты. Вот где укрылись раненые. Вот куда из имения перенесли их и спрятали местные жители.

Пошли наши солдаты на Львов. Обошли они город. Ударом с востока, с запада освободили советский Львов.

10 тысяч фашистских солдат было убито, ране-

но и пленено в битве за область и город Львов.

Улыбаются наши:

— Хорошая цифра. Ровный счет.

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир — родные братья и сестры. Большая у них семья, большая и дружная.

Любят ребята слушать Московское радио. Особенно вечером. Особенно в те дни, когда по радио передают сообщения о наших победах, а затем звучат салюты в честь воинов-победителей.

Все чаще теперь салюты. Гремел он и в тот вечер. Как раз в честь освободителей города Львова!

— Львов освободили! Львов освободили! — закричали Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир. Помчались быстрее к матери, к дедушке, к бабушке. — Взяли Львов!

Радость в семействе у всех огромная. Под Львовой отец Гюльчхары, Каюма, Разии и Назира сражался.

— Ура! — дружно кричат ребята. Слушают радио. В честь отца ведь гремит салют.

Отгремели, отпылали в Москве салюты. Стало московское небо снова обычным небом.

Как вдруг новый салют объявлен.

— Даугавпилс освободили! Даугавпилс освободили! — кричат ребята.

Снова в доме радость у всех огромная. Именно там, на берегах Даугавы, за свободу Советской Латвии сражался старший брат Гюльчхары и Каюма, Разии и Назира — отважный боец Хаким.

— Ура! — несутся детские голоса. Слушают радио. В честь брата Хакима салют гремит.

Отгремели, отпылали в выси над Москвой салюты.

Только успокоились ребята. Радость едва пережили. Как вдруг! Что такое? По радио новый салют объявлен. Третий за этот день.

— Станислав освободили! Станислав освободили! — кричат Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир. Мчатся снова к матери, к бабушке, к дедушке. — Станислав!

Станислав — это областной город в Западной Украине. Сейчас этот город в честь украинского писателя Ивана Франко называется Ивано-Франковск.

И снова радость у всех огромная. Под Станиславом в армии генерала Андрея Антоновича Гречко сражался родной дядя Гюльчхары и Каюма, Разии и Назира — храбрый танкист Рахмат.

— Ура! — снова кричат ребята. Слушают радио. В честь дяди Рахмата салют над Москвой гремит.

Отпылали, отгремели в Москве салюты.

Расшумелись ребята. Заговорили о танках, о дяде.

— Три салюта — вот это да!

Успокоились дети. И вдруг снова слышат по радио голос: «Говорит Москва...» Притихли ребята, и вот новый салют объявлен. Четвертый за этот день. Салют в честь освободителей города Шяуляя.

— Шяуляй освободили! Шяуляй освободили! — кричат ребята.

И снова в доме радость у всех огромная. Под Шяуляем у Гюльчхары и Каюма, Разии и Назира сражалась родная тетя — отважная медсестра Зульфия.

— Ура! — снова кричат ребята. Слушают радио. Гремит над Москвой салют. Это в честь тети Зульфии гремит над Москвой салют.

Смолкли салюты.

— Вот это да! Четыре салюта! — сказали Гюльчхара и Каюм.

— Четыре салюта. Вот это да! — Разия и Назир сказали.

Не бывало такого — четыре салюта сразу.

Счастливы дети. Отправились спать. Вот ведь день какой им сегодня выдался. Утомились Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир. Легли. Глаза закрыли. В момент уснули.

А утром узнали — был пятый еще салют. Сожалели ребята, что этот салют проспали. Конечно, жалко. Не повторилось такого больше — чтобы в день и сразу бы пять салютов. Было это 27 июля 1944 года. Вот ведь какой сверхпобедный день.

ЖАЛО

Наши войска освобождали Молдавию. Оттеснили фашистов за Днестр, за Реут. Взяли Флорешты, Тирасполь, Оргеев. Подошли к столице Молдавии городу Кишиневу.

Тут наступали сразу два наших фронта — 2-й Украинский и 3-й Украинский. Вместе гнали они фашистов. По планам Ставки Верховного Главнокомандования. А планы были такими: под Кишиневом советские войска должны были окружить большую фашистскую группировку.

Выполняют фронты указания Ставки. Севернее и западнее Кишинева наступает 2-й Украинский фронт. Восточнее и южнее — 3-й Украинский фронт.

Генералы Малиновский и Толбухин стояли во

главе фронтов.

— Федор Иванович, — звонит генерал Малиновский генералу Толбухину. — Как развивается наступление?

— Все идет по плану, Родион Яковлевич, — отвечает генералу Малиновскому генерал Толбухин.

Шагают вперед войска. Обходят они противника. Сжимать начинают клещи.

— Родион Яковлевич, — звонит генерал Толбухин генералу Малиновскому. — Как развивается окружение?

— Нормально идет окружение, Федор Иванович, — отвечает генерал Малиновский генералу Толбухину и уточняет: — Точно по плану, в точные сроки.

И вот сомкнулись гигантские клещи. В огромном «мешке» под Кишиневом оказалось 18 фашистских дивизий.

Приступили наши войска к разгрому попавших в «мешок» фашистов.

Довольны советские солдаты.

— Снова капканом прихлопнут зверь.

Пошли разговоры — не страшен теперь фашист, бери хоть руками голыми.

Однако солдат Игошин другого держался мнения:

— Фашист есть фашист. Змеиный характер и есть змеиный. Волк и в капкане — волк.

Смеются солдаты:

— Так это было в какое время.

— Нынче другая цена фашисту.

— Фашист есть фашист, — опять о своем Игошин.

Вот ведь характер вредный!

Все труднее, труднее в «мешке» фашистам. Стали фашисты сдаваться в плен. Сдавались они и на участке 68-й гвардейской стрелковой дивизии. В одном из ее батальонов как раз и служил Игошин.

Группа фашистов вышла из леса. Все как положено: руки кверху, над группой выброшен белый флаг.

Ясно — идут сдаваться.

Оживились солдаты:

— Просим, просим.

— Давно бы пора.

— Веселей.

— Не стесняйтесь.

— Таких не обидим.

Повернулись солдаты к Игошину:

— Ну чем же фашист твой страшен?

Толпятся солдаты, на фашистов, идущих сда-

ваться, смотрят. Есть новички в батальоне. Впервые фашистов так близко видят.

И им, новичкам, тоже совсем не страшны фашисты — вот ведь, идут сдаваться.

Все ближе фашисты, ближе. Близко совсем. И вдруг автоматная очередь.

Полегло бы немало наших. Да спасибо Игошину. Держал оружие наготове. Сразу открыл огонь. Потом помогли другие.

Отгремела пальба на поле. Подошли солдаты к Игошину.

— Спасибо, брат. А фашист, смотри, со змеиным и вправду, выходит, жалом.

Немало хлопот доставил Кишиневский «котел» нашим солдатам. Метались фашисты. Бросались в разные стороны. Шли на обман, на подлость. Пытались уйти. Но тщетно. Зажали их богатырской рукой солдаты. Зажали. Сдавили. Змеиное жало вырвали.

ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР

Советские войска продвигались в Прибалтику. Три года находились Советская Латвия, Литва и Эстония под игом фашистов. Летом 1944 года началось освобождение Прибалтийских республик.

Особенно упорные бои развернулись на территории Латвии при форсировании реки Айвиексте. Тут сражался и 130-й стрелковый корпус.

Один из боев разгорелся у селения Виэталва. Шла артиллерийская перестрелка. Советские пушки били точно. Снаряды взрывались прямо в фашистских окопах, громили фашистские батареи, накрывали фашистские танки.

Передвинули фашисты танки и пушки, сменили позиции. Прошла минута, вторая. И снова здесь рвутся советские снаряды, снова точно ложатся в цель.

Ясно фашистам — кто-то корректирует, то есть направляет, огонь советских артиллеристов. Видимо, где-то укрылся наблюдатель. Он и наводит огонь на цели.

Верно определили фашисты.

В селении Виэталва стояла церковь. Высоко в небо поднялась ее колокольня. Церковь находилась на «ничейной» территории, как раз посередине между нашими и фашистскими окопами. К ней-то и пробрался незаметно старшина из 123-го гвардейского полка 43-й гвардейской латышской дивизии Ян Розе. Поднялся на колокольню. Хорошо с высоты, с колокольни, видно.

Отсюда Розе по радио и подавал сигналы на-

шим артиллеристам.

Заподозрили фашисты, что на колокольне находится советский корректировщик, открыли огонь по церкви.

Сидят наши бойцы в окопах, следят за огнем фашистов.

— Выкурят они его, — сказал кто-то из наших бойцов.

— Ну это еще посмотрим, — кто-то второй ответил. — Тут кто кого — это еще вопрос. Нужно знать нашего Яна…

И верно. Хитро поступал Розе. Начнут фашисты артиллерийский обстрел колокольни — спускается вниз с колокольни на землю.

Закончат фашисты обстрел — вновь подымается на колокольню.

Снова обстрел — снова спешит на землю. Отстрелялись фашисты — там, на высоте, с передатчиком в руках Ян Розе.

Пять дней длился бой под селением Виэталва. Пять дней и пять ночей не покидал свой пост отважный старшина.

Отступили фашисты на пятый день.

— Ну, кто кого выкурил? — пошли голоса.

— Ян! Ян! — усмехались бойцы. — Ян Розе. Стрелки латышские.

За этот бой Ян Розе был награжден орденом Славы. Во многих боях отличился Ян Розе. Это был не первый, а третий его орден Славы. Три ордена Славы — предел. Больше у одного человека их не бывает. Орден Славы имеет три степени: третью, вторую и первую. Ян Розе был награжден орденами всех трех степеней, то есть стал полным кавалером этого почетного солдатского ордена.

Бои за Советскую Прибалтику длились до глубокой осени.

22 сентября 1944 года Знамя Победы взвилось над столицей Советской Эстонии городом Таллином. 13 октября советские войска освободили столицу Советской Латвии город Ригу. А еще раньше, 13 июля, во время операции «Багратион» был освобожден город Вильнюс — столица Советской Литовской Республики.

Почти над всей территорией Советской Прибалтики теперь реяло знамя свободы.

МОРЕ СПРАВА, ГОРЫ СЛЕВА

Крайний советский Север. Кольский полуостров. Баренцево море. Полярный круг.

И тут, за Полярным кругом, идут бои. Бьется Карельский фронт.

Повернешься здесь лицом к фронту — слева го-

ры, справа море. Там, дальше, за линией фронта, лежит государство Норвегия. Захватили фашисты страну Норвегию.

В 1941 году фашисты ворвались в Советское Заполярье. Они пытались захватить город Мурманск — наш самый северный морской порт.

Не пропустили фашистов к Мурманску наши войска. Мурманск не только самый северный порт, это незамерзающий порт на севере. Круглый год, и летом, и зимой, могут сюда приходить корабли. Через Мурманск морем поступали к нам важные военные грузы. Вот почему для фашистов так важен Мурманск. Рвались фашисты, но не прорвались. Удержали наши герои Мурманск. И вот теперь настало время и здесь разгромить фашистов.

Места тут для боя на редкость сложные. Горы. Утесы. Скалы. Леденящие душу ветры. Море вечно стучит о берег. Много здесь мест, где только олень пройдет.

Стояла осень. Был октябрь месяц. Вот-вот — и наступит длинная полярная ночь.

Готовясь к разгрому врагов на севере, командующий Карельским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков обратился в Ставку Верховного Главнокомандования в Москву с

просьбой выделить для фронта танки КВ. Броня у них толстая, прочная, мощное вооружение. КВ — хорошие танки. Однако к этому времени они устарели.

Просит генерал Мерецков в Ставке КВ, а ему говорят:

— Зачем же КВ. Мы вам выделим более совершенные танки.

— Нет, прошу КВ, — говорит Мерецков.

Удивились в Ставке:

— Да зачем же КВ на Севере? Там во многих местах лишь олень пройдет.

— Где олень пройдет, там пройдут и советские танки, — отвечает Мерецков. — Прошу КВ.

— Ну что ж, смотрите — ведь вы же командующий! — сказали в Ставке.

Получил фронт эти танки.

Фашисты на Крайний Север не завозили ни танков, ни тяжелого вооружения.

«Горы, утесы, скалы. Где здесь возиться с тяжелыми танками», — рассуждали они.

И вдруг появились советские танки, к тому же еще и КВ.

— Танки?! — недоумевают фашисты. — КВ? Что такое! Как? Почему? Откуда?! Тут ведь только олень пройдет!

Пошли на фашистов советские танки.

7 октября 1941 года наступление советских войск на Крайнем Севере началось. Быстро прорвали наши войска фашистскую оборону. Прорвали, пошли вперед.

Конечно, не только танки здесь главную роль сыграли. Атака шла с суши. Атака шла с моря. Слева — пехота, справа действовал Северный флот. С воздуха били советские летчики. В общем ряду здесь сражались и моряки, и пехотинцы, и танкисты, и авиаторы. Общей была победа.

Боями за освобождение Советского Заполярья завершился год 1944-й — боевой и решающий. Приближался 1945-й — победный год.

Глава седьмая
ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

НОЧЬ. ТРИ ЧАСА ПО БЕРЛИНСКОМУ ВРЕМЕНИ

1 апреля 1945 года в Ставку Верховного Главнокомандующего были вызваны Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев.

Просторный кабинет. Большой стол. За столом члены Государственного Комитета Обороны и Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин.

Посмотрел Сталин на Жукова, на Конева.

— Садитесь, товарищи. Вопрос о Берлине.

К апрелю 1945 года советские войска уже вели бои на территории фашистской Германии. Предстоял последний, решительный штурм. Штурм столицы фашистского государства города Берлина.

Ставка рассматривала план наступления на Берлин. Прорыв фашистской обороны на Берлинском направлении осуществляют три фронта: 1-й Белорусский, им командует маршал Жуков, 1-й Украинский во главе с маршалом Коневым,

2-й Белорусский под командованием маршала Рокоссовского.

Непосредственно на Берлин прорыв производят войска маршала Жукова. Армии Конева действуют южнее 1-го Белорусского фронта. Войска маршала Рокоссовского — севернее.

16 апреля. Ночь. Три часа берлинского времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт начал прорыв на Берлин.

Укрылось, прижалось к земле все живое. Молчит, не отвечает фашистская артиллерия. Да и где тут ответить, тут голову трудно поднять, рукой, ногой и то пошевельнуть опасно.

Ничего не могут понять солдаты. В недоумении генералы.

Три часа берлинского времени. И вдруг артиллерийский обстрел. Будет прорыв?! Но какой же прорыв ночью? Как идти в атаку?

Силятся, но не в состоянии ничего понять солдаты. Может быть, русские так, попугать решили? Может, спутали просто время?

А артиллерия бьет и бьет.

Загадочное что-то затеяли русские.

30 минут длился ураганный, испепеляющий все огонь. Но вот так же неожиданно, как он на-

чался, так и оборвался огненный шквал. Замерло все. Затихло. Тишина над позициями.

Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись генералы. Смотрят.

Что случилось, поначалу никто не понял. В глаза фашистам вдруг ударили, ослепили десятки невиданных солнц.

Зажмурились фашисты. Что такое?!

Сообразили наконец фашисты — так это же прожекторы.

Да, это были мощные советские прожекторы. На многие километры протянулись они вдоль линии фронта. И вот теперь, вспыхнув все разом, ночь превратили в день.

Слепит неприятеля свет, бьет фашистам в глаза навстречу.

Помогает свет нашим войскам. Освещает дорогу танкистам, помогает артиллеристам, пехотинцам и всем другим.

В растерянности фашисты. Да, не бывало еще такого!

Катится на них несокрушимо победный вал.

А в воздух уже поднялись, уже гудят советские самолеты. Довершают они удар. Невиданной силы удар! Невиданной дерзости.

ДЫМЫ

Прорывают войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова фашистский фронт.

И в это же время чуть южнее прорывают фашистскую оборону войска 1-го Украинского фронта, которыми командует маршал Конев.

Но если войска Жукова прорывали фронт ночью, залив фашистов светом прожекторов, то здесь, у маршала Конева, все обстоит иначе.

Здесь линия фронта проходит по реке Нейсе. Чтобы сломить гитлеровскую оборону, надо перейти Нейсу. Надо ее форсировать. Реку в минуту не перейдешь. Необходимо навести переправы, мосты. Дело это сложное, небыстрое. Незаметно для противника не создашь переправы. Поэтому не свет тут нужен, а маршалу Коневу нужна темнота.

— Есть темнота, — доложили маршалу летчики.

— Есть темнота, — доложили инженерные части.

Поднялись в небо советские самолеты. Вышли к берегу Пейсы инженерные роты. Поставили они над Нейсой дымовую завесу. Укрыли дымы и

Нейсу, и наш, и неприятельский берег.

Ясно фашистам — готовятся русские к наступлению. Но где, в каком месте? Когда?

Фронт перед войсками маршала Конева широкий — 390 километров. Вот и гадай, в каком месте начнется прорыв, где наводят мосты, куда подгоняют плоты и лодки.

Заметались фашисты. В напряжении гитлеровские генералы. Разослали вдоль всего фронта посыльных. Торопят с донесениями.

Звонят они на первый участок:

— Что там у вас?

Отвечают с участка:

— Дымы и дымы кругом.

Звонят на другой участок фронта:

— Что там у вас? Как противник? Что видно?

— Ничего не видно. Кругом дымы.

Соединяются с третьим участком:

— Как обстановка? Как ведут себя русские? Доложите, что видите.

— Видим дымы.

«Дымы», — доложили с четвертого участка. «Дымы», — доложили с пятого. «Дымы», «дымы», «дымы», — идут сообщения с шестого, седьмого, десятого.

Погода тихая, безветренная. Воздух почти не

движется. Дым не колышется. Висят над Нейсой дымы, укрывают советские части.

Мечутся фашистские генералы, гадают: в каком же месте советские войска начнут атаку? Где сосредоточить главные силы? Будь вы прокляты, эти дымы.

Подготовились советские части к прорыву. Но прежде и здесь началась мощная артиллерийская атака. Час сорок минут стреляли, не умолкая, пушки. Затем войска бросились форсировать Нейсу. Затем снова сорок пять минут содрогалась земля от выстрелов. Это была помощь тем, кто уже переправился на западный берег Нейсы.

Помогли дымы. Только в месте главного прорыва наши войска навели 133 переправы.

Рванулись советские войска вперед. У фашистов были три полосы обороны.

Не устояла первая полоса. Рухнула.

Не устояла вторая полоса обороны. Пала.

Прорвали войска маршала Конева третью оборонительную полосу.

Позади фашистская оборона. Проплывают дымы над Нейсой.

ПОД ШТЕТТИНОМ

Войска маршала Рокоссовского, 2-й Белорусский фронт, не должны были идти на Берлин. Они лишь помогали армиям Жукова, прикрывали их правый фланг. Главная задача Рокоссовского нанести удар по фашистам севернее Берлина и идти дальше, на запад, навстречу наступающим с запада американцам и англичанам.

У каждого из советских маршалов был свой план наступления. Маршал Жуков начал прорыв ночью, ослепив противника светом прожекторов. Маршал Конев, наоборот, приказал поставить дымовую завесу. Был свой план и у маршала Рокоссовского.

Стал он готовить удар у города Штеттина. Движутся сюда дивизии. Зорко следят фашисты за тем, что делается в наших войсках. Ведут разведку.

Идут к Штеттину колонны советских войск. Видят, в небе появился фашистский самолет-разведчик. И с виду он необычный — два фюзеляжа у самолета. Когда смотришь с земли, кажется, летит в воздухе рама. «Рама» — так и называли фашистский самолет-разведчик наши бойцы.

Закружила над советскими войсками «рама».

Высматривает, засекает, куда движутся войска, фотографирует.

— Что же нет истребителей? — заволновались солдаты.

Но вот появились в небе три советских истребителя. Довольны солдаты. Попалась «рама». Будут щепки сейчас от «рамы». Но что такое? Пролетели истребители мимо. Скрылись за горизонтом.

Двигалась вместе с советскими войсками зенитная установка. Развернули солдаты пушки, решили сами покончить с «рамой». Только развернули, только прицелились, подъехал генерал.

— Отставить, — скомандовал генерал.

Поражаются зенитчики и солдаты.

Вскоре появилась вторая «рама». Вновь приготовили зенитчики пушку, и снова команда:

— Отставить!

«Что такое?» — разводят руками солдаты.

Докладывают фашистские разведчики гитлеровским генералам:

— К Штеттину идут советские войска.

Хорошо действуют фашистские разведчики. Не только докладывают, что движутся советские войска, но и уточняют, сколько их и какие части идут:

— Три танковых корпуса.

— Две общевойсковые армии.

— Очень много переправочных средств. (Рядом со Штеттином протекает широкая река Одер.)

Все ясно фашистским генералам. Вот где маршал Рокоссовский начнет прорыв — тут, на Одере, возле Штеттина.

Собрали фашистские генералы поспешно с других участков фронта сюда войска. Приготовились. Ждут удара маршала Рокоссовского.

И Рокоссовский ударил. Только не тут. Не у Штеттина. А намного южнее Штеттина, там, где вовсе его не ждали.

Движение же войск под Штеттин — это был всего-навсего обманный маневр.

Прорвали войска 2-го Белорусского фронта оборону фашистов. Стремительным шагом пошли вперед.

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

Прошли войска маршала Жукова первую оборонительную полосу противника. Поднялись перед ними Зееловские высоты.

Зееловские высоты — укрепленный район на пути к Берлину. Местность здесь возвышенная, удобная для обороны. В сторону, откуда насту-

пают советские войска, обращены крутые скаты высот. Они изрезаны траншеями и окопами. Перед ними глубокий противотанковый ров. Кругом минные поля и огневые точки противника. Зееловские высоты — вторая полоса гитлеровской обороны.

Бросилась советская пехота на штурм высот. Не осилила обороны противника. Пошли в атаку танки. Не смогли прорваться на новый рубеж. Целый день до глубокой ночи и даже ночью атаковали советские части Зееловские высоты. Крепко их держат враги. Безуспешны наши атаки. День не принес удачи. Не сломила фашистов ночь.

«Замком Берлина» назвали фашисты Зееловские высоты. Крепко держат здесь оборону. Понимают — тут, на этих высотах, решается судьба Берлина.

Атакуют советские части фашистов. В разгар сражения над атакующими войсками появился советский самолет. Самолет как самолет. Не обратили бы солдаты на него особого внимания. Только вдруг стал самолет кружить над нашими частями. Покружил, покружил, помахал крылом, затем от него что-то отделилось. Тут же раскрылся парашют. Видят солдаты, что-то спускается.

Что — не поймешь. Ясно одно — не человек!

Спустился парашют ниже. Видят солдаты — ключ!

Ключ огромный, старинный. Опустился парашют на землю. Подбежали солдаты. Видят, к ключу прикреплена дощечка. На дощечке слова написаны. Читают солдаты: «Гвардейцы-друзья, к победе — вперед! Шлем вам ключ от берлинских ворот!»

— Вот это да!

— Эко ж придумали!

Толпятся солдаты вокруг ключа, каждому глянуть хочется.

Ключ был точь-в-точь такой, каким овладели русские войска в 1760 году, когда во времена Суворова они уже однажды брали город Берлин.

Понравилась солдатам выдумка летчиков. Поняли пехотинцы намек авиаторов.

— Ну, если есть ключ, разомкнем и замок!

Действительно, на следующий день советские войска овладели Зееловскими высотами.

А еще через день армии маршала Жукова прорвали третью, последнюю, оборонительную полосу фашистов.

Впереди за лесами лежал Берлин.

Чем ближе был Берлин, тем злее фашисты

вели бои.

«ОХРАНА ФЮРЕРА»

Прорвав оборону фашистов на реке Нейсе, войска маршала Конева начали стремительный марш на Берлин.

«До Берлина 100 километров», — читали советские танкисты путевые указатели утром.

— Осталось 75, — говорили они днем.

Затем замелькало 60, 55, 50…

И вдруг танки неожиданно свернули на юг от Берлина. У танкистов словно что-то внутри оборвалось. «Неужели обойдем стороной?»

— Да, обойдем, — понимают танкисты.

Отходят танки от Берлина все дальше и дальше.

— Не повезло!

До вечера, до темноты отходили танки.

— Э-эх, прощай, Берлин!

И вдруг!

— Стой! Поворот на север, — прошла команда.

Оказалось, что отход танков на юг от Берлина был предпринят для того, чтобы обмануть фашистов, заставить их думать, что танки движутся совсем в другом направлении.

Так и решили фашисты.

В темноте, с потушенными огнями танки развернулись на север.

Как вихрь, понеслись они вперед, туда, где за дальними перелесками и набухшими от весенней воды ручьями находился фашистский Берлин.

Ушли вперед танковые армии, а в тылу у советских войск, под городом Шпрембергом, еще оставались фашисты. Они нажимали на правый фланг войск маршала Конева, были хорошо вооружены и представляли большую угрозу. Здесь в числе других против нас сражалась и танковая дивизия «Охрана фюрера». Уже встречались войска маршала Конева с дивизией. Было это в первый же день прорыва неприятельской обороны на реке Нейсе. Немало тогда хлопот доставила фашистская дивизия.

Окружили наши войска врагов. Окружили, зажали в стальное кольцо. Не уйти из кольца фашистам.

Командовал разгромом фашистской группировки генерал Лебеденко.

— Ну, как «Охрана фюрера»? — поинтересовался после сражения маршал Конев.

— Уничтожена, товарищ маршал! — отрапортовал Лебеденко.

— Ну что ж, — сказал Конев. — Раз уничтожена охрана фюрера, значит, дело теперь за самим фюрером.

ШТУРМ МЮНХЕБЕРГА

Небольшой городок Мюнхеберг. Лежит он на полпути между Зееловом и Берлином.

Через Мюнхеберг на Берлин шел танковый корпус полковника Бабаджаняна. Однако подойти к Мюнхебергу оказалось очень сложно. Кругом леса. Лишь одна дорога проходит с востока к городу. Вся она заминирована. Каждый метр на ней простреливается фашистской артиллерией. В придорожных кустах притаились фаустники. В руках у них фаустпатроны — гранаты очень большой взрывной силы. Выстреливались фаустпатроны из особого ружья и пробивали любую броню на танках.

Нелегко по такой дороге прорваться к Мюнхебергу. Почти невозможно. Дорога узкая. Подобьют фаустники головной танк — идущие следом вынуждены остановиться. Положишь здесь весь танковый корпус, но так и не возьмешь Мюнхеберг.

Что же делать?

Командир корпуса полковник Бабаджанян

нашел выход.

— Ломай лес! — подал команду Бабаджанян.

Свернули танки с дороги в лес. Повалились под ударами брони осины и ели. Подминают танки кусты, рассекают лесные чащи. Чем глубже в лес, тем деревьев больше. Плохо видно в лесу танкистам. Мешают стволы деревьев. Заслоняют просветы кусты и чащи.

Прошло очень немного времени, и здесь, в лесу, появились фаустники. Укрываются они за стволами деревьев, прячутся в любой ложбинке, любом овражке. С деревьев стреляют по танкам. Бой есть бой — выходят из строя танки.

В любом деле критик всегда найдется. Так и сейчас:

— Эх, не учел Бабаджанян!

— Поторопился Бабаджанян!

— Может, назад вернуться?

— Вперед! Вперед! — командует Бабаджанян.

Оказывается, предусмотрел Бабаджанян возможность лесного боя. Выслал вперед мотострелков. Едут стрелки, прочищают лесные дебри. Сбивают с еловых ветвей фашистов. Из автоматов к земле пришивают противников. Все легче и легче идти танкистам. Все реже и реже огонь врагов. Вот и лес поредел. Вот и Мюнхеберг впереди.

Вышли вперед танкисты. Ворвались в фашистский город.

Сразу пошли разговоры:

— Наш-то, того, обхитрил фашистов.

— Молодец Бабаджанян!

— Голова Бабаджанян!

После завершения Великой Отечественной войны Герой Советского Союза Амазасп Хачатурович Бабаджанян еще долго служил в рядах Советской Армии. Он стал генералом, а затем и маршалом бронетанковых войск.

ПУСТОЕ МЕСТО

Быстро наступают наши войска. Битва идет на земле и в небе. Герхард Кюттель, летчик фашистского истребительного флота «Райх», в составе своей эскадрильи вылетел для отражения атаки советских бомбардировщиков на Берлин.

Кюттель в авиационном деле не новичок. Десятки воздушных боев за плечами у Кюттеля. Две фашистские награды — два Железных креста украшают грудь. Старшим летит он в группе.

Одного лишь боятся фашисты — встречи с советскими истребителями.

Чего боялись, то и случилось.

Перехватили фашистов советские истреби-

тели.

Завязался короткий, но жаркий бой. Разбиты в бою фашисты. Целым лишь Кюттель один остался.

Возвращается летчик на аэродром. Вот и знакомый лесок. Вот и знакомое поле. Быстро идет на посадку. Коснулись колеса бетонной дорожки. Закончил пробег самолет. Развернулся Кюттель. Рулит на стоянку.

Рулит. Смотрит: то и не то — непривычное что-то на аэродроме. Люди в советской военной форме.

Быстро наступали наши. Пока находились фашистские летчики в небе, пока сражались с советскими истребителями, заняли фашистский аэродром советские части.

Не растерялся Кюттель. Быстро нажал на газ. Благополучно поднялся в небо. Пришел в себя. Соображает.

Решил он лететь к соседям. Вот и знакомый изгиб шоссе. Вот и знакомый овражек у аэродромного поля. Вот и взлетная полоса. Зашел на посадку Кюттель. Убрал газ. Планирует.

Коснулись колеса бетонной дорожки. Сбавляет машина скорость.

Смотрит Кюттель: то и не то. И верно, не то.

Открыли с аэродрома стрельбу по Кюттелю. Понимает Кюттель: и здесь уже русские части.

Снова поднялся в воздух. К более дальним летит соседям. Но и эти соседи уже не соседи. И здесь обстреляли Кюттеля. Летал к четвертым, летал к пятым — всюду не лучше. Всюду один прием. Наступают советские армии. На родной, на немецкой земле нет для Кюттеля больше места.

Что же дальше случилось с Кюттелем?

Неизвестна его судьба. Возможно, зенитные части все же его подбили. Возможно, сдался он нашим в плен. Был такой летчик, и больше нет. Была эскадрилья, и тоже нет. Да что эскадрилья, да что там Кюттель. Плачевны дела у фашистов. Полыхает кругом земля. Сам фашизм адским пламенем догорает.

НА ТРУБЕ

Армии маршала Конева продолжали идти на Берлин.

Артиллерия вела огонь по фашистам. Место южнее Берлина ровное, лесистое. Ни холма здесь, ни высотки. Трудно артиллерийским командирам управлять здесь боем: наблюдать за тем, как точно ложатся снаряды в цель, вносить поправки и уточнения.

Продвинулись артиллеристы еще чуть вперед и вдруг вышли к заводу. Заводик, правда, маленький. Зато труба высоченная. Посмотрел на трубу генерал Корольков. Улыбнулся озорно. Забрался на трубу, сидит там, как аист в гнезде. Хорошо на трубе. Далеко видно. Сидит с телефонной трубкой. Подает вниз команды. Там, внизу у трубы, оборудован центр управления огнем. Отсюда команды поступают на батареи.

Сидит генерал, увлечен артиллерийским боем.

В это время к артиллеристам приехал командующий фронтом маршал Конев. Представились офицеры командующему.

— А где же генерал Корольков? — спрашивает маршал.

Смутились офицеры. Не знают, что и ответить. Понимают они, что как-то несолидно генералу сидеть на трубе. Однако что же тут делать, не станешь же неправду докладывать маршалу.

— Товарищ маршал, на трубе генерал Корольков, — доложили офицеры.

— На трубе?!

— Так точно, товарищ маршал.

Поднял Конев голову — верно, как аист в гнезде, сидит на трубе Корольков.

Глянул вниз генерал, увидел командующего

фронтом. Стал поспешно спускаться вниз. Спустился, представился.

Посмотрел на Королькова Конев, покачал головой.

— По-лейтенантски действуете, товарищ генерал.

— Так точно, товарищ маршал, поступаю, как предписано званием, — действую по-лейтенантски, — отрапортовал Корольков.

Не понял Конев, в чем дело. Поднял глаза на генерала. Глянул невольно и на погоны.

По две большие звезды на погонах у генерала. Был Корольков в военном звании генерал-лейтенанта.

Рассмеялся Конев:

— По-генерал-лейтенантски, — поправил.

— Так точно, — соглашается Корольков. И тут же тише: — Товарищ маршал, обстановка заставит — петухом запоешь.

Вновь рассмеялся Конев.

Принял Конев доклад генерала, уехал.

Понравилась маршалу находчивость генерала. Да и труба понравилась.

НА БЕРЛИН ИДУТ МАШИНЫ

Он стоял на перекрестке — русский труженик солдат. На Берлин идут машины. У бойца в руках флажок. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины, танки справа, пушки слева, пушки справа, танки слева. Час идут, второй и третий. Не предвидится конца.

Он стоял на перекрестке. Он смотрел на эту силу. И былое шло на память. Год за годом. Шаг за шагом.

Вот он первый — сорок первый. Год-страдалец. Год-герой.

Сколько отдано земель. Сколько отдано друзей. Сколько слез страной пролито. Но и в этот первый год не терял боец надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом. А сейчас стоит и смотрит: неужели под Берлином?!

Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Мощь идет. Гудят машины. Сотрясается земля.

Год за годом. Шаг за шагом. Сколько горя позади. Гнули, гнули нас фашисты. Все, казалось, шаг — и все. Но в минуты те крутые даже там, у Сталинграда, у Ладоги, у Эльбруса, не терял солдат

надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом!

А сейчас стоит и смотрит. Неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Шаг один — и ты в Берлине!

Год за годом. Шаг за шагом. Устояли наши в битвах. Вся страна ковала силу. Фронтом был и фронт и тыл. Вся страна ковала силу, и настал момент счастливый — дрогнул враг. И перед силой затрещала, сникла сила.

Отшагало время сроки, отсчитало рубежи. И Перфильев под Берлином.

Вот стоит на перекрестке русский труженик солдат. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины. Пушки слева, танки справа. Слева танки, пушки справа. День и ночь шагает сила. Мощь идет. Под весом этим содрогается планета. Мощь идет. Под весом этим прогибается Земля.

ИЗ АНГЛИИ? ИЗ АМЕРИКИ?

Идут и идут советские войска. Бесконечным потоком шагает техника. С удивлением смотрят немецкие жители на это железное шествие.

Разные ложные слухи распускали о нас фашисты. Внушили они немецким гражданам, что у Советской Армии нет хорошего вооружения. А если что и есть, что все это либо из Америки, либо из Англии.

Идут и идут войска. Идут танки. Наиболее смелые и любопытные немцы подходят к советским бойцам, спрашивают:

— Из Америки?

— Что-что? — поразились танкисты.

— Из Америки? — переспросили жители.

— Нет, — отвечают танкисты.

— Из Англии?

Рассмеялись танкисты.

— Да нет же. Из Советского Союза. — И уточняют: — С Урала.

Поражаются жители. Косо, недоверчиво на советских солдат смотрят.

Прошли танки, движется артиллерия. Смотрят жители на грозные пушки, обращаются к артиллеристам:

— Американские?

— Нет, — отвечают артиллеристы.

— Английские? — спрашивают жители.

— Да нет же, — отвечают артиллеристы. — Наши, советские пушки.

Отличные пушки имела Советская Армия. И противотанковые, и зенитные. И знаменитые «катюши». Много оружия нужно армии. Создали советские люди такое оружие.

Движут войска, продвигается техника. А в небе эскадрилья за эскадрильей идут самолеты. Запрокинули немцы головы, смотрят на эту небесную мощь. Обращаются к советским солдатам:

— Американские?

— Что-что? — не поняли солдаты.

— Самолеты из Америки? — переспросили немцы.

— Нет, — рассмеялись солдаты.

— Из Англии?

— Да нет же, — смеются солдаты. — Это наши, советские самолеты.

Отличной в годы войны стала советская авиация. Много заводов построили советские люди. Много новых машин придумали советские авиаконструкторы. Нет недостатка советским асам в первоклассной советской воздушной технике.

Смотрят жители немецких городов на летящие самолеты, на пушки, на танки. Поражаются жители:

— Русские!

Поправляют солдаты:

— Наши, советские!

ХОФАКЕР

Городок их стоял на востоке от Берлина. Был он маленький-маленький. Словно игрушечный.

Прожил старик Хофакер здесь семьдесят лет. Песчинку любую знает.

Наступают с востока русские. Понимает старик Хофакер, что для русских подобный город как льву на зубок крупинка.

И вдруг прибегают к Хофакеру внуки:

— Крепость! Крепость!

— Что такое? — не понял Хофакер.

— Наш город — крепость! — кричат мальчишки.

Соседи тоже про крепость говорят. И бургомистр подтверждает:

— Крепость, Хофакер, крепость!

— Какая же крепость?! — моргает старик глазами. Прожил здесь Хофакер семьдесят лет. Любую песчинку знает.

Развел бургомистр руками.

Да, таков был приказ фашистов. Все города, которые находились на восток от Берлина, объявили они крепостями. Был строгий приказ: советским войскам не сдаваться. Сражаться всем

до последнего: и старикам и детям.

Приказ есть приказ. Стали готовиться жители к защите родного города. Пришли к Хофакеру. Забирают в солдаты внуков.

И вдруг Хофакер:

— Не дам я внуков.

— Да что ты, старый!

— Приказ же фюрера!

— Не дам! — уперся старик Хофакер.

Погибли все на войне у Хофакера. Было три сына. Было три зятя. Было, теперь не стало. Весь род как метлой смело. Остались одни лишь внуки.

— Не дам! — прокричал Хофакер.

Оказался старик упрямым. Рядом с городом — русские. Вывесил белый флаг. Посмотрели другие. Прав Хофакер. Зачем же всем погибать напрасно? Появились белые флаги и на других домах.

Узнали фашисты. Примчались в город. Убили Хофакера. Худо пришлось бы жителям. Да тут подошли советские части.

В Анкламе, в Грейфсвальде, в Фрейбурге и в других городах Германии поднялись тогда горожане. Воспротивились приказам фашистов. Спасли города от гибели.

Погиб Хофакер, а внуки остались. Сохранился их давний род. Выросли внуки. И ныне живут

в Германии. В свободной, в демократической, в современной Германии, в стране, которая называется ГДР.

«АХ!»

Дюринсгоф — один из маленьких городков недалеко от Берлина. Не ожидают здесь русских, не верят в стремительный наш прорыв.

И вдруг как снег на голову оказались у городка советские танки. В короткой схватке разбили они зацепившихся здесь фашистов. Проходят по городу танки.

Отбросили танкисты бронированные люки, смотрят на улицы. В одной из машин лейтенант Андрей Мельник. Проходят танки по улицам вдоль домов. Читает Мельник вывески на зданиях и магазинах: «Аптека», «Хлеб», «Идеальное молоко». А вот и еще одна вывеска: «Телефонная станция».

Прочитал лейтенант, что-то в уме прикинул.

— Стой! — крикнул механику.

Притормозил тот танк, чтобы другим не мешать, отъехал чуть в сторону.

Вышел из танка лейтенант Мельник, побежал к телефонной станции. Бежит, что-то озорное, видать, придумал. Уж больно лукаво глаза блестят.

Вошел Мельник в помещение станции. У аппаратов сидят две девушки-телефонистки. Увидели телефонистки советского офицера. Обе:

— Ах!

И тут же упали в обморок.

— Не бойтесь, — кричит лейтенант. — Не бойтесь!

Подошел к одной, подошел ко второй, привел и одну и вторую в чувство. Открыли телефонистки глаза, смотрят искоса на советского лейтенанта.

Улыбнулся Мельник, говорит по-немецки. А надо сказать, что знал он немецкий язык отлично:

— Соедините меня, любезные медхен[5], с Берлином.

Только сказал, как телефонистки снова:

— Ах!

И снова упали в обморок.

Пытается лейтенант Мельник опять привести их в чувство. Не получается. Не приходят телефонистки в себя. В глубоком лежат испуге.

Подумал, подумал Мельник, попробовал сам вызывать Берлин. Послышался в трубке голос:

— Слушает вас Берлин.

— Примите телефонограмму, — говорит Мель-

---

[5] Примечания: 5
Девушка.

ник.

— Готова к приему, — отвечает берлинская телефонистка.

Диктует Мельник:

— Коменданту Берлина генералу Вейдлингу. Записали? — спрашивает у телефонистки.

— Записала, — отвечает телефонистка.

— Ожидайте Берлине. Скоро будем. Готовьте квартиры. Записали?

— Записала, — отвечает телефонистка.

— С гвардейским приветом, — продолжает диктовать лейтенант. — Телефонограмму передал командир взвода советских танков лейтенант Мельник.

Только произнес лейтенант эти слова, как в трубке:

— Ах!

И замолчала трубка.

— Алло! Алло!

Не отзывается трубка. Ясно лейтенанту, что и в Берлине медхен тоже упала в обморок.

Сдвинул лейтенант на затылок танкистский шлем. Улыбнулся, побежал к выходу. Вернулся к своим.

— Что там? — обратились к нему с вопросом.

Улыбнулся танкист лукаво.

— Да так… Знакомой одной звонил.

ШТУРМОМ ОСИЛЯТ НЕБО

С запада, с севера, с юга наступают войска на Берлин. На десятки километров вокруг полыхает гигантская битва. В центре Европы сошлись две силы. Кипит земля, как огонь, как лава, клокочет, как сталь в мартенах.

От разрывов снарядов, от мин, от «катюш», от бомб загорелись кругом леса. Полыхает земля пожаром. Во многих местах фашисты и сами леса подожгли. Как барьер, как стена поднимается пламя. Дым застилает землю. Горным хребтом на пути встает.

Трудно в огне солдатам. И все же рвутся они вперед. Наступают советские чудо-богатыри.

Места под Берлином ровные, низкие. Пересекли равнину, ручьи и реки. Расчертили карту кругом каналы. Берега каналов и рек в железо, в бетон одеты. Стеной отвесной на два-три метра ушли к воде.

Возникли на пути у советских войск новой преградой каналы и реки. Пролегли нескончаемой западней.

Трудно солдатам. И все же рвутся они вперед. Сокрушают преграды. Штурмуют каналы, реки.

Наступают советские чудо-богатыри.

На защиту Берлина бросили фашисты свои лучшие силы. В числе отборных фашистских войск личные дивизии Гитлера, дивизии «Викинг», «Бранденбург», «Богемия», «Герман Геринг», «Мертвая голова».

В бой смертельный, в бой последний идут фашисты. За строем погибших поднимается новый строй.

— Все на защиту Берлина!

— Все на защиту Берлина!

— Все на защиту Берлина!

В доты оделась земля предберлинья. В латах бетонных стоит Берлин.

Трудно солдатам. И все же рвутся вперед солдаты. Наступают советские чудо-богатыри. Нет для советских солдат невозможного, нет для солдат преграды.

Если надо — море пешком перейдут.

Если надо — землю насквозь пройдут.

Если надо — штурмом осилят небо!

ПОДАРОК ФЮРЕРУ

В центре Берлина огромное мрачное здание. Целый квартал занимает здание. Это имперская канцелярия — ставка Адольфа Гитлера.

Сотни комнат в имперской канцелярии, сотни окон, множество лестниц, коридоров, просторных залов. Но не здесь, не в этих комнатах, этих залах, а глубоко под ними, в мрачном и глухом подземелье, в 16 метрах от поверхности земли, вдали от света, от солнца находится фюрер фашистской Германии.

Много фашистов набилось сюда, в подземелье. Тут и ближайшие помощники Гитлера: Геринг, Геббельс, Гиммлер. Тут и личный адъютант генерал Бургдорф, и личные летчики, и личные врачи, и личная охрана Гитлера, и личный шофер, и личная повариха, и даже любимая собака фюрера овчарка Блонди. Не одна — с четырьмя щенятами.

Охраняют убежище Гитлера 700 отборных солдат. Тройным кольцом часовых опоясана имперская канцелярия.

Здесь, в подземелье у фюрера, бесконечные заседания и совещания. Шепчется он с приближенными, ищет путей, как продержаться дольше, как затянуть войну. На чудо надеется Гитлер: вдруг не хватит у русских сил, вдруг вообще случится что-то негаданное.

Тяжелые вести идут с фронтов. Гитлер приходит в бешенство. Страшен фюрер в такие минуты.

Глаза, кажется, вот-вот вылезут из орбит. Бегает Гитлер по комнате. Пробежит, остановится. Пробежит, остановится. Его крики словно удар хлыста. Цепенеют от них приближенные. Вжимают шеи в тугие армейские воротники. Готовы как снег растаять.

Вот и сейчас. Пришло сообщение, что советские войска прорвали фашистскую оборону у Зееловских высот, на Нейсе и на Одере.

— Измена! — кричит Гитлер.

— Трусы! Тупицы! — клянет своих генералов.

— Немецкий народ не достоин меня!

— Расстрелять виновных! — Через минуту: — Нет. Повесить. — Еще через минуту: — Нет. Расстрелять, а затем повесить!

И снова:

— Предатели!

— Трусы!

20 апреля в подземелье отмечался день рождения фюрера. Нерадостен этот день — все ближе и ближе подходят к Берлину русские. Сидит фюрер в кресле. Размяк, раскис. Опустил голову, не шевельнется. Приходят приближенные, поздравляют Гитлера. Удаляются, словно тени. Не знают, чем отвлечь от недобрых дум. Чем угодить, не знают.

Вдруг оттуда, сверху, послышались залпы. Один, второй, третий. Это советская артиллерия открыла огонь по Берлину. Все подняли головы вверх, застыли.

Встрепенулся Гитлер. Тоже голову поднял.

— Что там?

Не хватает ни у кого мужества сказать, в чем дело. Стоят, друг на друга искоса смотрят. А потом все вместе — на адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа. Не растерялся Бургдорф, вышел вперед:

— Салют, мой фюрер!

Оживился Гитлер. Встал. Подтянулся. Руку за борт пиджака закинул.

Снова небо взорвали залпы.

Война подошла к Берлину.

«МЫ В БЕРЛИНЕ»

21 апреля 1945 года советские войска штурмом ворвались в Берлин.

Родом они полтавские. Петр Кириенко и Стась Кириенко — отец и сын. Вместе ушли на войну из дома. В первые дни войны. Оказались вместе в части одной, в роте одной и во взводе. Вместе дороги военные мерили. Вместе ходили в атаку, в разведку. Вместе мечтали о победе.

— Быть нам, сынку, в Берлине. Быть нам в Бер-

лине, — говорил Кириенко-отец.

Под Сталинградом мечтали они о Берлине. Затем в боях под Курском. Затем на Днепре.

Стась Кириенко молод, безус. Петр Кириенко — солдат с заслугами. В первую мировую войну воевал. В гражданскую воевал. Ранен. Контужен. Осколки снаряда в теле хранит как память.

Петр Кириенко и Стась Кириенко словно орел с орленком. Поучает солдатской премудрости молодого солдата бывалый:

— Быть нам, сынку, в Берлине. Быть!

Ранило как-то Стася осколком в грудь. Вынес отец Кириенко сына из самого пекла боя. Контузило как-то Стася. Привалило землей в окопе. Разгреб Кириенко-отец обвал. Снова сына унес от смерти.

Шагают солдаты путями войны. Мужает Стась Кириенко в боях и походах. Был молодым птенцом, а нынче и сам летает.

Медали заслужили отец и сын. Вскоре к медалям пришли ордена. С орденами почет и слава.

Наступает Советская Армия. Отвоевали Кириенки и Дон и Донбасс. Принесли свободу родной Полтавщине.

— Дойдем до Берлина! Быть нам в Берлине!

Перед бойцами широкий Днепр.

На Днепре при переправе совершилось непоправимое. Сразила фашистская пуля Петра Кириенко.

Помирает отец-солдат:

— Сынку, дойдем до Берлина. Сынку…

Дальше шел Кириенко Стась. Походом, боями прошел Украину, Польшу, и вот ворвались наши войска в Берлин.

Последние дни апреля. Стоит солдат на берлинской улице. Смотрит в небо, на громады домов. Отвлекся солдат от боя. Неужели и вправду в Берлине?

Шепчут солдатские губы:

— Да, батька, мы в Берлине.

Подошел солдат к стене соседнего дома. Штыком по известке вывел, словно печать поставил: «Петр Кириенко, Стась Кириенко, апрель, 1945 год».

КАЖДАЯ УЛИЦА ДЫШИТ СМЕРТЬЮ

Берлин огромный город. 600 тысяч домов в Берлине. Каждая улица дышит смертью.

Возвели фашисты на улицах баррикады, завалы, заграждения. Минные поля прикрывают подходы к завалам. Пулеметы простреливают каждый клочок земли. Каждый дом в Берлине

стал настоящей крепостью. Каждая улица — полем боя.

На одной из берлинских улиц завал оказался особенно прочным. Из железа, из стали, из каменных плит возвели здесь завал фашисты. Штурмовала завал пехота. Не прорвались вперед стрелки. Лишь гибнут в атаках зазря солдаты. Подошли к завалу советские танки. Открыли огонь из пушек. Пытаются пробить проход. Нет достаточной силы в снарядах, в танковых пушках. Стоит, как стена, завал. Преградил он дорогу пехоте, танкам. Застопорилось здесь продвижение.

Смотрят солдаты, пехотинцы, танкисты на железо, на камни, на сталь:

— Подрывников бы сюда, саперов.

И вдруг словно бы кто-то подслушал солдат. Видят они: к завалу ползет сапер. Ползет, тащит взрывчатку, бикфордов шнур. Вот привстал. Переждал. Пригнулся. От дома к дому перебежал. Вот снова ползет по-пластунски.

Впились солдаты в него глазами. Каждый удачи ему желает. Подобрался взрывник к завалу. На одну из каменных плит поднялся. Лег на плиту. Кладет под плиту взрывчатку. Уложил. Шнур протянул бикфордов.

Следят за сапером солдаты. Что за чем после-

дует, точно знают. Вот сейчас бикфордов шнур подожжет боец. Заспешит по шнуру огонек к взрывчатке. Быстро спрыгнет с плиты сапер. Отползет побыстрей от завала. Дойдет огонек до цели. Сотрясется завал от взрыва. Возникнет в завале брешь. Сквозь брешь и рванутся вперед солдаты.

Так и есть. Вот вынул спички боец из кармана. Вот высек огонь. Вот подносит огонь к шнуру. И вдруг. Вскинул сапер руками. Упал на плиту и замер. «Убит!» — пронеслось.

Но нет. Шевельнулся солдат.

— Братцы, да он не убит. Он ранен.

Шевельнулся взрывник. Голову чуть приподнял. Посмотрел на плиту, на шнур. Что-то, видать, прикинул. Двинул рукой, потянулся к спичкам. Вот снова в руках у него коробок. Вот силится высечь огонь солдат. Чиркнул спичкой. Да силы малы. Не зажглась, не вспыхнула сера. Опустился вновь на плиту сапер.

Видят солдаты — плита краснеет. Теряет и силы боец, и кровь. Но нет, не сдается солдат. Снова потянулся к спичкам. Снова в руках у него коробок. Чиркнул спичкой. Горит! Тянет спичку к шнуру, дотянулся. Побежал к взрывчатке дымок, закурился змейкой.

— Прыгай, прыгай! — кричат солдаты саперу.

Лежит на плите сапер.

— Прыгай! Прыгай!

И только тут понимают солдаты — нет сил у сапера спрыгнуть.

Лежит на плите герой.

Грянул взрыв многотонной силой. Взлетели в небо плиты и камни. Открылся проем в завале. Устремились в него солдаты.

Вечная память отважным. Вечная слава храбрым.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Рядовой Михаил Панкратов только-только был призван в армию. Провожают его родители.

— Не опозорь наш солдатский род, — сказал отец Павел Филиппович.

— Пусть храбрость в бою не покинет тебя, — сказала мать Прасковья Никитична.

Излишни родительские наставления. Горд за судьбу молодой солдат. Рвется скорее сразиться с фашистами.

Бежит эшелон на запад. Гудит паровоз на подъемах. Колеса стучат на стыках. Лежит солдат на вагонных нарах, о делах боевых мечтает. Вот гонит он, вот бьет он врага, разит огневым

автоматом. Вот смело идет в разведку, тащит назад «языка». Вот первым бросается в наступление, врывается первым в неприятельский город-крепость, гвардейское знамя вздымает к небу. Мечтает солдат о подвигах. Скосит глаза на грудь — грудь в боевых наградах. Торопит судьбу солдат.

— Быстрее, быстрее, — кричит паровозу.

— Быстрее, быстрее, — кричит вагонам.

Несутся один за одним километры. Пробегают мимо поля, леса, города и села.

Вот бы попасть под Берлин, на Центральное направление — лелеет мечту солдат. Улыбнулась судьба солдату — попал на Центральное направление, в армию, шедшую на Берлин.

Рад безумно Панкратов такой удаче. Срочно пишет письмо родителям. Пишет не прямо, время военное — прямо писать нельзя, пишет намеком, однако понять нетрудно, что на Центральном солдат направлении. «Ждите вестей из Берлина», — кончает письмо Панкратов.

Отправил письмо. Опять о делах боевых мечтает. Вот вступает солдат в Берлин. Вот с победой дома его встречают.

Дождался Панкратов великого дня. Рванулись войска в наступление.

Но что такое?! Ушли войска. Однако задержалась рота Панкратова.

Панкратов и другие бойцы к старшине:

— Что же такое, Кузьма Васильевич?

— Тихо, тихо, — сказал старшина. Голос принизил, ладонь поднес к губам. — Особое будет для нас задание.

И верно. Прошел день, посадили бойцов на машины. Глотнули бензин моторы, покатили вперед машины.

Сидят в кузовах солдаты. Довольны судьбой солдаты. Честь им оказана — особое им задание.

Намотали колеса версты, подкатили машины к огромному полю. Сиротливо, безлюдно поле, изрыто воронками, истерзано ранами.

— Слезай, — прозвучала команда.

Спустились с машин солдаты. Построил бойцов командир:

— Товарищи, — кинул рукой на поле.

— Что бы такое? — гадают солдаты. — Может, секретный объект на поле? Может, завод или штаб подземный?

— Товарищи бойцы, — повторил командир. — Мы получили почетное задание — вспахать и засеять поле.

Все так и ахнули.

— Вот так почетное! Вот так задание!

Однако приказ есть приказ. За работу взялись солдаты.

Но не успокоился Панкратов, вместе со всеми ропщет:

— Вот так попал на Центральное направление! Что же домой я теперь напишу? Что же сообщу родителям?

В эту минуту и оказался рядом с Панкратовым старшина. Посмотрел старшина на молодого солдата, сказал строго:

— Так и напишешь. Не там, — показал на запад, туда, где догорали бои за Берлин, — а тут и есть центральное направление. Не для смерти и боя родились люди. Жизнью и миром велик человек.

Притих, умолк Панкратов. Притихли другие солдаты.

Вонзились плуги в весеннюю землю. Радость жизни навстречу брызнула.

МАЙОРЫ

Ворвались войска в Берлин. Пробивают дорогу к центру. А в это время другие части с севера, с юга обходят город. Окружают они Берлин. Наступают навстречу друг другу два фронта — 1-й Белорусский и 1-й Украинский. Рвутся солдаты

к победной встрече. В первых колоннах идут танкисты.

Бывшие лейтенанты Петр Еремин и Василий Дудочкин, в 1942 году они принимали участие в окружении фашистов под Сталинградом, давно уже не лейтенанты. Майоры они.

Повзрослели. Закалились. Оба в наградах. Словом, бойцы бывалые.

Всякое было за эти годы. Сводила судьба друзей. Разводила. Смерть проходила рядом, рядом совсем дышала. Нелегок их ратный путь. То вместе они сражались. То снова по разным фронтам и армиям.

Вот и сейчас. Служил Еремин во 2-й гвардейской танковой армии на 1-м Белорусском фронте у маршала Жукова. Служил Дудочкин в 4-й гвардейской танковой армии на 1-м Украинском фронте у маршала Конева.

Мечтали друзья вместе войну закончить. А нынче ищи солдата в поле.

Обходят войска Берлин. Пробивают дорогу танки. Все ближе, все ближе к заветной цели.

И вот 25 апреля в 12 часов дня сомкнулись войска за Берлином. Схвачен Берлин в «мешок».

Бросились танкисты навстречу друг другу. Радость бушует в людях. Бежит Еремин. Бежит

Дудочкин. Бывают же в жизни порою встречи.

— Петя!

— Вася!

Метнулись оба. И жмут в объятиях один другого. До слез. До боли. Вот это встреча!

А рядом двое. Совсем безусых. Два лейтенанта. Бегут друг к другу.

— Григорий!

— Паша!

— Как мы с тобой тогда, у Волги, — сказал Еремин.

И вдруг то поле под Сталинградом, тот снег пушистый, тот день великий встревожил память. Стоят майоры, и снег пушистый перед глазами.

Подбежали лейтенанты друг к другу, расцеловались.

— Григорий!

— Паша!

Вдруг оба видят: стоят майоры. Стоят и смотрят. Смутились лейтенанты. Зарделись оба.

И отвернулись тогда майоры. Зачем смущать им лейтенантов.

А слева, справа сюда сходилось все больше силы, все больше стали.

Берлин отрезан. Фашизм в капкане.

ЙОЗЕФ КЛАУС

Йозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды.

Район Шпандау. Живет здесь Клаус. Спокоен Клаус. На фронте не был.

И фрау Клаус спокойна тоже. Йозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды. При чем здесь Клаус? Он мирный житель. Другие будут за все в ответе.

И дети тоже совсем спокойны.

Йозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды. Он чист, как ангел.

Спокойны дети. Спокоен Клаус.

Кругом в Шпандау идет сраженье. Вдруг грохот рядом. Снаряд со свистом в окно ворвался. Взрыв дернул стены. Осели стены.

Уцелела чудом каким-то фрау. Сохранились чудом каким-то дети.

А Клаус рухнул. Лежит, а рядом лежит осколок. Взял в руки Клаус. На срезы глянул:

— Из нашей стали…

Сказал и умер.

Йозеф Клаус на фронте не был. Он мирный житель. Ковал железо. Точил снаряды.

За что ж, скажите, конец столь дикий?

Рыдают дети. Рыдает фрау.

Берлин в апреле. Район Шпандау.

ДАНКЕ ШЁН

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что затихли бои. Еще не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Уплетают за обе щеки солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко — повар, хозяин кухни.

Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

— Кому добавки? Кому добавки?

— Ну что ж, подбрось, — отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится. Вдруг чувствует Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся — и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома мальчонка с ноготок, на Зюзина глазами

голодными смотрит.

Сержант поманил мальчишку.

— Ну-ка ступай сюда.

Подошел тот к солдатской кухне.

— Ишь ты, неробкий, — бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Тянет мальчишке.

— Данке шён, — произнес малыш. Схватил миску, умчал в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

— Миску не слопай, смотри, верни.

— Э-эх, наголодался, видать, — отозвался ефрейтор Зюзин. Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

— Что же тебе, добавки?

— Битте, фюр швестер, — сказал мальчишка.

— Для сестренки просит, — объяснил из рядом сидящих кто-то.

— Ну что же, тащи и сестренке, — ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

— Данке шён, — произнес мальчишка. И снова исчез в подворотне. Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Тащит опять тарелку. Подошел

он к походной кухне. Тянет вперед тарелку.

— Битте, фюр мутер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

— Ишь ты какой проворный.

Получил и для матери мальчик каши.

Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей — каша не в кашу, в рот не лезет.

Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

— А ну подходи! — крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

— Не толпись, не толпись, — наводит порядок Зюзин. Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому. Получают ребята кашу:

— Данке шён!

— Данке шён!

— Данке шён!

Вдруг в небе взвыл самолет. Глянули вверх солдаты. Не наш самолет — фашистский.

— А ну по домам! А ну по домам! — погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

— Марш! — закричал ефрейтор.

Пикирует самолет. Завыла бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин один замешкался. Ударила бомба — ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползет по камням, по притихшей улице.

ТРИ АВТОМАТА

Солдат Ковригин в стрелковом взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата:

— Отец!

— Папаша!

А чаще:

— Батя?

Ему за сорок. Давно семейный. Дети-солдаты есть у солдата.

Дивизия, в которой служил Ковригин, наступала на Берлин с севера.

Пробились солдаты через Панков. Это берлинский пригород, большой район. Вышли на Фридрихштрассе — одну из центральных берлинских улиц. Особенно упорные здесь бои. Дрались за каждый дом. Поработала здесь артиллерия. Самолеты бомбили улицу. От многих домов остались лишь стены. И все же не сдаются фашисты. Огрызается каждый дом.

Ворвались солдаты в один дом. Устремились по лестнице вверх — оттуда велась стрельба. А Ковригин внизу остался обследовать нижний этаж — нет ли внизу засады.

Прошел Ковригин из комнаты в комнату. Пройти нетрудно. Стены во многих местах пробиты. Хотел возвращаться назад. Вдруг видит: в полу проем. Подвал сквозь проем чернеет. Глянул солдат в проем. Отпрянул. Засвистели оттуда пули. Бьют, как фонтан, как гейзер. Схватил Ковригин гранату. Опять к проему. Только думал швырнуть гранату. Да затихла в этот момент стрельба.

Поберег он гранату. Шагнул к проему. Не ответил подвал огнем. Глянул Ковригин. Видит, в подвале сидят мальчишки. Трое. По автомату в руках у каждого. Смотрят как из норы волчата. Прижались один к другому.

Знал о таких Ковригин. Не хватает солдат у фашистов. Призвали стариков и подростков в армию. Автоматы мальчишкам в руки:

— С вами бог! На врага, молодая Германия!

Не смотрит война на возраст. Гибнут в боях юнцы.

Спрятал солдат гранату.

— Марш по домам — нах хаузе! — крикнул в подвал Ковригин.

В это время наверху началась сильная перестрелка. Побежал Ковригин к своим на помощь. Удачно прибыл. Помог гранатой.

Взяли вскоре солдаты дом.

Уже потом, когда выходили они на улицу, снова Ковригин свернул к подвалу. Шел осторожно. Автомат на всякий случай держал на взводе.

Поравнялся с проломом. Остановился. Глянул. Нет мальчишек. Тихо в подвале. Пусто. Присмотрелся. Что там такое? Видит: три автомата в рядок лежат.

— Ковригин! Ковригин! — позвали бойцы солдата.

— Тут я!

Вернулся к своим Ковригин.

— Что там такое?

— Да так, ничего, — ответил солдат, посмотрел на стены, на перекрытия. — Эх и крепка домина!

Солдат Ковригин во взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата:

— Отец!

— Папаша!

А чаще:

— Батя!

Ему за сорок. Давно семейный. Солдаты-дети есть у солдата.

МЕРЕЩИТСЯ

Приметил его Неверов. Да и трудно было не приметить. Бросался фашист в глаза. Скулы имел лошадиные. К тому же лычка на нем ефрейтора.

Приметил его Неверов еще в первом бою в Берлине. Потом потерял, из виду. Однако когда битва втянулась совсем в Берлин и пошла по домам, по улицам, снова Неверов его увидел.

«Ах, жив ты еще, выходит?» Стал он за ним следить. Не выпускает из виду. Следил, следил. Однако бой есть бой. Отвлекся в бою Неверов. Утерял, как иглу, скуластого. Видно, убит, заключил солдат.

В это время в тылу у наших вдруг появилась фашистская группа. Неверов попал в отряд, который был брошен на отражение атаки фашистов с тыла. Как они тут? Откуда? — гадают солдаты. С неба, что ли, они упали. Там, где оказался фашистский отряд, еще вчера завершились бои.

Вступили солдаты с фашистами в схватку. Бьется Неверов. И вдруг видит Неверов того ефрейтора. Присмотрелся. Конечно, он. Вот так военное диво! Как он, откуда здесь?

— Ну, не уйдешь теперь!

Окружили бойцы фашистов. Уже добивают со-

всем врагов. Остался лишь этот и с ним немногие. И вдруг, как в сказке, исчезли куда-то фашисты. То ли взлетели в воздух, то ли под землю рухнули.

Обыскали солдаты округу. Нет ни ефрейтора, ни тех, что с ним.

Вернулись бойцы к своим. Доложили, мол, уничтожен в тылу противник. Бьются солдаты на новом месте. Бьется Неверов. И снова ефрейтор ему мерещится.

— Тьфу! Тьфу!

Присмотрелся. Конечно, он — кобыльи скулы.

Что за чертовщина.

Вцепился Неверов в фашиста глазами. Выбью я твой секрет. Бегут фашисты от дома к дому. Неверов по пятам за скуластым. Фашист за дом, и Неверов за дом. Фашист в подворотню, и Неверов за ним. Фашист в подвал, и Неверов в подвал. Спустился ефрейтор в какой-то люк. Переждал немного Неверов и тоже в люк. Попал он в лабиринт подземных ходов и укрытий. Так вот в чем секрет, сообразил Неверов. Вот как фашисты переходят с места на место. Вот почему то стоят они перед нами, то вдруг опять вырастают у нас в тылу.

Хотел Неверов догнать солдата. Однако исчез, растворился, как дым, ефрейтор.

Рассмеялся Неверов, махнул рукой.

— Ладно, живи, счастье твое, проворный! — Рад солдат, что подземный проход открыл. Доложил обо всем начальству.

Не только на улицах города идут бои за Берлин. По вертикали, в три яруса, в три этажа развернулось кругом сражение. Бьются на улицах, в квартирах и на крышах домов, глубоко под землей — в подвалах, укрытиях и переходах. Всюду идут бои. Все ближе и ближе к центру.

ДЕДУШКА, БАБУШКА, ГЕРХАРД И ГУСТАВ

Жило их четверо — бабушка Эльза, дедушка Курт, маленький мальчик Герхард и попугай — старый веселый Густав.

Целый день по хозяйству возится бабушка. Герхард рисует или кубики разбирает. Дедушка Курт, склонившись, сидит над картой.

Дедушка в прошлом солдат. Всю войну просидел за картой. По карте следил за войной. По карте в войну играл.

— Я солдат! Я солдат! — четыре года выкрикивал дедушка. — Фюрер ведет нас к победе. Хайль Гитлер!

Когда дедушка брал в руки карту, попугай садился к нему на плечо. Тоже смотрел на карту.

Научил его дедушка Курт с большим почтением относиться к карте. «Вот тут наши победы», — тыкал дедушка рукой на карту. Научил он попугая фашистским приветствиям.

— Хайль Гитлер! — кричит Густав.

Нравится это дедушке, нравится это бабушке, очень нравится Герхарду.

— Хайль Гитлер! — дружно кричит семейство.

Но вот все изменилось. Докатилась война до Германии. Докатилась война до Берлина. Все ближе и ближе подходит к той улице, где живут дедушка, бабушка, внук и Густав. Живут они в центре. На Фридрихштрассе. Недалеко от имперской канцелярии.

Бомбят центр города советские самолеты. Орудия бьют по центру. Где же укрыться? Кто-то сказал — под землей в метро.

И вот бабушка Эльза, дедушка Курт и маленький мальчик Герхард бегут в метро. Дедушка Курт клетку несет с попугаем.

— Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! — кричит Густав.

Спустились они под землю. Масса народа укрылась сейчас в метро. Старики и старухи, мальчики, девочки, калеки, младенцы. Вот друзья Герхарда Фред и Отто. Вот подружки Гретхен

и Эва. Где-то идет стрельба. Там, наверху, война. Здесь, под землей, спокойно.

Часы показали вечер. Ко сну потянулись люди. Задремали бабушка Эльза и дедушка Курт. И Герхард, и Фред, и Отто. И подружки Герхарда — Гретхен и Эва. И сотни других людей.

Вдруг сквозь дрему, сквозь сон почудился Герхарду всплеск воды. Открыл он глаза, и верно: вода бежит из тоннеля. Все прибывает. Поднимается выше и выше.

Проснулась бабушка Эльза, проснулся дедушка Курт. Отто и Фред проснулись. Гретхен и Эва. И сотни других людей. Проснулся и старый веселый Густав.

— Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! — кричит Густав.

Увидели люди воду. Бросились к выходу. Но и отсюда бежит вода. Началась паника. Давка. Крики. Барахтаются люди. Водоворотом бушует кругом вода.

Это по приказу Гитлера на реке Шпрее были открыты шлюзы. Боялся Гитлер, что по тоннелям метро советские войска прорвутся к имперской канцелярии. Приказал открыть шлюзы, залить тоннели.

Все больше и больше воды в тоннелях. По пояс

вода, по шею. Вот скрылись Герхард, и Отто, и Фред. Гретхен и Эва скрылись. Бабушки Эльзы уже не видно. Все выше и выше кругом вода. Лишь клетка с Густавом, как лодка по морю, плавает.

— Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! — кричит, надрывается Густав.

ОЧИСТИЛ ВОЗДУХ. РАССЕЯЛ ГАРЬ

30 апреля. После полудня. Бои идут рядом с имперской канцелярией.

Личный шофер Гитлера Кемпке получил приказ раздобыть 200 литров бензина. Принялся Кемпке искать горючее. Нелегкое это дело. Уже несколько дней, как перерезаны все дороги, ведущие к имперской канцелярии. Не подвозят сюда горючее. Носится Кемпке, выполняет приказ. Сливает бензин из разбитых машин, из пустых баков по капле цедит. Кое-как набрал сто литров. Доложил.

— Мало, — сказали Кемпке.

Снова носится Кемпке. Снова по каплям цедит. «Зачем же бензин? — гадает. — Бежать? Так ведь поздно. Перерезаны все пути. Если проедем, так сто, от силы двести метров. Зачем бензин? Конечно, бежать! Удачлив фюрер. А вдруг прорвемся?!»

Облазил Кемпке, обшарил, обнюхал все, что

мог, даже, рискуя жизнью, на соседние улицы бегал. Набрал еще восемьдесят литров. Нет больше бензина нигде ни грамма.

Доложил Кемпке:

— Сто восемьдесят литров, и больше нигде ни грамма.

Во дворе имперской канцелярии находился сад. Приказали Кемпке в сад притащить горючее. Снес он сюда канистры. Стоит и опять гадает: «Зачем же в саду бензин?»

А в это время там, внизу, в подземелье у двери, ведущей в комнату Гитлера, стоят в молчании приближенные фюрера. Прильнули к закрытой двери. Ловят малейший звук.

Томительно длится время.

Сегодня утром Гитлер объявил свою волю — он уходит из жизни.

— Немецкий народ не достоин меня! — кричал на прощание фюрер.

— Трусы!

— Глупцы!

— Предатели!

И вот сидит на диване Гитлер. Держит в руке несколько пилюль с отравой. Напротив овчарка Блонди. Преданно смотрит в глаза хозяину.

Ясно Гитлеру — все кончено. Медлить нельзя.

Иначе завтра плен, и тогда… Страшно о плене подумать. Страшится людского гнева.

Поманил фюрер Блонди. Сунул пилюлю. Позвал щенят. Потянулись, глупцы, доверчиво… Тихо, замерло все за дверью. Камердинер Гитлера Линге посмотрел на часы. Половина четвертого. Открыли дверь приближенные. Мертвы и фюрер, и Блонди, и щенки.

Завернули тело Гитлера в ковер. Тайным ходом вынесли в сад. Положили у края большой воронки. Облили бензином. Вспыхнуло пламя. Пробушевал над ковром огонь. Горстка золы осталась. Дунул ветер. Золу развеял. Очистил воздух. Рассеял гарь.

А в это время советские воины шли в последний бой. Начался штурм рейхстага.

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ВОЙНА СЧИТАЕТ

Начался штурм рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине. Он у рейхстага. Смотрит солдат на здание. Колонны, колонны, колонны. Стеклянный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние

метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружения, два года идет вперед. Хранила судьба солдата.

— Я везучий, — шутил солдат. — В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

И верно, не тронут судьбой солдат.

Ждут солдата в далеком краю российском жена и родители. Дети солдата ждут.

Ждут победителя. Ждут!

В атаке, в порыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на рейхстаг, на здание. Колонны, колонны, колонны. Стеклянный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

— Вперед! Ура! — кричит командир.

— Ура-а-а! — повторяет Лыков.

И вдруг рядом с солдатом снаряд ударил. Поднял он землю девятым валом. Сбила она солдата. Засыпан землей солдат.

Кто видел, лишь ахнул:

— Вот так пуля ему не отлита.

— Вот так снаряд не выточен.

Знают все в роте Лыкова — отличный товарищ,

солдат примерный.

Жить бы ему да жить. Вернуться бы к жене, к родителям. Детей радостно расцеловать.

И вдруг снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Немного совсем в стороне. Рванул и этот огромной силой. Поднял он землю девятым валом.

Смотрят солдаты — глазам не верят.

Жив оказался солдат. Засыпал — отсыпал его снаряд. Вот ведь судьба бывает. Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

— Сержант Егоров!

— Я, сержант Егоров.

— Младший сержант Кантария.

— Я, младший сержант Кантария.

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почетное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Ушли бойцы. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идет бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят

за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится лечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку. Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

«Ох, выше бы!» — вырывается у бойцов. И, как бы услышав товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идет на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется Красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две, десять. Тревога все больше и больше охватывает солдат. Проходит еще тридцать минут.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Друзья живы. Знамя цело. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания — по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам. Потом вдруг

бросаются к застекленному куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться еще выше.

На площади и в здании еще шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побежденным Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь войну принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам, как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побежденными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Был май 1945 года. Гремела весна. Ликовали люди и земля. Москва салютовала героям. И радость огнями взлетала в небо.